

Роман Бадалов

Похищение Семендера,
или
Кавказские хроники

Тель-Авив, 2003

Роман Бадалов

*Похищение
Селендера,
или
Кавказские
хроники*

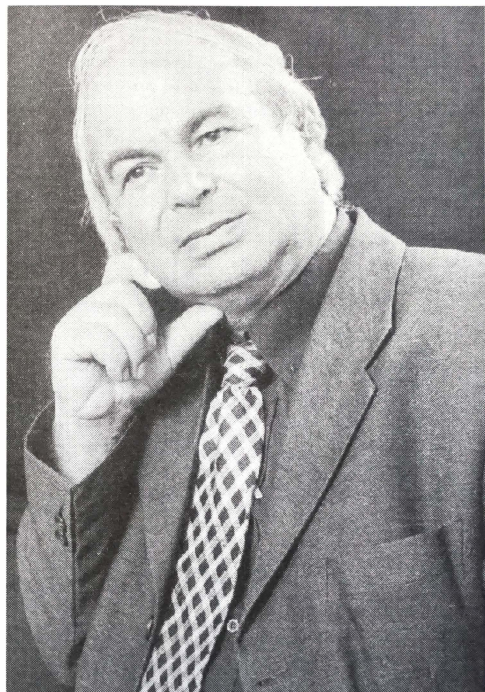
Тель-Авив, 2003

Знакомьтесь: Роман Бадалов. Уроженец Кавказа, из горских евреев. Его имя достаточно хорошо было известно любителям поэзии на родине исхода. Хорошо известно оно и здесь, на новой родине, в Израиле. Стихи поэта, опубликованные в разные годы в толстых и тонких журналах и книгах, всегда воспринимались и воспринимаются с особой теплотой и признанием.

В разные годы до репатриации и уже здесь, в Израиле, увидели свет его книги «Иду на огонь», очень тепло принятая читателями и «Живу на войне», которая была представлена на соискание Государственной премии Израиля и востребованная читателем не только в Израиле, но и за его пределами. Не так давно поэтом был издан сборник стихов «Кавказские тосты».

И вот новая книга Романа Бадалова «Похищение Семендера, или Кавказские хроники», в которой повествуется об истории горских евреев со времен седой старины и до наших дней.

Роман Бадалов — член Союза русскоязычных писателей Израиля. Активно участвует в общественной жизни репатриантов — выходцев с Кавказа. Русскоязычный читатель знает его еще и по многочисленным публикациям в газетах «Вести», «Новости недели» и «Русский израильтянин».

**«Следуя в большинстве случаев движению звезд, я
взирал неким образом в Огненное Зеркало»**

(Мишель Нострадамус)

**«Человек, который не интересуется своими со-
братьями, испытывает самые большие трудности
в жизни и причиняет самый большой вред окружа-
ющим».**

(Альфред Адлер, известный психолог,
автор знаменитой книги
«Что должна означать для вас жизнь?»)

Похищение Селендера, или Кавказские хроники

© Роман Бадалов

Телефон для справок 051-55-60-59

*Все права принадлежат автору. Перепечатка, переиздание
целиком или по частям, переводы на другие языки не разреша-
ются без письменного согласия автора.*

Израиль, Тель-Авив, 2003

Версий о появлении горских евреев на Кавказе много. Одни историки считают, что впервые они попали сюда после разрушения Первого Храма. Другие придерживаются иного мнения: горские евреи оказались на Кавказе после Вавилонского плена.

Горские евреи: загадка, на которую нет ответа

Объяснений, догадок и различных предположений по поводу горских евреев на Кавказе — великое множество. Есть даже многочисленные попытки научного обоснования этих догадок и версий. А вообще, среди самих евреев Кавказа издавна бытует легенда о том, что они — истинные потомки двенадцати колен Израилевых, когда-то в незапамятные времена переселенных в эти края ассирийским царем.

Это довольно любопытная тема. Одни исследователи считают, что горские евреи появились здесь в эпоху разрушения Первого Храма, тогда как другие ученые склонны думать, что этот приход на Кавказ относится к периоду разрушения Второго Храма. Исторические хроники говорят и свидетельствуют о том, что уже в начале пятого века н. э. на Восточный Кавказ (Дагестан) участились разрушительные набеги гуннов — кочевых племен, известных своим варварством. Именно в этот период уже под жесточайшим натиском сасанидов, потеряла свое бывшее величие и самостоятельность Кавказская Албания. На арене появился Иран, для которого Восточный Кавказ стал зоной повышенного интереса. На эти захваченные земли с целью упрочения своей власти Иран отправляет своих подданных, в числе которых было немало евреев. Основное внимание сасанидов было направлено на Дербент и прилегающие к нему земли. С укреплением дербентского плацдарма связано как раз и «великое» переселение евреев на Кавказ.

Дербентский плацдарм стал мощным стратегическим рубежом в противостоянии персов такому сильному противнику, как хазары. Именно в это время переселение евреев из Мидии в Дагестан достигло своего пика. Свидетельство тому — многочисленные еврейские поселения-крепости, которые появились на этих землях.

Некоторую информацию о появлении горских евреев на Восточном Кавказе дают нам арабские источники, но очень наглядно это описано в «Дербент-Намэ» — своеобразной летописи той эпохи в данном регионе, в которой читаем: «До прихода арабов большая часть Табаристана исповедовала Моисееву религию...» Табаристан — это нынешний Табасаран (один из административных районов Республики Дагестан).

Надо сказать, что это переселение происходило не в один день и не в один год: оно длилось десятилетия и даже века. Эта грандиозная по своим масштабам эмиграция имела продолжение и в VIII веке, уже при императоре Византии Льве Исавре. Это великое переселение продолжалось вплоть до XVI века и было связано с испанской инквизицией.

По мнению отдельных ученых-исследователей, работающих в области изучения истории горских евреев, первоначально они прибывали в Дагестан в район цветущей долины «Дэрэй Гъатта». Уже потом отсюда переезжали в новые места. При этом одно обстоятельство не подлежит сомнению: горские евреи были первопроходцами и первыми людьми среди других народностей, которые много веков назад поселились на Восточном Кавказе и освоили эти земли.

Дербент — древняя столица горских евреев

В силу своего удобного географического положения Дербент издавна становился ареной яростных столкновений между различными народами и государствами, целью которых было обладание Прикаспийским пространством. С древности этот город был центром оживленной торговли

и одновременно кровопролитных сражений, в которых участвовали арабы и персы, хазары и турки, монголы и русские.

К истории Дербента, как никто другой, причастен один из могущественных правителей сасанидской Персии Хосрав Первый Ануширван, при котором было начато строительство знаменитой крепости «Нарын-кала», состоявшей из многих каменных форпостов и самого дворцового ансамбля. Дербент был превращен в город-крепость, которую, начиная с моря и до гор окаймляла мощная капитальная стена — стратегическое сооружение, которое впечатляет даже в наш век научно-технического прогресса. Назначением крепости была надежная защита от нашествия хазаров. Это предназначение крепость выполняла сполна: хазарские племена особо не беспокоили персов. Так продолжалось до начала VII века.

В 735 году Дербентом овладевает арабский полководец Абу-Муслим. Как повествует «Дербент-Намэ», в городе уже тогда имелась община горских евреев. В 10 веке распался Арабский халифат. И в это время Дербент переходил от одного феодала к другому. В XI веке Дербент захватывают турки-сельджуки, чье господство продолжалось до середины XII столетия. А в 1239-1240 годах город оказался в руках татаро-монгольских завоевателей. Весьма любопытны записи, которые сделал уже через 13 лет после этого захвата посол Людовика IX монах по имени Гильом Рубрукс, который оказался в Дербенте, следуя в Монголию. Красочно описывая увиденное в этом городе, он, не то с огорчением, не то с удовольствием, добавляет: «Вся местность густо населена евреями».

История Дербента — это бесконечная цепь сражений, захватов и перехода из рук одних завоевателей в руки других. В 1606 году Дербентом вновь овладевает персидский шах Аббас Первый. По некоторым источникам, тогда же из Персии в Дербент была переселена не одна сотня евреев.

В 1722 году открывается новая страница в летописи этого знаменитого города. Великий русский царь Петр I входит в Дербент почти без боя. Но русские войска в силу ка-

кие-то обстоятельств в 1735 году оставляют этот город. И опять на целых 12 лет Дербент снова оказывается в руках персов и их свирепого правителя Надир-Шаха. И уже только в 1806 году он окончательно присоединяется к России.

Но богатая и на редкость уникальная история древнего Дербента на этом не заканчивается, особенно в той части, которая касается еврейской общины. Отсюда вышли знаменитые раввины и знаменитые писатели, герои Труда и знаменитые личности, которые дружили даже с последним императором Николаем Вторым. Именно из Дербента вышли ученые мужи из числа горских евреев. И тот же Дербент стал колыбелью и путеводной звездой очень именитого в свое время раввина, приехавшего в Эрец-Исраэль еще в начале 20-го века. Речь о раввине Якове Ицхаки, именем которого названо одно из поселений в Израиле «Бер-Яков».

С Дербейтом связано имя и другого прославленного кавказца — легендарного генерала Армии Обороны Израиля — Екутиэля Адама.

И хотя нет ничего вечного под Луной, Дербент — это вечный город, переживший на своем долгом веку самые разные события и самых разных завоевателей, кончая Тамерланом.

Да, вечность — это бессмертие. Дербент жил, живет и будет жить, как вечный памятник о наших ушедших предках, как священная колыбель наших знаменитых собратьев и как луч света и мост к грядущим векам и новым поколениям.

Но вечное — это не означает застывшее, окаменелое. Все течет, все меняется. Волею судьбы тысячи горских евреев из Дербента живут сегодня на новой родине — в Израиле. Они пишут новую страницу еврейской летописи.

Но жив огонек. Жизнь еврейской общины в этом древнем городе по имени Дербент продолжается. Сегодня мир стал тесен. Не обрывается связь времен и человеческих душ. И спасибо Всевышнему, что слово «Дербент» остается паролем любви и дружбы, как это было и тысячу лет тому назад.

Горские евреи и хазары

Издавна в кругу ученых-исследователей, занимающихся вопросами Хазарского Каганата, бытует мнение о причастности хазар к горским евреям. Кто же были эти самые хазары, до сегодняшнего дня вызывающие к себе такой повышенный интерес?

По мнению многих исследователей, они были потомками воинственных кочевых племен. Основанное ими царство занимало довольно приличную территорию, на которой жили различные народы, в том числе и евреи. Вот, что сказал, например, мусульманский историк Мукдаси: «В Хазарии никогда нет недостатка в овцах, меде и евреях».

Хазария располагалась на территории нынешнего Азербайджана, Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. В нее входили также и юг России, часть Украины, Грузии и Армении. О хазарах известно очень мало. Известны две столицы хазарского царства. Первая — Семендер — нынешнее дагестанское поселение Тарки, считающееся микрорайоном столицы республики — Махачкалы. Уже в другую эпоху ее столицей стал Итиль, покоящийся ныне на дне Каспийского моря, которое именовалось в древности Хазарским. Письменных источников о Хазарии очень мало. Особую ценность среди них занимает «Хазарская книга» Иуды Галеви. Вызывают интерес письма врача и философа Хасдая Бен Шафрута, жившего в X веке. Вот один маленький отрывок из одного письма: «И услышал я о еврейском правлении в царстве хазар, и что есть у них царь по имени Иосеф и не поверил этому».

А вот примерный ответ хазарского царя на послание того же Хасдая Бен Шафрута: «Любезное послание твое до нас дошло. Знай, что мы из рода Иафета и из хазарского племени. По прошествии многих дней царствовал над нами царь и имя ему было Булан. Был он мудр и увидел Бога и отвернулся от Зла».

Бытует мнение, что Хазарское царство образовалось на развалинах империи гуннов где-то в конце 6-го века. А уже к концу VII века этот Каганат был не менее могущественным, чем Византия и Арабский Халифат. Евреев в этом царстве было великое множество, и именно они, в конечном счете, повлияли на утверждение иудейской религии в качестве ведущей. Это утверждение становится бесспорным, если учесть, что первой столицей хазар был Семендер или Самандар (современный Тарки), расположенный на территории Дагестана (Восточный Кавказ). Как писал в своей «Хазарской книге» Иуда Галеви, тому самому Булану, который был хазарским царем, во сне явился Ангел божий и сказал ему, что все его намерения похвальны, но неблагоприятны. После этого сновидения пригласил к себе Булан греческих, исламских и христианских мудрецов, а также знатоков Торы. И, выслушав мнения всех приглашенных, выбрал для себя и народа своего иудейскую веру. На хазарский престол один за другим в разные времена вошли 13 всемогущих властителей — царей, носящих еврейские имена: Овадья, Ехизгиел, Манасия, Ханука, Исаак, Завулон, Мойсей, Нисим, Аарон I, Менахем, Венеамин, Аарон II, Иосиф Бен-Агарон.

Когда-то отдельные исследователи, в числе которых были и люди еврейского происхождения, ошибочно утверждали, что, якобы, прикаспийские евреи (и даже евреи всего Кавказа) являются прямыми потомками хазар. Но исторические свидетельства и последующие поиски истины, заставили этих ученых-хазарологов отказаться от своих ошибочных утверждений. Факты доказали обратное: именно под влиянием евреев Восточного Кавказа хазары приняли иудейскую религию. Это в равной мере касается и хазарских царей и их приближенных.

Примечательная в этом смысле «Книга путей царств», изданная в 930 году известным ученым и путешественником Ал-Фарисеем Ал-Истахри, который писал следующее: «Царь их — иудейского происхождения. Говорят, что свита его числом в 4000 человек. Хазары — мусульмане, христиане, иудеи. Среди них есть идолопоклонники».

Но давайте вернемся еще раз к Хасдаю Бен Шафруту, который писал, что большинство хазар были потомками восточных (кавказских) евреев из колена Симеона (Шимона). Спустя долгих 10 веков после этого раввин Ноах из общины горских евреев Кубы (Азербайджан) сделал в этом утверждении Бен Шафрута небольшую, но очень существенную поправку: горские евреи не потомки хазар, а те люди, которые обратили в еврейство хазарского царя и его приближенных.

В этой связи необходимо обратить внимание на одну любопытную деталь. У многих народов, населявших огромную территорию Хазарского царства, были древнееврейские имена: Давид, Соломон, Яков, Абрам, Иосиф. Это тоже говорит о кавказском «следе» в хазарской истории.

Баллада о хазарах: евреи, кругом одни евреи

Основоположник российской фундаментальной хазарологии академик Григорьев — автор известной работы «Россия и Азия»:

«Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную цветущую территорию и постоянное войско. Когда над Западной Европой витал дух фанатизма и глубоко-го невежества, Хазарская держава славилась правосудием и веротерпимостью. Гонимые за веру стекались в нее отовсюду».

«Тщательное исследование различных фундаментальных трудов, посвященных изучению Хазарского Царства всех времен и народов, показало, что это государство начало развиваться материально и духовно лишь после того, как иудейская религия стала главенствующей. И еще: чем больше в нем власть оказывалась в руках евреев, тем богаче и могущественнее становился Казанат».

«Можно на полном основании утверждать, что материальная культура в Древней Хазарии была создана евреями».

(Ольшанский. «Известия общества исследования и изучения Азербайджана», 1928 год)

«На Север, к славянам, шли не только войны за данью, но и товары, предметы ремесленного производства. Отсюда распространялись на юг Руси навыки ремесленной выучки, зачатки специфической, хазарской, восточной культуры».

(Хазаролог Мавродин)

В современной хазарологии еще много белых пятен. Есть вопросы, нет ответов. Некоторые из ученых мужей спрашивают: не евреями ли, отошедшими от веры отцов, были

предводители хазар еще на ранней общинно-племенной стадии? Не происходит ли слово «каган» от слова «коэн», то есть «первосвященник»? И почему гунны стали именоваться хазарами? Нет ли здесь родственной связи между древнееврейским словом «хозер», означающим «возврат к вере предков»? Вопросов много. Главный — в чем феномен такого мощного еврейского влияния на огромную империю? Ответ на него у многих современных исследователей однозначен: иудаизм «новых» евреев, перешедших на оседлый образ жизни, слился воедино с иудаизмом «старых» евреев — предводителей кочевых племен. При этом высшая хазарская элита связывала свою причастность к еврейству своей особой ролью — богоизбранством, исключительностью. Сегодня мало кто из хазарологов сомневается в том, что именно евреи Восточного Кавказа, то есть, горские евреи, были теми людьми, под влиянием которых хазарские цари и хазарская знать приняли иудаизм, хотя находятся историки, встающие против такого заключения: они до сих пор уверены в обратном — прикаспийские евреи являются потомками хазар.

Но, в любом случае, нельзя исключать того факта, что, действительно, кто-то из потомков этого древнего народа на протяжении долгих столетий смешался в каких-то регионах с евреями Восточного Кавказа. В данном случае можно сослаться на пятый том Еврейской Энциклопедии: «Когда русские опустошали город Самандыр (Самандер), жители последнего бежали... в Дербент, среди которых были и евреи».

Надо полагать, бежали не только коренные евреи по крови, но и хазары, принявшие иудаизм. В пользу того, что прикаспийские восточные евреи не потомки хазар свидетельствует одна немаловажная деталь: когда хазары восстанавливали былую мощь своего государства, нанося одно поражение за другим своим недругам, они, даже приняв иудаизм, больше на Кавказ не вернулись. Вместо Семендера их столицей стал город на Волге — Итиль.

В науке, в том числе исторической и археологической, как и в любой другой области человеческого деяния, всегда есть противостояние, есть борьба мировоззрений. Есть ис-

Авраам

торики, которые любой ценой все-таки пытаются доказать, несмотря на всю абсурдность своих утверждений, что прикаспийские (горские) евреи — это прямые потомки хазар. В качестве основного мотива такого утверждения они считают отсутствие у кавказских евреев первосвященников — коэнов и левитов. Это, действительно, так. Другое дело, почему не было их у первых евреев-переселенцев, попавших на Кавказ? Оказывается, ответ на этот вопрос дает один из разделов ТАНАХа. Так получилось, что после смерти мудрого еврейского царя Соломона Израиль распался. Образовались два государства. Столицей одного стал Иерусалим. Столицей другого — Шхем. Из различных религиозных книг известно, что представители всех колен, отошедших к государству Израиль, почему-то считались вероотступниками. Из этих же писаний известно, что евреи, заселившие Кавказ, были из колена Шимона, Исахара, Ашера, Дана и Эфраима, которые прибыли туда после разрушения Первого и Второго Храмов. Коэны и левиты появились здесь после прихода евреев из колена Егуды и Биньямина.

Хроника кавказской трагедии

Кавказ видел очень многих завоевателей. Особенно страшным было нашествие монголов в XIII веке, оно было опустошительным. Насилие растянулось более чем на 100 лет. Это нашествие, конечно, оставило свой кровавый след и в жизни наших далеких предков, особенно тех, кто жил в ту пору на территории Северного Азербайджана. Это примерно та местность, что была расположена между Шемахой (Ширван) и Дербентом.

Нашествие сопровождалось многочисленными убийствами мирных жителей и угоном в рабство. Массовая резня достигла своего пика в 1230-1240 годах. Но несмотря на небывалую резню и опустошение, горские евреи сумели выстоять, а, главное, выжить, даже в этих нечеловеческих условиях. Они стали объединяться, чтобы во что бы то ни стало сохранить свои обычаи и традиции, вместе с другими народами поднимались на борьбу против ненавистных захватчиков.

Проходило время, один завоеватель сменял другого. Пять веков спустя на азербайджанские земли и Дербент, где компактно жили горские евреи, обрушилась новая волна набегов, более жестокая по своей свирепости и насилию. Пришло время персидского завоевателя Надиршаха, свирепости которого не было предела. Огнем и мечом он пытался покорить народы Северного Азербайджана и Дагестана. Был разрушен до основания такой прекрасный город как Шемаха. Такая же участь постигла и Дербент в Дагестане. Погромам и нашествиям подверглась и Куба.

Едва разграбленные и разоренные поселения на этих землях залечивали раны, буквально поднимаясь из пепла и руин, как на них обрушивались новые завоеватели. 1395 год. На многострадальный Дербент нападают полчища Тимур-Ленга (Тамерлана). XVI век. Дербент снова в руках

Персии. На какое-то время им овладевают турки. Но уже в самом начале XVII века Дербент снова захватывают персы. Происходит это при шахе Аббасе. В 1722 году Петру Первому, что называется, без боя удается отобрать Дербент у потерявших к этому времени свою былую славу персов.

К истории Дербента имеет отношение и российская императрица Екатерина Вторая, которая направила войска якобы на помощь Грузии. Персидский поход, предпринятый Екатериной Второй, удался: сопротивление неприятеля было подавлено. Но произошло непредвиденное: смерть помешала императрице до конца реализовать свои стратегические планы в этой части Кавказа. Окончательно Дербент был присоединен к России только в 1806 году, спустя двенадцать лет после «персидского» похода Екатерины Второй.

**Рав Ицхак Бен-Яков
и его сын рав Янкиль —
светила кавказской духовности**

Кавказские евреи могут похвастаться большим списком знаменитых религиозных деятелей, которые жили в разные времена и в разных регионах. Но самыми именитыми из них являются два раввина — Ицхак бен Яков и его сын — рав Янкиль. Оба они свое талмудическое образование получили в Европе. И отец, и сын были отличными знатоками Торы, пользовались непререкаемым авторитетом не только в горской общине, но и среди народностей всего Восточного Кавказа. Рав Ицхак бен Яков, например, за бескорыстную и полезную службу во благо своего народа и Отечества был награжден военным генерал-губернатором — наместником царя на Кавказе специальной серебряной медалью. Но раби Ицхак был не только талантливым и образованным человеком, но и незаурядным педагогом, который в течение многих лет воспитал и подготовил плеяду блистательных молодых раввинов. В их числе был и его сын — рав Янкиль, которому, уже будучи глубоким стариком, передал с полного согласия и одобрения общины все руководство раввинатом. И это было сделано совсем не из личных соображений. Во главу угла была поставлена не карьера сына, не эгоистическая потребность фамильного верховодства в общине, а интересы и дальнейшая судьба верующих собратьев. Рав Янкиль был самой подходящей кандидатурой из всех имевшихся претендентов.

В истории всей кавказской духовности и религиозных познаний, рав Янкиль занимает, пожалуй, особое место. Он не только практик, но и философ. Уже в возрасте 25 лет он прочно вошел в почетный список выдающихся талмудических и религиозных деятелей. Лучшее свидетельство тому — его глубокие и обширные трактаты и комментарии к священным писаниям. Феномен его личности до сих пор остается неразгаданной загадкой. Это был великий из горских раввинов, любивший Б-га и людей. Без малого сорок лет жизни отдал он во благо Всевышнего и людей, неизменно оставаясь на своем нелегком посту.

В 1907 году рав Янкиль покинул пределы Кавказа и переселился в Эрец Исраэль. Теперь уже не Дербент, а вечный Иерусалим стал его родным домом. И на Святой земле он

продолжает трудиться на раввинском поприще. Но при этом рав Яанкиль ни на минуту не забывает о своих собратях, делает все возможное, чтобы облегчить их участь, их жизнь. С этой целью рав организует сельскохозяйственный кооператив, в котором, в основном, трудились выходцы с Кавказа. Одновременно строит поселение, которое сегодня вписано в географическую карту нового Израиля. Это Бер-Яков — живой и вечный памятник великому кавказцу.

**Братья Ханукаевы,
которые дружили
с императором Николаем Вторым**

Богатых людей среди горских евреев было много. Особенно в таких городах, как Дербент и Темирхан-Шура (Буйнакск). Хорошо шли коммерческие дела у братьев Ханукаевых.

Один из них, Манашир бен Авшалом, занимался большим и ответственным делом: снабжением российской армии, расквартированной в Дагестане. Дела шли настолько хорошо, что во время своей экспедиционной поездки по Кавказу император Николай Второй, в знак благодарности, лично вручил Манаширу орден «За заслуги перед Отечеством». Награда была вручена в Дербенте. Шел 1913 год. Это был особый год: вся Россия отмечала 300-летие Дома Романовых. И в связи с этим Николай Второй со своей свитой совершал поездки в различные регионы государства.

Николай II

Кавказ значился одним из главных пунктов этого юбилейного маршрута. Первая остановка императора была в Темирхан-Шуре, которая в те времена считалась столицей горного края. В этом городе, который все теперь знают как Буйнакск, находилась резиденция генерал-губернатора. И вот по случаю приезда светлейшего, в Темирхан-Шуру были приглашены по его личному указанию все влиятельные люди.

В этом почетном списке значился и Исуф Ханукаев. Что может быть почетнее приглашения самого императора? Богатых людей в Дагестане, а тем более на Кавказе, было много. А вот не все удостоились чести быть приглашенными императором. Исуф этой чести удостоился. В те времена не было ни скоростных поездов, ни быстрых лимузинов типа «Мерседес» или «Вольво». Были фаэтоны. Ханукаев-старший так торопился на randevu с императором, что решил

отправиться к нему на отборном жеребце. С тех пор прошло очень много лет. Но старожилы, слышавшие в свое время об этом эпизоде, с восторгом рассказывали о том, как, стараясь быстрее доехать, Исуф поневоле загнал коня. И эти же люди рассказывали, что император был весьма польщен этой преданностью кавказца. Разумеется, он пользовался особым вниманием императора, который ему всячески покровительствовал. Но покровительством Светлейшего пользовались и два его других брата — Ханука и Манашир. Их личная дружба с Николаем II — это уже другой рассказ из жизни этих удивительных людей. 300-летие Дома Романовых в Дербенте отмечали с большой помпой. Инициаторами этих торжеств были Абрам Дадашев и братья Ханукаевы. Николаю Второму были преподнесены в дар два солидных здания, в которых по просьбе императора были размещены реальное училище и городская больница. Влиятельный Акционерный Дом «Дадашев-Ахундов» устроил по случаю 300-летия пышный банкет, на котором главный «виновником» торжества был Николай Второй. После пышного банкета император изъявил желание отдохнуть в специально приготовленных для него и свиты апартаментах в доме своего приятеля Хануки Ханукаева. Это еще раз подчеркивало, насколько была крепка их личная дружба.

Мататьягу Богатырев и Соломон Мордехаев — соратники Теодора Герцля

*Мататьягу Богатырев, Теодор Герцль и Соломон Мордехаев
на Базельском съезде сионистов*

Слово «Сион» всегда было для горских евреев священным понятием. Они знали, что Сион — это Эрец-Исраэль, это священная земля и родина всех евреев. Но слово «Сион» воспринималось ими несколько по-иному: большинство вкладывало в него мистический смысл.

Переход на политическую ориентацию связан с двумя видными сионистами из кавказской среды, а именно с Мататьягу Богатыревым и Соломоном Мордехаевым. Почти весь мир обошла почтовая открытка, на которой они сняты вместе с Теодором Герцлем. Эта фотография стала исторической.

Воистину историческим стало другое важное событие, связанное с именами этих двух кавказцев: и Богатырев, и Мордехаев стали первыми делегатами VI Базельского сионистского конгресса.

Сам основатель сионистского движения Теодор Герцль, выступая перед делегатами, сказал следующее: «Особо выдающимися лицами сегодняшнего конгресса, без сомнения, являются два делегата из горских евреев». А этими двумя делегатами, как известно, были Мататьягу Богатырев и Соломон Мордехаев. С Базельского конгресса начинается, по сути, вовлечение горских евреев Кавказа в политический, осмысленный сионизм, с конкретными задачами и целями. Богатырев и Мордехаев после конгресса начинают активно распространять это течение и идеи сионизма на Восточном Кавказе — сионистское движение начинает распространяться в Кабарде, Чечено-Ингушетии, Дагестане. Соломон Мордехаев возглавляет сионистский комитет в Грозном. Мататьягу Богатырев становится лидером сионистского движения в столице Кабарды — Нальчике.

Михаил Бен Герарий (Рабинович) руководит сионистским комитетом сначала в Кубе (центр массового проживания евреев), а затем занимается этим в Баку.

Сионизм, как явление мирового порядка, оказал на евреев Кавказа колоссальное влияние, нацелив их на обязательное сохранение всех еврейских традиций и законов и вселил в них надежду на возврат на историческую родину. Сионизм укрепил их мировоззрение, вернул гордое чувство национального самосознания.

Но революция и приход советской власти спутали все карты и рухнули все надежды на ближайшее возвращение. Начался разгром всех синагог и сионистских организаций. Началась жесточайшая атака на всех религиозных деятелей, высылка их в места не столь отдаленные. Сионизм был признан враждебным и опасным течением. Он был объявлен вне закона. Многие видные деятели сионизма на Восточном Кавказе вынуждены были уйти с арены, чтобы не попасть в застенки НКВД. Но карающий меч Советов успел настичь многих из них. Среди репрессированных оказались и делегаты Всемирного Базельского конгресса — Мататьягу Богатырев и Соломон Мордехаев. Первый бесследно исчез в тюремных застенках, а второй подвергся бесконечным допросам и, не выдержав их, умер от стресса.

Асаф бен Раби Итом (Пинхасов): раввин, принявший смерть

Шел 1920-й год. Дагестан полыхал в огне гражданской войны. Деникинцы захватили Дербент — город, в котором испокон веков жило очень много горских евреев. То ли по недоверию, то ли по другой причине, генерал Деникин не брал в свою армию новобранцев из числа местных мусуль-

ман. А евреи, которым была открыта «зеленая улица», в белогвардейскую армию идти не торопились. Наоборот, под любым предлогом избегали службы. В Дербенте было немало людей, враждебно настроенных к евреям. И они ждали удобного случая, чтобы свести счеты.

И вот, наконец, настал их звездный час. Эти люди знали, что многие ребята из числа горских, чтобы не пойти в армию, прятались в садах и виноградниках, выжидая спокойных дней. Но «иуды» донесли: 28 еврейских парней были схвачены, и, как злостных дезертиров, их ожидало страшное наказание: расстрел. Публичная казнь непокорных должна была состояться со дня на день. В общине понимали всю безвыходность положения молодых ребят, понимали, что их судьба предрешена. Но, несмотря на всю трагичность положения, в глубине души надеялись на чудо, на волшебного спасителя.

Этим спасителем стал председатель Еврейского национального комитета Дербента Асаф бен Раби Итом (Пинхасов), который привлек к делу по спасению жизней молодых собратьев своего близкого приятеля Овадью бен Рахмона. Вдвоем они разыграли настоящий спектакль, организовав в одном из домов большой банкет в честь золотопогонников — «верхушки» деникинской армии. Были приглашены все офицеры, в том числе и военный комендант города. Пир получился царский: его устроитель раввин Асаф бен Раби Итом, к тому времени уже отец семейства, очень постарался, чтобы командный состав армии остался доволен. Стол ломился от изысканных блюд и всевозможных напитков.

Асаф по своей природе был тонким психологом. И когда все офицеры были в хорошем настроении и доведены до соответствующей кондиции, Асаф понял, что его час пробил. Он с улыбкой подошел к коменданту, провозгласил дружеский тост, а потом, как бы невзначай, продолжая загадочно улыбаться, вдруг решительно произнес:

— Полковник, а мы могли бы полюбовно договориться. Вы отпускаете наших парней, а мы снабжаем вас продуктами. Как говорится, от нашего стола — к вашему...

— А предложение заманчивое, — похлопывая по плечу Асафа, сказал комендант. — Мы можем договориться... Это серьезное предложение...

В тот же вечер, по указанию коменданта, имевшего коммерческие навыки и опыт подобных сделок, все 28 парней были освобождены... Асаф дал мужское слово. А слово, по старым кавказским традициям, — это закон. Весть о том, что Асаф смог освободить ребят, со скоростью света разнеслась по всему Дербенту. И теперь, как бы в благодарность, все стремились помочь ему: приносили вино, продукты питания — рис, муку, фрукты, мясо. Все это через своих людей Асаф передавал коменданту. Казалось, ничто не предвещало беды. Но через месяц-другой деникинцев как ветром сдуло. Город захватили красногвардейцы. И опять евреененавистники не дремали. Они донесли новым властям о предательском поступке Асафа Пинхасова. О том, что он, якобы, сотрудничал с белогвардейцами, снабжая их продуктами.

Судьба Асафа была теперь в руках всесильного ЧК. Его вопросом занималась военная коллегия и лично Мамедбек Мамедбеков — один из главных деятелей новой власти, который, кстати, в 1937 году сам будет расстрелян, как враг. Асафа судили. Но суд был закрытым. Он проходил в помещении городского театра и длился целых два дня, тогда как даже большие судебные процессы не длились более нескольких часов.

И самым удивительным было то, что приговор был зачитан не в зале, где проходил суд, а в камере, где сидел Асаф. И зачитал не кто-нибудь, а сам Мамедбеков. После этого взвод солдат-красногвардейцев вывел его в глухую дождливую ночь, последнюю ночь в его жизни. Это случилось 28 ноября 1920 г. Асафу дали лопату и приказали рыть могилу. Лил сильный дождь. Казалось, плакало само небо. Грянули залпы, оборвав жизнь этого удивительного человека. Ему было всего 36 лет.

А на следующий день после казни Асафа Пинхасова дотла сгорело здание ЧК Южного Дагестана. В огне заживо сгорело немало чекистов. Были схвачены несколько чело-

век, которые будто бы были причастны к этому поджогу. Это был брат казненного Асафа — Уриэль и совсем еще мальчик — 16-летний сын секретаря Еврейского комитета Юханан Семенов. После нескольких месяцев следствия все они были отпущены за отсутствием улик.

Возвращая время

С той самой поры утекло много воды. Давно уже нет в живых участников тех страшных и трагических событий. Но Память — особое понятие. Она не подвластна времени и не подлежит забвению.

Об Асафе бен Раби Итоме Пинхасове помнят. И он достоин этой Памяти, как человек, погибший во имя спасения других и как видный просветитель, который еще до революции был причастен к созданию горско-еврейской письменности и являлся автором ряда книг на родном языке. Принцип создания этой письменности был настолько актуален и современен, что ею успешно пользовались уже в советские времена, вплоть до 1928 года, то есть до введения по всей стране алфавита на основе латинизации. Он — первый человек, который заложил основы горско-еврейской письменности, взяв за основу литературного языка дербентский диалект. Вокруг этого было много споров и разногласий. Проводились дискуссии, конференции и форумы на самых разных уровнях. Проходили они в Махачкале, Нальчике, Баку, Москве. И когда на повестку дня ставился один главный вопрос — создание единого языка для всех горских евреев Кавказа, то, несомненно, выходили на языковедческие принципы Асафа Пинхасова, которым не было альтернативы.

Он прожил очень короткую жизнь. Родился в Дербенте, в семье раввина. Естественно, получил прекрасное образование. Затем была учеба у известного на всем Северном Кавказе, а впоследствии и в наших Палестинах — Израиле — Якова Ицхаки. Именно по его рекомендации Асаф попадает в дом миллионера из горских евреев Мататия Богаты-

рева в качестве домашнего учителя. Великолепное еврейское образование молодого человека привело Богатырева в восторг. И он помогает Асафу определиться в еврейскую духовную семинарию в Вильно. После успешного завершения учебы в 1908 году он возвращается в Дербент. Молодой раввин занимается одновременно и просветительской, и педагогической деятельностью: преподает в первом в Дагестане русско-еврейском училище, открывшемся в Дербенте. А вскоре он уезжает в Среднюю Азию, в город Самарканд, где и открывает такую же школу для детей кавказских и бухарских евреев.

Он полон энергии и задумок. Асаф хочет заняться, помимо прочего, еще и издательской деятельностью. Но по каким-то соображениям военный губернатор Дагестана в его прошении отказывает. Через какое-то время Асаф подает прошение на получение поста главного раввина города Дербента. И здесь его тоже преследует неудача: он не набирает нужного количества голосов. Но Асаф Пинхасов не падает духом. Он терпеливо ждет своего часа. Этот час приходит. В 1917 году он становится председателем Еврейского национального комитета, принося много пользы своему маленькому народу. Но судьба его трагична: уже через несколько часов после его казни приходит весть о его помиловании...

Даже в эти трагические для него дни, когда безжалостный меч был занесен над его головой, он сокрушался только об одном: о том, что не успел стать более полезным своему народу и очень жалел, что эти мечты о его высоком предназначении уйдут в могилу вместе с ним.

Но он все же успел сделать многое: создал первый алфавит горско-еврейского языка, стоял у основ зарождения письменности и был большим просветителем. Он погиб на подступах к великому.

**Мардахай Овшалум:
певец, поэт, бунтарь**

*Письмо донеси до родного Дербента
Кипучие слезы, горячие беды,
Мои поражения и радость победы —
Что жив и здоров Мардахай.*

(Мардахай Овшалум. «Письмо из Сибири»)

У горских евреев, впрочем, как и у других народностей Кавказа, были свои народные заступники: свои богатыри. В народе их называли «гуччи». И одним из таких был «гуччи» Мардахай Овшалум. В истории горских евреев он был и остается, пожалуй, самым известным и самым легендарным. Мардахай от природы обладал недюжинной физической силой и, наверное, был самым высоким человеком в Дербенте, где он родился и жил.

Он умер в далеком 1926 году. Причина его смерти до сих пор остается загадкой, но одна из версий остается неизменной: Мардахая отравили недоброжелатели на одной из свадеб, куда он был приглашен в качестве почетного гостя. С тех пор прошло очень много лет, но память о народном заступнике, поэте и бунтаре жива в народе. Рассказы о нем передаются из уст в уста, из поколения в поколение.

1. Не тронь папаху!

Рассказов о Мардахаях бытует великое множество. Говорят, что он ради потехи приходил на шумный дербентский рынок, чтоб только устроить спектакль, в котором играл всего-навсего один-единственный актер. Этим актером был он сам — Мардахай Овшалум. Спектакль был довольно эксцентричным: он уютно усаживался посреди базара, втыкал в землю нечто вроде штыка и вешал на него свою папаху. Таким образом этот богатырь из евреев провоцировал ретивых мусульман, которые не скрывали вражды к иудейскому племени: частенько издевались и не прочь были надругаться над честью и достоинством. Это был с его стороны особый протест. Конечно, в Дербенте мало было таких людей, которые не знали бы «гуччи» Мардахая или хотя бы не слышали о нем. И все знали и были наслышаны о

его недюжинной силе. Поэтому конфликтовать с ним никто не хотел, даже самые отъявленные и отпетые головорезы.

Но все знали и другое: Мардахай — не только богатырь, но и заступник, особенно за обиженных и оскорбленных, бедных и униженных.

Родительская семья была многодетной. Мардахая не было и семи лет, когда у него умерла мать. И чтобы как-то помочь семье, своим младшим братишкам и сестренкам, он в десять лет устраивается на работу к одному знатному беку. Работа была тяжелой, но для Мардахая она была не в тягость: уже в десять лет он был «ладно скроен, крепко шит». И поэтому работу делал играючи. А, главное, хорошо зарабатывал. Настолько хорошо, что мог оплачивать дорогие уроки уважаемого в городе раввина, который, к счастью для юного богатыря, оказался очень образованным человеком. Он научил его древнееврейской и азербайджанской грамоте. И он же, кроме изучения Торы, дал ему понятие о литературе и особенно о восточной поэзии. Раввин невольно «заразил» мальчика литературой, вызвал у него интерес к творчеству.

Проходят годы. Мальчик взрослеет. Он великолепно играет на народных инструментах — сазе и комузе, поет и сочиняет собственные песни. Он, Мардахай, отныне всегда счастливый участник почти всех похоронных процессий. Он поет, импровизирует. Его творчество очень близко и понятно народу. И поэтому любим. Любимо потому, что любим он сам, как человек с болью и пониманием воспринимающий страдания родного народа. Мардахай верит в хорошего и справедливого царя, пишет ему поначалу различные послания, полные веры и надежды. Но очень скоро разочаровывается.

Он хочет помочь своим братьям и сестрам. Специально для этого устраивается на работу в управление дербентского градоначальника, куда его берут с большой охотой за его редкие физические данные. Но его карьера полицейского длилась недолго: его выгнали за чрезмерную строптивость. Недальновидные беки и другие антисемитские элементы

раздували в Дербенте национальную вражду. Один погром следовал за другим. Мардахай пишет стихи на древнем фарси, азербайджанском и горско-еврейском. Стихи, призывающие к человечности, гуманности, к справедливости и дружбе. Но все это — глас вопиющего в пустыне. И тогда его руки машинально тянутся к оружию. Он убивает сразу двух сыновей одного из влиятельных в городе беков, которые ради своей прихоти хотели изнасиловать еврейскую девушку. Мардахай прячется от властей. Но вскоре он попадает в руки жандармов.

2. На каторге

Под усиленной охраной почтовый пароход доставляет его вначале в Бакинскую тюрьму. Через короткое время бунтаря переправляют в Астрахань, а затем этапом отправляют в Сибирь.

А до этого на защиту Мардахая поднялась вся горско-еврейская слобода, что называется, атакуя канцелярию все-сильного человека — генерал-губернатора Дербента Мардатов, требуя немедленно освободить из-под стражи своего заступника. Его провожали тысячи земляков.

Каторга не убила в нем поэтического вдохновения. Напротив, именно здесь, вдали от Родины, близких и друзей, Мардахай пишет свои проникновенные стихи, в которых по-особенному искренне и глубоко выражена боль сердца и ностальгия по родному очагу:

*Из сердца не выбрасывай меня,
Жена моя, красавица моя.
Меня водою полой из огня
Снесло в чужие, дальние края.
Пусть плачет в розах колких соловей, —
Среди шипов так больно мне и мило, —
Средь кедрачей, средь колкости ветвей
Еще вольней и так\$неумолимо...
Стараюсь петь.*

3. «Робин Гуд» Дербентского уезда

Ничто на этом белом свете не длится вечно. Когда-нибудь все заканчивается. Вот закончился и срок каторги Мардахая. Он возвращается в свой горячо любимый Дербент — к своим друзьям, к семье, родным. В Сибири он работал, как и сотни каторжан, на лесоповале. Здесь с ним приключилась маленькая беда: сорвавшееся со штабелей бревно задело ему ногу. Долго лечился, но хромота не ушла. И чтобы ему было легче ходить, Мардахай заказал себе тяжелую железную трость. Наверное, только такой богатырь, как он, мог ходить с подобной вещичкой. Другому смертному это вряд ли было бы под силу. Но для Мардахая эта особая трость имела еще и чисто символическое значение. Для него она была законной, железной границей, разделяющей еврейскую и мусульманскую слободки... Никто не осмеливался перейти ее. Бывало, сядет Мардахай, воткнет свою трость в землю, повесит на нее свою папаху и громко, во всеуслышание, заявляет: «Если есть такой смельчак, то пусть заденет мою папаху!» Охотников сделать это, конечно не находилось. Это наводило страх даже на отпетых подонков, по той или иной причине ненавидящих людей другой национальности, особенно евреев. И у них уже не было желания оскорбить, а тем более надругаться над кем-либо из Моисеева племени. Они хорошо знали, что у тех есть свой заступник.

Этот народный заступник, то есть Мардахай Овшалум, был известен во всей дербентской округе не только как стихотворец, богатырь, каторжанин. Он был известен еще и как милосердный человек с добрым и «львиным» сердцем Робин Гуда, который, не дожидаясь вежливого приглашения, являлся к местным богачам, чтоб назначить свой «налог». Эту «мицву» имущие люди должны были принести либо в синагогу, либо в другое общественное место. Это были деньги, на которые община покупала продукты для раздачи беднякам. Богачи с неохотой совершают эту «мицву». Они жалуются на самоуправство Мардахая в жандармерию. Но народный мститель не боится этих угроз. Напротив,

дербентский Робин Гуд наказывает и правительственных чиновников, даже самих блюстителей порядка. Однажды он со своими друзьями ограбил государственную казну, а все деньги раздал беднякам. Над Мардахаем сгущались тучи. В один из дней жандармы учинили над ним неслыханную расправу: они избили его почти до изнеможения. Но он все же нашел в себе силы и сам расправился с ними. Одного убил, а другому отрубил руку. Снова каторга. На этот раз сроком на 15 лет. Его конвоируют в Порт-Петровск. Но в Мардахаете живет неиссякаемый бунтарский дух. В руках — недюжинная сила. Мардахай разрывает железные кандалы. Но побег не удастся.

Он снова в Сибири. Снова на валке леса. И снова побег. Он тайно возвращается в Дербент, но по доносу одного из беков, Мардахай снова упрятан в тюрьму. На этот раз в бакинскую. Тюрьму осаждает горско-еврейская беднота. Она хочет выручить своего спасителя и защитника. Но все тщетно. Специальный пароход должен доставить большое количество заключенных в Астрахань. Но по пути судно терпит крушение, тонет. Мардахая чудом удается вырваться из закрытого трюма. На обломках бывшего корабля и бочке для песка он через день-другой вплавь добирается до берега. Но жандармы уже ждут его. И снова этап. Их было в жизни Мардахая, без малого, пятнадцать. Двенадцать раз ему удавалось бежать.

А вот еще несколько эпизодов из жестокой хроники его жизни.

1905 год. Мардахай — солдат русской армии, участвует в боях с японцами. Он и здесь, на войне, остается неисправимым бунтарем. Пишет крамольные письма домой, в которых зло ругает императора Николашу:

*И царское белое знамя
Мы выкрасим в красную кровь.*

От тяжелых родов у него несколько лет назад умирает любимая жена Наргиз. Но жизнь продолжается. И уже в 60-летнем возрасте он женится на молодой и красивой девушке из Кубы.

Но охота за ним не прекращается. Его ловят, сажают, он снова, уже в который раз, совершает умопомрачительные побеги. В родном Дербенте Мардахай появляется в горячую пору: в разгар гражданской войны. Он, как и прежде, остается народным заступником. Он не хочет быть бунтарем-одиночкой. Поэтому призывает своих соплеменников объединиться в отряды для борьбы с белогвардейцами и всякого рода нечистью. Мардахай становится поэтом-трибуном, выступает перед солдатами, уходящими на фронт. Он хочет быть в гуще событий, хочет и в эти тревожные дни быть со своим народом. Вспоминаются строки Валерия Брюсова:

*Поэт всегда с людьми,
Когда шумит гроза...*

В Дагестане идет война. Та самая, которую уже потом историки назовут гражданской. Красные... Белые... Всё смешалось. И в этой бойне трудно отличить, где свой, а где чужой. Мардахай Овшалум пытается понять умом и сердцем происходящее, чтобы повести за собой дорогих ему людей, достойных хорошей жизни.

Но недруги не дают сбыться его мечте. На одной из свадеб, куда его пригласили как дорогого и желанного гостя, Мардахай Овшолум был отравлен. Шел 1925-й год.

Абрам Дадашев: миллионер, умерший под чужим забором

На Северном Кавказе было немало богатых людей из числа горских евреев. Но особенно много их было в Дагестане, в частности, в Дербенте.

Одним из очень состоятельных людей был Абрам Дадашев. Миллионер, крупный промышленник, хозяин множества всевозможных промыслов и виноградников, держатель ценных бумаг известного акционерного общества «Дадашев-Ахундов» — вот краткий статистический портрет этого человека. Казалось, так будет вечно. Но мир так устроен, что от великого до смешного всего один шаг. А от тюрьмы и от сумы никогда не надо зарекаться. Судьба миллионера Абрама Дадашева — лучшая этому иллюстрация.

После революции новая власть не давала покоя богачам: имущество конфисковывалось, их самих этапом отправляли в Сибирь. Среди них находились умные головы, которые отдавали все нажитое ради спасения своей жизни и жизни близких. И на самом деле, что есть дороже жизни?

Но расставаться с громадным богатством, со всем нажитым, видимо, не так легко. Это словно отдавать на поруки чужим людям своих родных детей. А еще — быть мужественным.

Абрам Дадашев нашел в себе это мужество. Он стал первым из горских евреев Дербента, кто добровольно отдал новым властям все, что имел. Отдал рыбные промыслы и виноградники, усадьбы и орудия производства. И большие дома, квартиры, которые он сдавал на съем. Он оставил себе только один маленький домик. У него было милосердное сердце: даже в эти скорбные дни жизни Абрам Дадашев

проявлял беспокойство о судьбе жильцов, проживавших в его бывших домах. Известно, что он входил в ходатайство перед властями с просьбой о том, чтобы из квартир не выселяли прежних жильцов. Он был гуманистом и человеколюбом, хотя бы по одной простой причине: будучи очень богатым человеком, он никогда не брал у своих жильцов денег за съем. В основном в этих квартирах жила беднота, простые труженики, которые работали на его промыслах или виноградниках.

Конфискации, аресты, репрессии были в Дербенте в те годы, как, впрочем, и по всей стране, обычным, рядовым делом. Ломались судьбы, рушились семьи. Все это, словно умный оракул-ясновидец, Абрам Дадашев предвидел. Поэтому был спокоен: его власти никуда не сошлют, ни на каторгу в Сибирь, ни в далекий Казахстан, не расстреляют, не казнят. Но простой люд Дербента волновался за жизнь своего бывшего хозяина, боялся тайной физической расправы над ним. Поэтому не раз и не два проводились массовые демонстрации в защиту Дадашева. В колоннах — евреи, азербайджанцы, русские. Народ поддерживал Абрама за его милосердие и человечность. Он был выходцем из бедной семьи и, наверное, лучше, чем кто-либо, знал, что такое нужда. Простой люд любил бывшего доброго богача. Не было случая, чтобы Дадашев отказал кому-нибудь в его просьбе о помощи. Он помогал всем — и в будни, и в праздники. Каждую неделю его приказчики развозили по домам работающих у него людей продукты питания и вино к столу. Много лет назад очевидцы рассказывали об Абраме и его сыне Иосифе любопытные вещи. Оказывается, они помогали не только продуктами, но на свои средства устраивали свадьбы для молодых из бедных семей.

Судьба — индейка, а жизнь — копейка

1924-й год. Батуми. Последний пароход готовится к отплытию в Эрец-Исраэль. Последний, потому что выезда больше не будет. На палубе парохода — репатрианты. И среди этих людей — бывший миллионер Абрам Дадашев со сво-

ей второй женой. У него в руке — кожаный саквояж, в котором спрятано полтора килограмма золота. Абрам нервничает, переживает, предчувствуя что-то нехорошее. Лицо выдает тревогу. И действительно, за несколько минут до отплытия на пароход врываются несколько человек из органов и лихо скручивают руки Абраму. Тут же начинают «шмонать» его саквояж. Он был снят с корабля. На палубе находилась и его жена, но чекисты, к счастью, не располагали этой информацией, иначе бы до отказа набитые сундуки, которые погрузила на пароход богатая чета, тоже стали бы их добычей. А сундуки, конечно же, были набиты не камнями, а драгоценностями. По некоторым сведениям, жене Абрама Дадашева посчастливилось добраться до желанной Эрец-Исраэль. По тем же источникам, она там вскоре умерла.

А самого Абрама-аку, как его с почтением называли неевреи Дербента, ждала злая участь: мало того, что конфисковали саквояж с золотыми слитками и драгоценностями, так его, как попугая в клетке, стали таскать из одного чекистского ведомства в другое, из одной инстанции в другую, пока не добрались до самой Москвы. Абрам держался молодцом, хотя следователи, время от времени, чтобы испугать его, и прикладывали руку...

Но в Дербенте кипели страсти. Весть об аресте милосердного Абрама-дои быстро долетела до его бывших батраков, которых он любил, как родной отец своих детей. А их было много. И все они вышли на улицы древнего города, требуя освобождения этого человека, который так много сделал для бедноты и родного города. Эти протесты и митинги возымели свое действие. Глас общественности, глас народа был услышан.

Дадашева освободили, но при этом отняли у него самое последнее, даже тот маленький домик, который у него оставался. Теперь он был обыкновенным нищим, у которого не стало ни кола, ни двора. Старый, больной, измученный чекистами человек, он долго пытался получить от новых властей разрешения на выезд за пределы страны. Но ни одна из его попыток не увенчалась успехом. И тогда, уже потеряв всякую надежду, он оставил это пустое занятие.

Эпилог

Пути Господни — неисповедимы. Никто не может предсказать, где и чем закончится его бренное существование.

Не мог предсказать этого и бывший миллионер — Абрам Дадашев. Но даже в самых страшных снах ему, наверное, вряд ли снился именно такой конец. Нет, такой кошмарный сон ему просто не мог присниться. Рассказывают, что под конец жизни он ходил в старой, изношенной одежде с заплатами, порой не имея даже места для ночлега.

Было очень много людей, которые тепло относились к нему, но боязнь перед чекистами отпугивала их, отдаляла от этого старца. Находилось и немало подонков, которые за благодарность и помощь в прежние годы платили ему ненавистью и злобой. Рассказывали о таком случае. Однажды Абрам-дои покупал на дербентском рынке курицу. Когда он заплатил деньги продавцу и уже хотел уходить, какой-то здоровяк из своих, выхватил эту курицу из рук старика, выкрикивая во все горло:

— Хватит тебе жрать курей! Что, до сих пор не наелся?!

Как потом выяснилось, это был его бывший рабочий одного из рыбных промыслов, которому он когда-то помог справить свадьбу.

И таких случаев, доставлявших Абрам-дои горечь и обиду, было на закате его жизни много. Подлость не помнит доброты. Он был уже старым и тяжело больным человеком, с лихвой познавшим в жизни горечь предательства и утрат. Но несмотря на все невзгоды, он оставался великим человеком, ни разу никого не оскорбив и не ранив грубым словом.

Всё в руках Всевышнего: один из самых богатых людей на Кавказе, миллионер Абрам Дадашев умер в чужом дворе и под чужим забором.

Михаил Бен-Герарий — кавказский «Монте Кристо»

Его настоящее имя — Михаил Рабинович. Известно, что он уроженец Дербента, хорошо знал родной язык. настолько хорошо, что в течение ряда лет занимался преподавательской деятельностью. В основном он работал в Баку. Это была еврейская школа, открытая еще в 1920 году. Ни для кого не секрет: горские евреи были тесно связаны с сионизмом в самом начале его зарождения на Кавказе.

Этой новой идеологией под названием «сионизм» был увлечен и Михаил Рабинович — весьма образованный для своего времени человек, молодой и талантливый литератор — автор интересных стихов и рассказов, взявший псевдоним «Бен Герарий» (Сын гор). Он был интеллигентом высшей пробы. А в то время эта новая сионистская идеология глубоко вошла в жизнь таких интеллигентных, образованных и европеизированных групп горско-еврейской молодежи. Центром пропаганды сионистских идей стал Баку, где было много молодых интеллектуалов из людей горской общины.

И главным идеологом сионизма здесь в 20-е годы как раз и становится Бен-Герарий. Справедливости ради надо сказать, что в то время и в той молодежной среде он был на голову выше своих соратников — и по уму, и по образованию, и по организаторским качествам. Он был оратором, который умел зажечь словом сердца и привлечь в ряды сионистов десятки и сотни людей из числа молодежи.

Но вскоре его агитационная деятельность привлекла внимание властей: Михаил Рабинович, он же — Бен Герарий — был арестован. Ему грозило длительное заключение по очень серьезной уголовной статье за сбор средств в пользу Эрец-Исраэль. Но этот человек даже в сложных и крити-

ческих ситуациях не терял присутствия духа. Ему удалось сбежать из камеры предварительного заключения, хотя это было делом не простым: к нему была приставлена особая охрана.

Но за побегом последовал новый арест. Следователи обвинили его в тесных связях с неблагонадежными элементами. Неожиданно для Бен-Герария следственная «мельница» закрутилась на повышенных скоростях: его стали обвинять во всевозможных грехах, приплюсовав ко всему этому еще и статью за прошлый побег. Это грозило уже чуть ли не «вышкой». Надо было спасаться, ибо на карту была поставлена уже сама жизнь. Друзья сделали для его спасения всё: организовали новый головокружительный побег. С этого дня Михаил Бен Герарий попадает в особые списки НКВД.

Михаил Бен Герарий, как молодой «вождь» сионизма на Кавказе, был ярким антисоветчиком, который даже в своем литературном творчестве — в своих стихах — тайно или явно «кусал» новые порядки и языком Эзопа проводил в жизнь свою идеологию. Несмотря на бесконечные аресты, тюрьмы и побег, этот неуёмный человек и одаренный поэт не оставляет своего творчества. Чекисты же и не подозревают, что Михаил Рабинович и Бен Герарий — одно и то же лицо и один и тот же человек.

И вот под этим псевдонимом он в 1928 году публикует в горско-еврейской республиканской газете «Захметкеш» («Труженик») свое стихотворение «Раны весны» («Лербехой васал»), в котором выражает национальную мечту. Но это читалось между строк.

К сожалению, Бен Герарий был ограничен в своих публицистических возможностях: не было печатного органа, где бы он мог открыто выражать свои идеи. Но он старался использовать каждую возможность. В Баку выходила газета «Коммунист». Уже само название этого издания говорило о его идеологическом направлении. Бен Герарий же был с этой идеологией не в ладу. И все же он приносил туда свои стихи, в надежде, что они увидят свет. Но каждый его визит кончался вежливым отказом, а порой и открытой враждебностью: на его творчество газета «катала» унижительные

пасквили, стараясь уличить его во всех смертных грехах. И это при том, что каждое его стихотворение, рассказ или пьеса были безупречны и отличались высокой художественностью и новаторством. Это осталось уже на совести тех людей, кто открыто сотрудничал с новыми властями, и которые «на костях» других прорубали себе дорогу в светлое будущее коммунизма. Имена этих людей известны. К сожалению, их потомки — сыновья, дочери, внуки — и по сей день «играют», уже по инерции, все ту же игру двойных стандартов, шагая туда, куда ветер дует, пользуясь одним и тем же старым, но проверенным девизом: выжить. Но они сами добровольно обрекли себя на внутренний позор: эти люди хорошо ведают, что творили и творят. У людей хорошая память — они помнят имена всех: и спасителей, и палачей.

А судьба Михаила Рабиновича — Бен Герария — была трагичной, как и судьбы многих, ему подобных: за ним долго охотились, пока, наконец, однажды не обнаружили его в одном из поездов дальнего следования, с которого он и был благополучно снят. А вскоре так же «благополучно» исчез в застенках НКВД в самой столице великого СССР — Москве. На всех календарях мира значился 1937-й год.

Илья Анисимов — кавказский «Колумб», открывший горских евреев

Илья Анисимов

Нафтали Анисимов

Письменных источников о горских евреях очень и очень мало. Объяснить это можно по-разному: постоянными опустошительными набегами различных завоевателей, сжигавших все на своем пути, в том числе и письменные источники. Горские евреи, волею судьбы, все-таки выжили, а богатая история народа передавалась из уст в уста, из поколения в поколение.

Есть и другая версия того, почему так мало этих письменных источников. По данным «Еврейской Энциклопедии» образца 1908 года, горские евреи в своей среде имели всего-навсего одного человека с высшим образованием. Этим человеком был никто иной как Илья Щербетович Анисимов — автор интересной исследовательской работы: «Кавказские ев-

реи-горцы». Он уроженец дагестанского селения Тарки. Выходцев из этого местечка в среде горских евреев обычно называли «торхуни». Тарки ко времени рождения Ильи Анисимова (29.05.1862 г.) административно относился к Темирхан-Шуринскому округу. Родословное древо Анисимовых своими корнями уходит в седую старину. Бытует предание, по которому, якобы, этот род берет свое начало от очень древнего фамильного клана «ождоо» (богатырь). Но самое удивительное в этом предании — это рассказ об одном из предков Ильи Анисимова — Соломоне, который, увидев однажды волка, хозяйничающего в хлеву, схватил его за лапы и так тряхнул о землю, что от матерого хищника осталось «мокрое» место.

Но знаменитым богатырем был не только один из далеких предков Ильи Анисимова. Очень известным человеком был его отец — рав Шербет Нисим-оглы, который и по сей день считается одним из образованных и начитанных религиозных деятелей. Окончив ешиву, он несколько лет стажировался в Иерусалиме, где ему удалось еще в 1894 году издать весьма любопытную книгу под названием «Древности горских евреев».

Сам Илья Анисимов с юношеских лет проявлял большой интерес к этнографии своего народа, и к его истории. Закончив реальное училище в Темирхан-Шуре (ныне Буйнакск) и специальный годичный курс ставропольской гимназии, он в 1884 году, по постановлению педагогического совета, был принят на подготовительные курсы московского Императорского технического училища.

1. Судьбоносное объявление

А уже в мае 1885-го года в московской газете «Русские ведомости» появилось его короткое объявление следующего содержания: «Ищет уроки или какое-нибудь другое занятие студент-техник Императорского технического училища И. А. Хорошо владеет восточными языками».

Это объявление оказалось для молодого кавказца судьбоносным. Им сразу же заинтересовался известный уже в то

время ученый-языковед Всеволод Федорович Миллер, встреча с которым и определила всю дальнейшую жизнь питомца Императорского училища. Сам В. Ф. Миллер впервые познакомился с горскими евреями во время своего экспедиционного путешествия по Кавказу, предпринятого в научных целях. Оно было предпринято летом 1883-го.

Сразу же после первой встречи Всеволод Миллер разглядел в молодом горце Илье Анисимове редкий талант исследователя. Он привлек его к работе возглавляемого им Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. И через очень короткое время, в октябре 1885-го Илья Анисимов сделал свой первый доклад на одном из расширенных заседаний Общества, который был воспринят всеми присутствующими с повышенным интересом. Это явилось поводом для его единогласного избрания полноправным членом этнографического отдела (ОЛЕАЭ). Он был еще студентом Императорского училища, когда Всеволод Миллер по заданию Общества отправляет Илью Анисимова в научно-экспедиционную командировку на Кавказ. Цель экспедиции — детальное изучение истории горских евреев, их языка и быта, происхождение народа, его этнические особенности. Он объездил около 100 населенных пунктов — различных мест компактного проживания соплеменников, включая даже места их бывшего обитания. В этой научной экспедиции Илья Щербетович выполнил на редкость большой объем работы, что, может быть, было бы под силу крупному исследовательскому центру. Почти через полтора года после этой экспедиции Дашковский этнографический музей в Москве издал специальный «Сборник», в котором был помещен обширный материал И. Анисимова: «Кавказские евреи-горцы», который явился, по сути, итогом всей его экспедиционно-исследовательской работы.

2. «Дербент-наме»: тайна соплеменников

Работа по воспроизведению истории горских евреев, изучению и описанию обычаев и языка одной из древних

народностей была чрезвычайно интересной и даже захватывающей. И уже в самом начале своей экспедиционной поездки Илья Щербетович помимо встреч и бесед со знатоками, живыми очевидцами тех или иных событий, хранителями устного народного творчества, довольно часто пользовался и письменными источниками, которые представляли особый интерес. В этом плане молодого ученого привлек очень ценный рукописный памятник средневековья «Дербент-наме». Кстати, экземпляр этой уникальной рукописи ему подарил, в знак особого уважения, главный человек горских евреев Дагестана — раввин Яков Ицхаки. Илья Анисимов, понимая ценность этого источника, очень быстро перевел это сочинение с арабского на русский язык. А ценность рукописи состояла в том, что описания, данные в ней и различные эпизоды повествования, открывали завесу над тайной происхождения, быта и жизни далеких предков. Поездки молодого исследователя были сопряжены со многими бытовыми неудобствами, плохими дорогами, сложностью поиска знатоков, обладающих достоверными источниками. Но трудности и лишения были вознаграждены богатым «урожаем» собранного материала.

К каким же выводам и обоснованиям пришел молодой исследователь Илья Анисимов?

«История переселения евреев на Кавказ достоверно не известна. Никаких письменных указаний не сохранилось на время этого переселения, но, основываясь на народных преданиях, эти евреи ведут свое происхождение от израильтян, вывезенных из Палестины и поселенных в Мидии еще ассирийскими и вавилонскими царями. Еще в Персии евреи смешались с иранским племенем татов, причем одни приняли господствующую языческую религию последних, другие — распространяли религию Моисея между иранцами, вследствие чего, во-первых, теперешний язык евреев принадлежит к группе иранских языков. А во-вторых, в общине горских евреев остались и до сих пор некоторые языческие верования. Затем в средние века, по преданиями, таты-евреи смешались с хазарами, жившими на западном берегу Каспия, хазарских царей этих времен считают своими.

*Рахмани Бедэль, первый представитель
фирмы «Зингер» по Дагестану*

Особый интерес приобретают материалы, собранные И. Анисимовым в чисто мусульманских поселениях. В некоторых, теперь уже мусульманских, аулах были найдены еврейские книги и еврейские захоронения и даже тип людей, очень похожих на горских евреев. Это было лишним подтверждением того, что в различные времена различные завоеватели огнем и мечом заставляли евреев принимать мусульманство.

Исследования Ильи Щербетовича были настолько ценны и актуальны, что многое из того, что собрал талантливый «торхун», с благодарностью использовали в своих научных разработках по горским евреям выдающиеся ученые отец и сын Всеволод и Борис Миллеры.

Но Илья Анисимов был не только прекрасным исследователем, внесшим колоссальный вклад в этнографическую науку. Он на протяжении всей своей сознательной жизни занимался активной общественной деятельностью. В течение длительного времени возглавлял общину горских евреев Грозного. Благодаря его стараниям были открыты горско-еврейские школы, в том числе, в самом Грозном и в Дербенте. Хорошо известно при этом, что на эти цели он не жалел денег из своих личных сбережений. Кроме того, Илья Щербетович был почетным членом Бакинского Общества, которое занималось просветительской работой в еврейской среде. Он, как говорится, всегда находился на острие жизни. Так, например, весной 1917-го с его личным участием в одном из городов Дагестана состоялось учредительное совещание по проведению Всекавказского съезда горских евреев. На этом же собрании он был избран делегатом предстоящего форума. Какое-то время он вел большую организаторскую работу в Кабардино-Балкарии. В 1921 году он переезжает в Москву, помогает заниматься большой наукой своему племяннику Нафтали Анисимову — ставшему впоследствии первым профессором среди горских евреев.

Илья Щербетович скончался в 1928 году. Он похоронен в Москве.

Они были первыми

«Удивительные люди эти кавказцы: даже простые пастухи говорят на хорошем французском».

(Александр Дюма-старший)

Литература горских евреев не может, к сожалению, похвалиться тем, что уходит своими корнями в глубь веков, еще, к сожалению, нельзя похвалиться богатым арсеналом источников. Это объяснимо: на Восточном Кавказе книгопечатание как таковое, не имело широкого распространения. Тем не менее сохранились некоторые имена литераторов более поздней поры, которые ориентировались на устное народное творчество: сказки, легенды, предания.

Это Б. Бирор, Р. Гуршум, Х. Дадашев, Ш. Мемри, Ш. Симанду, О. Торхуни и др. Это, в основном, сказители, которые, имея богатый жизненный опыт, не были все же профессионалами и их жизнь не была посвящена лишь одной литературе. Это были первые «ласточки».

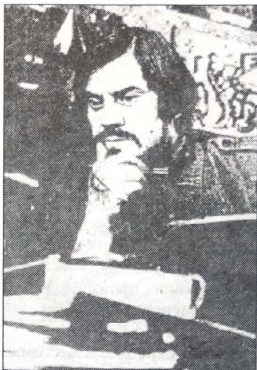
В каком-то смысле хороший разбег литература горских евреев взяла в 20-е годы, после революции и в период гражданской войны. Но здесь надо говорить о двух направлениях — литераторах-сионистах и литераторах, для которых Советская власть стала благодатной почвой в реализации их творческих возможностей. Среди наиболее известных литераторов этой поры — два брата из семьи главного рава Баку Ифраима Раввиновича. Михаил был известен под псевдонимом «Бен-Герарий». А другой брат — под литературным псевдонимом «Горский». Это он буквально блестяще в содружестве с ученым-иранистом И. Брагинским осуществил перевод «Интернационала» на горско-еврейский язык.

Но наш основной разговор о литературе горских евреев довоенного и послевоенного периода, вплоть до наших дней. И первым в этом ряду стоит имя очень популярного драматурга Юно Семенова, с творчеством которого связано становление и расцвет «татского» музыкально-драматического театра, как это называлось в то время.

Но рядом с ним уже заявляли о себе прекрасный поэт, подающий большие надежды, восходящая звезда поэзии горских евреев Манувах Дадашев, безвременно погибший на поле боя, прозаики Хизгил Авшалумов и Миши Бахшиев, начинающий поэт Сергей Изгияев, неповторимый детский писатель Даниил Атнилов.

Знатоки литературы в один голос утверждали, что незаурядную поэзию Мануваха Дадашева ждет большое будущее. Но судьба распорядилась по-своему: слишком коротким оказалось его поэтическое творчество. Ранняя смерть не дала ему возможности заговорить во весь голос. Остались черновые наброски будущих прекрасных стихов о войне и любви, о родном Кавказе. Его гибель стала невосполнимой утратой для литературы горских евреев. И хотя его поэтическое наследство не столь велико, Манувах Дадашев навечно зачислен в «золотой» фонд талантливых поэтов не только Дагестана, на земле которого он родился, но и всего Кавказа. Это имя всегда на проверке. Он и сегодня в поэтическом строю.

Бесспорно, Манувах Дадашев был самым талантливым среди писательской братии горских евреев довоенной по-

Амалдан Кукуллу

ры. Были и другие, менее талантливые и менее значимые в литературном творчестве. Но спасибо им, что и они, пусть в силу дарованного им Всевышним небольшого таланта, создавали по мере своих способностей литературу горских евреев, были ее преданными солдатами. Были чисто еврейские темы (уходящие в глубины веков. Были и другие, более современные. Одна из таких значительных тем с захватывающим сюжетом — это, конечно, героическая эпопея о Бар-Кохбе. Сегодня, уже в наши дни, бытуют многочисленные версии о том, что это были люди с Кавказа — горские евреи. Но литераторы из числа кавказской общины, хорошо уже тогда зная об этом, ни до Великой Отечественной, ни после нее не могли в силу обстоятельств отразить эту героиню в своих произведениях. На это не решались даже самые отчаянные среди них, ибо сделай они это, их непременно ждал бы ГУЛАГ.

Среди наиболее известных писательских имен послевоенной поры в среде горских евреев четко обозначились

Поэт Сергей Изгияев

имена таких мастеров художественного слова, как Миши Бахшиев, Хизгил Авшалумов, Сергей Изгияев.

Особняком в этом ряду стоит имя детского писателя, получившего всесоюзное признание. Это Даниил Атнилов, которого справедливо называли Маршаком горских евреев. Расцвет его необыкновенного таланта пришелся на 50-60-е годы. Одна за другой выходили его книги для детей в Москве и Дагестане. У

него были свои автономные темы, построенные на кавказском сюжете. Его стихи и баллады охотно переводили всемирно известные переводчики. Он, Даниил Атилиов, был «властителем» детских душ, их учителем доброте и душевной щедрости. Он был помимо того — ярким и самобытным носителем чистоты родного языка. И по сей день Даниил Атилиов остается

Зоя Семендужева

несравненным Рыцарем детской поэзии не только в стане горских евреев, но и в масштабе кавказского региона.

К числу наиболее известных писателей из среды горских евреев послевоенного периода с полным правом можно отнести прозаика, поэта и драматурга Миши Бахшиева, чье творчество было известно уже в 30-40 гг. Но по-настоящему, как писатель-прозаик со своей индивидуальной темой, он обозначился именно в годы послевоенного строительства. Обозначился в том смысле, что его творчество вышло из узких рамок общинных тем и приобрело некую масштабность. Хотя эти темы в той или иной мере всегда присутствовали в его произведениях.

Миши Бахшиев является автором ряда повестей и романов. Но из всех наиболее удачной и счастливой оказалась судьба автобиографической повести «Пусть скажут люди», в которой писатель без всяких хитросплетений и художественных выдумок просто и по-солдатски откровенно рассказал о своих фронтовых и житейских приключениях. Повесть была тепло встречена критикой и читательской аудиторией. И хотя в последующие годы Миши Бахшиев не создал, скажем, монументальных прозаических

Яков Агарунов

полотен, он все-таки выполнил свою писательскую миссию, активно участвуя в становлении горско-еврейской литературы. Его часто упрекали — и критика, и читатели в том, что он чуть ли не номенклатурный, идейный писатель, который не пытается обозначить изъяны советского «домостроя» и боится восстать против всего негативного. Да, это было. Он боялся идти против течения. Но, наверное, в этом нет его вины. Он вырос на советской почве, все, что он получил — дала ему Совет-

ская власть. И Миши Бахшиев, как преданный и благодарный сын не мог, да и не хотел ругать своих «родителей». В этом была и другая причина. Его молодость пришлась на самый пик и расцвет Страны Советов. Он воспитывался на коммунистической идее, в которую верил и которой был предан. Потом была война, на которой он с пером журналиста и ружьем солдата защищал эту идею. И, конечно, поэтому именно М. Бахшиев не мог быть диссидентом.

Если Миши Бахшиев как писатель обращался к объемной прозе — к романам и повестям, Хизгил Авшалумов, напротив, является мастером коротких рассказов юмористического плана. Он тоже писатель со стажем, литературное творчество которого относится еще к довоенным 30-40 гг. Но настоящее признание и популярность пришли к Хизгилу Авшалумову лишь в 60-70 годы. И это прежде всего связано с выходом в свет его книги юмористических рассказов под названием «Новеллы о хитро-мудром Шими Дербенди», сразу привлечшим внимание и критики, и читателя. Легкость языка, необычные сюжетные повороты и правдоподобность эпизодов, взятых прямо из повседневно-

ной жизни — все это способствовало необычайному успеху писателя. Шими Дербенди Хизгила Авшалумова стал народным героем, любимым персонажем тысяч простых людей. Он стал таким же популярным в Дагестане, как, скажем, сказания о Ходже Насреддине в Средней Азии.

Говоря о писателях и поэтах из среды горских евреев, нельзя не упомянуть имени талантливого поэта, имя которому Сергей Изгияев.

И хотя его жизнь оборвалась в самом расцвете творческих сил (он не дожил до своего 50-летия), Сергей Изгияев успел внести свой посильный вклад в поэзию горских евреев. Выход каждой его новой книги было всегда событием. Он много помогал молодым, начинающим литераторам, объединяя их вокруг единственного альманаха на горско-еврейском языке «Ватан Советиму» (Советское Отечество).

Сергей Изгияев много сделал и для создания и пропаганды родной песни. Самой знаменитой среди них и по сей день остается «Гюльбоор», которую любят и поют даже здесь, на новой родине в Израиле. А память о поэте увековечена и в мемориальной стеле, установленной на фасаде дома в древнем Дербенте, в котором он когда-то жил и рождал свои прекрасные стихи.

Раввин, которого реабилитировали после убийства

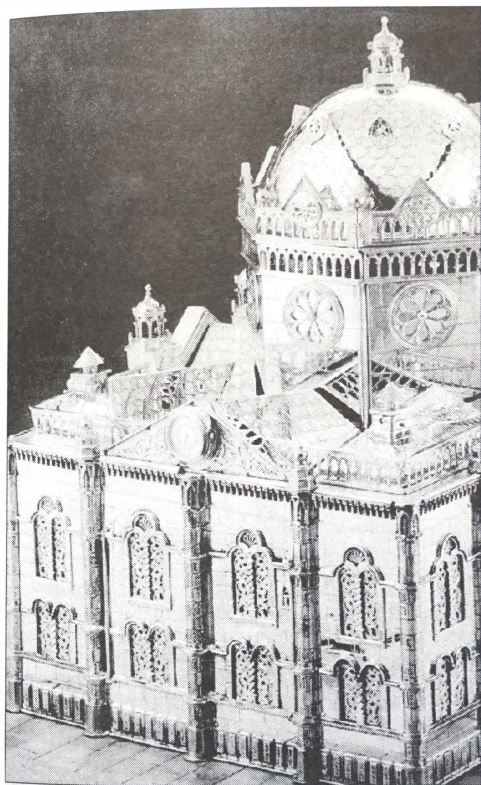
ВЫПИСКА

Из постановления Верховного суда Азербайджанской ССР от 30 июня 1990 года.

«По существу повторного запроса сообщаем: «Гражданин Мизрахи раби Хаим раби Исак, уроженец Красной (Еврейской) Слободы Кубинского района (Азербайджан) был арестован 22 августа 1937 г. постановлением «тройки» НКВД Азербайджанской ССР от 9 сент. 1937 г. Он был признан виновным в том, что занимался распространением контрреволюционной антисоветской агитации, утверждал о неизбежной гибели советской власти, клеветал на коммунистическую партию и советскую власть, противодействовал успешной подписке на заём, за что был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества.

Постановление о расстреле приведено в исполнение 15 сент. 1937 года. Мизрахи Раби Хаим раби Исак посмертно реабилитирован судебной Коллегией по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР от 17 мая 1960 года».

В то время, когда расстреляли отца, Мататье Исакову (Мизрахи) шел всего восьмой год. И хотя облик отца запечатлелся не совсем четко, он, повзрослев, по крупицам стал собирать все, что было связано не только с отцом, но и со всем генеалогическим древом известной династии, начиная от прапрадеда. Это было несколько поколений раввинов, ревностных служителей культа и замечательных людей, строго придерживавшихся заповедей Торы. Мататье Исаков на протяжении долгих лет стал как бы летописцем этой незаурядной династии. Эта летопись, в которой есть и дра-

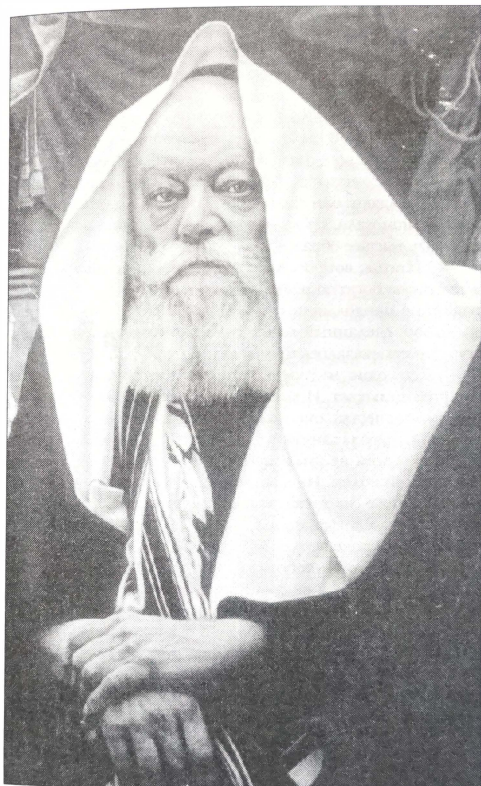
Еврейская синагога (Восточная Европа)

матические страницы, сегодня имеет свое продолжение. И пишет ее Мататья — счастливый отец 10-ти детей, уже здесь, на новой родине.

Итак, Мататья Исаков (Мизрахи), 1929 года рождения. Выпускник филологического факультета Азербайджанского университета. Долгие годы работал в периодической печати. Член союза журналистов СССР. Награжден 5 орденами и медалями. 13 лет назад репатриировался в Израиль.

— Мататья, поскольку вы — семейный летописец, вам, как говорится, и карты в руки: очень коротко, пожалуйста, о ваших предках из почетного и древнего «племени» раввинов Мизрахи...

— Начну с отца моего деда. Рав Гуршум бен Рувин не раз, рискуя собственной жизнью, спасал своих соплеменников от погромов. Из поколения в поколение рассказывают, как он однажды остановил от разбоя сотню всадников, выйдя им навстречу с открытой Торой. Кто-то из бандитов полоснул в ярости по священной книге, и сам, испугавшись этого греха, приказал всем остальным повернуть назад. Эта Тора с бандитской отметиной до сих пор хранится в нашей семье как дорогая реликвия. Моего деда — рава Ицхака Мизрахи горские евреи справедливо считали одним из главных раввинов края. Он считался великолепным знатоком Торы. Не раз приглашался еврейскими общинами Варшавы, Одессы и Праги. Там неоднократно выходили в свет его трактаты, комментирующие Священное Писание. У него было редкое право выдавать особо отличившимся в религиозном ремесле людям удостоверение раввина. И это право дед реализовывал не один раз, тем самым обогащая общину горских евреев знатоками и хранителями Торы и еврейских Заповедей. Теперь об отце. Его история трагична. Он был из поколения раввинов и сам значился одним из ведущих равов. Он не дружил, да и не мог дружить по своим убеждениям с советской властью, за что и поплатился жизнью. Говоря об этой уникальной династии, не могу не вспомнить другого человека — моего дядю, рава Гуршума, который долгие годы был раввином Еврейской синагоги в Баку.

Знаменитый Любавичский ребе — кумир миллионов

— Мататья, вы числились сыном врага народа. Это, наверное, очень тяжелая участь. Как все-таки удалось выжить, подняться на ноги и занять свое достойное место в жизни?

— Да, я значился сыном врага народа. Но люди хорошо понимали, что отец — раби Хаим, вовсе не был врагом, а был настоящим человеколюбцем, который всегда помогал людям. Что делать? Такое было время — страшное и непонятное. Ведь люди при всех превратностях судьбы хорошо разбираются в том, кто есть кто. Зерна доброты и милосердия никогда не пропадают: они дают хорошие всходы. Были люди, которые нам помогали. И благодаря этому, наверное, мне удалось получить высшее образование, стать журналистом.

— Мататья, вопрос, как говорится, на засыпку: почему, имея такую богатую раввинскую родословную, вы не стали равном, не продолжили родовую традицию? Что повлияло на выбор, сделанный вами: трагедия отца или призвание журналиста оказалось привлекательнее?

— Есть одно мудрое изречение: на детях талантов — природа отдыхает. И хотя это в большей мере относится к людям творчества, оно может быть применимо ко всем, независимо от рода занятий. Судьба отца — это, конечно, трагедия. Но совсем не это отпугнуло меня и заставило сойти с раввинской колен. Не каждый человек может стать раввином. Это тоже Знак, своего рода творчество. Ты должен любить это дело до фанатизма, отдать служению религии всего себя. Я глубоко верующий человек, но этого мало, чтобы стать раввином. И, честно говоря, журналистское призвание взяло верх. И я не стал противиться этому, хотя отчетливо понимал, что изменяю родовым традициям.

— Мататья, вы стали, образно говоря, как бы «последним из Удэгэ». На вас замкнулась родословная раввинов Мизрахи. И, вместе с тем, вы стали первым человеком в роду, вступившим на писательскую дорогу. Когда это все началось и каким событием ознaменовано?

— В 1947 году, когда мне было всего 16 лет, я был утвержден делегатом Первого съезда молодых писателей Азербайджана. На одном из заседаний съезда знаменитый поэт Самед Вургун подарил мне свою новую книгу стихов.

— Мататья, а когда вы впервые познакомились с этим легендарным поэтом?

— Впервые я познакомился с ним годом раньше, в 1946 году, когда Самед Вургун приезжал к нам в Красную (Еврейскую) Слободу на встречу со своими избирателями. Он тогда был кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Вот на этой самой встрече я с трибуны приветствовал его своим стихотворением «Добро пожаловать, поэт!» Вургун был растроган этим приветствием. Он подошел ко мне, по-отечески обнял и поцеловал. Прошло много лет. А я читаю и перечитываю вновь строки этого замечательного писателя: «Поэт, как рано постарел ты, — Ты, говорят, счастливый самый...»

— Вот уже 13 лет, как вы живете в Израиле, на новой, еврейской родине. Что вы можете сказать об Эрец-Исраэль и о своей жизни в этой стране?

— Об Израиле мечтали все мои предки. И я счастлив, что осуществил их мечту. Да, трудно, да, не все так, как хотелось бы. Но надо понять: приехали евреи со всего мира на эту маленькую землю. И, конечно, без проблем, без трудностей не обойтись. Не кто-то должен делать это благополучие, а мы все, кто приехал сюда, если мы действительно любим свою родину.

— Мататья, вы — отец-герой, у вас 10 детей и 28 внуков. Вы разменяли уже восьмой десяток. А уверены ли вы, что ваши дети и внуки найдут свою судьбу и будут счастливыми людьми на еврейской земле, именуемой Израилем?

— Да, уверен, иначе я не приехал бы сюда.

— Вы на пенсии. Время отдыхать. Но вы — журналист. А журналист, как солдат винтовку, держит в руке перо до последнего часа... Что у вас в этом плане?

— Все верно. Покой нам только снится. Есть о чем писать и о чем поведать людям.

Исай Иллазаров

Сегодня ему было бы 80. А в том далеком сорок четвертом, когда он пошел в последнюю атаку и принял последний бой, ему было неполных двадцать четыре. В том жестоком бою бесстрашный сын Кавказа — горский еврей Исай Иллазаров совершил подвиг и вошел... в бессмертие.

Исай Иллазаров: подвиг и бессмертие

Указ Президиума Верховного Совета СССР

Москва — Кремль

24 марта 1945 г.

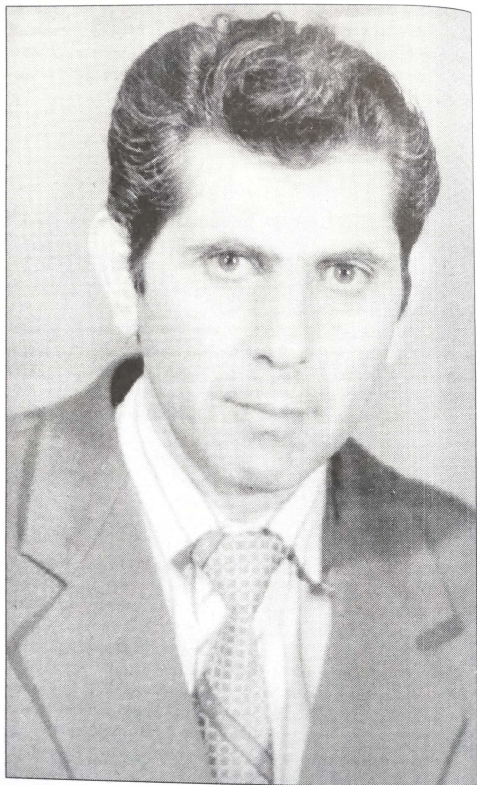
За героический подвиг, совершенный в борьбе с немецкими захватчиками, присвоить гвардии старшему сержанту Иллазарову Исаю Иллазаровичу высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. М. Шверник

1. Восхождение на Эльбрус

Столица Кабардино-Балкарии готовилась к празднику: через несколько дней 21-я годовщина великого Октября. Приветливый и уютный Нальчик «утопает» в море разноцветных транспарантов и огромных плакатов и панно. Праздничное настроение и на фабрике модельной обуви, где работает Исай. Завтра в честь праздника предстоит массовое восхождение на самый высокий пик Кавказа — Эльбрус. Исай — комсомольский вожак предприятия, а заодно и ответственный за подготовку своих ребят к штурму Эльбруса. У него сегодня самый «горячий» день: надо тщательно подготовить альпинистскую амуницию, пригласить спортивных инструкторов, получить от них консультацию, поговорит с ребятами. И еще успеть сделать много-много других дел.

Лазарь Иллазаров — сын Героя Советского Союза Исаия Иллазарова

Восхождение получилось, хотя не все его участники сумели взобраться на «крышу» Кавказа. Исай по природе был физически крепким парнем. И он был среди тех, кто праздновал взятие высоты. Это был первый подвиг Исая Иллазарова. И была первая награда: ему присвоили звание «Мастер спорта СССР». Для того времени это было сенсацией: мастеров спорта было очень мало. Их уважали, ими гордились.

После этого памятного восхождения Исай стал местной знаменитостью: его часто приглашали на различные молодежные мероприятия, включали в составы жюри всевозможных конкурсов. Скромный по натуре, он не любил этих почестей и порой говорил: «Я не артист, не знаменитый летчик, который спасал челюскинцев. Я такой же, как и все вы. Стану знаменитым — сам приду к вам».

Память о штурме Эльбруса осталась у него на всю жизнь. А вернее, осталась памятка, зарубка. Там, на высоте, не подвластной даже «царю» птиц — орлу, в ноябре уже зима. Исай, проявив удивительную заботу о каждом, в этой суматохе перед восхождением совершенно забыл про себя. Эта «забывчивость» не прошла для него даром: он обморозил два пальца руки и ноги. И целых три месяца «провалился» на больничной койке. У него было смешанное чувство радости и обиды. Радости — от того, что покорил этот гордый Эльбрус. Обиды — оттого, что не сможет теперь, как прежде шить хорошую модельную обувь. Ведь для этого нужны гибкие и послушные, как у пианиста, пальцы.

2. Есть хлеб — будет песня

Но Исай духом не упал. Другой вместо него, возможно, позаботился бы об инвалидности, получал бы пособие. Только все это сделал бы кто-нибудь другой, но не Исай, который не мог сидеть без дела и минуты.

Тогда в моду входило шоферское дело. И он пошел на курсы, закончил их и получил даже направление на работу. Теперь Исай развозил хлеб по торговым точкам. Его род-

ным предприятием стал Нальчинский хлебозавод, который славился своей отличной продукцией. Где бы он ни работал, Исай отдавался работе сполна, она становилась главной частью его жизни. Он шил обувь, которая была безукоризненной. Три года до своего призыва он работал шофером и экспедитором одновременно. И никто не помнил случая, чтобы когда-либо было нарушено им время доставки хлеба в торговую сеть. Вот таким он был обязательным человеком.

3. Солдатами не рождаются

У горских евреев Кабарды была своя традиция: рано женятся и рано выходят замуж. Исай тоже не изменил этой традиции: ему было всего 20, когда он соединил свою жизнь с миловидной горяночкой по имени Кеширо, которую он любовно называл Катюшей. Свадьба получилась отменной: было много родных и близких, знакомых и друзей. Было много вкусной кавказской еды и, конечно, много «огненной» музыки. Жених и невеста тоже кружились в вихре лезгинки.

А потом опять была работа ... и сладкое ожидание рождения ребенка. Исай приходил домой поздно и очень усталый: весь день на ногах, весь день на перевозках. И молодая супруга, понимая все это, старалась подарить ему больше внимания и женской ласки. И каждый раз при случае тихо шептала ему на ухо: «Исай, у нас будет сын».

Война ворвалась в жизнь людей неожиданно, как гроза. И так же неожиданно она вошла в жизнь Исаю. 2 ноября 41-го он получил повестку из военного комиссариата города. А всего через пару недель оказался на действующем фронте.

4. Герои умирают стоя

Исаю после школы очень хотелось попасть в Москву: посмотреть на достопримечательности, погулять по ее ши-

роким проспектам, походить по музеям. Но мечта так и осталась мечтой. И вот теперь ему выпала честь защитить любимую столицу от фашистов. Враг был на подступах к Москве. Ожесточенные бои шли круглые сутки. Боец Иллазаров не дрогнул. Вместе с другими сослуживцами по роте, находясь на линии огня, на передовой, он оказывал яростное сопротивление гитлеровцам. Его боевое крещение состоялось. Здесь, под Москвой, Исай открыл и первый счет уничтоженным фашистам. А потом было и контрнаступление: немцев погнали далеко за Москву. И была знаменитая Курская дуга, в пекле которой молодой горец едва не погиб.

На войне, как на войне: смерть, как верная подруга, ходит рядом с тобой. Сегодня жив — и слава Б-гу. Вот уже 3 года как Исай уехал из дома. На календаре — 1944-й. Рядом Витебск. Степь пахнет полынью. А впереди сильно укрепленные вражеские позиции. Минута-другая — и стрелковая рота уйдет на выполнение особо важной задачи: отбить у врага стратегический плацдарм. Выполнить задание не так просто: позиция сильно укреплена и связана лабиринтом траншей. Надо организовать прорыв, чтобы дать возможность продвигаться нашим наступающим частям. И выполнить этот боевой приказ было поручено личному составу 171-й армейской стрелковой роты.

На первых же минутах операции кинжальным огнем фашистского пулемета был убит командир роты. Ситуация сложилась крайне тяжелая. Любое промедление могло вызвать панику и гибель солдат. Только личное мужество могло спасти положение. И гвардии сержант Иллазаров, взяв командование на себя, повел роту на штурм вражеских траншей. Немцы, не ожидавшие такого яростного броска русских, в панике стали убегать, ведя хаотическую стрельбу. Затаив дыхание, следили за ходом боя с наблюдательного пункта разведчики 1-го стрелкового батальона 272-го гвардейского полка 90-й гвардейской дивизии.

Исай Иллазаров показывал в этом бою чудеса храбрости, идя в атаку во весь рост и ведя за собой однополчан. Это было что-то ошеломляющее: молодой горец вместе с ребя-

тами из роты стремительно ворвались в укрепленные траншеи противника. И, не дав опомниться, уже врукопашную, стали уничтожать одного гитлеровца за другим.

А враг продолжал сопротивляться, стремясь ввести в строй свежие силы. Но остановить победный рывок роты немцы уже не смогли. Исай Иллазаров со своими стрелками вышел на исходный рубеж — населенный пункт Карташи. Боевая задача по прорыву мощной обороны противника была блестяще выполнена. В этом бою отважный горец лично истребил свыше 30 гитлеровцев и множество огневых точек с их расчетами.

Это правда, что смелого пуля боится, и что смелого штык не берет. Но война есть война. И шальная пуля не спрашивает ни у кого ни имени, ни отчества. В этом бою Исай Иллахаров был тяжело ранен.

И за мужество и отвагу, проявленные им в этом бою, молодой джигит с Кавказа был представлен к высшей награде Родины — к званию Героя Советского Союза.

А 6 сентября 1944-го года в жизни Исаея Иллазарова был еще один, самый последний бой. Он шел за освобождение от врага другого важного плацдарма — населенного пункта Киркели Бауского района Литвы. Вражеская пуля не пощадила Героя. На земле далекой Прибалтики и нашел свой последний приют отважный кавказец — горский еврей Исай Иллазаров, подвиг которого увенчан Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Но память о Герое жива. Его именем в столице Кабарды названа бывшая Надречная. Школа №10 города Нальчика, в которой он учился, тоже носит его имя.

Герои погибают. Подвиг живет. В Израиле живут сын Исая Иллазарова — Лазарь Исаевич и его внук Исай, названный так в честь знаменитого деда.

Богдановка: «Бабий Яр» горских евреев

*Простите, павшие, любя,
Что память заросла травой,
Что о Богдановке, скорбя,
Никто не вспомнит хоть порой.
Порою не хватает зла:
Молчат о вас, хоть каждый — свой,
Не бьют во все колокола —
Иль этот Бабий Яр — чужой?!*

Роман Бадалов

Бабий Яр — наша боль и незаживающая рана, моя личная трагедия и великая трагедия всех кавказских. Но мы — евреи, и независимо от того, кто из нас к какой из общин относится — ашкеназов или горских евреев, бухарских евреев или выходцев из Грузии, — мы должны оставаться справедливыми хотя бы по отношению к памяти павших. И если надо бить во все колокола и кричать на весь мир о Катастрофе европейского еврейства, то нельзя нам забывать и о Катастрофе других евреев, в данном случае горских (кавказских). А ведь это одна из малочисленных народностей, где счет не идет на миллионы. И здесь потеря даже одного человека равносильна потере целой тысячи.

Моздок, Менжинск, Нальчик, Пятигорск и, наконец, Богдановка, ставшая Бабьим Яром горских евреев. По сей день неизвестно точное число людей, замученных и расстрелянных гитлеровцами в каменоломнях Машука. Этим вопросом в свое время занимался в качестве члена Чрезвычайной комиссии по расследованию нацистских преступлений известный русский писатель Алексей Толстой, автор книг «Гиперболоид инженера Гарина», «Хождение по мукам» и др.

Горские евреи, погибшие в противотанковом рву на подступах к Нальчику

Северный Кавказ, где проживала основная масса горских евреев, был для гитлеровцев малознакомым местом. Ашкеназских евреев нацисты знали. Они встречали их в Германии, Польше, Австрии, Франции. Но им и в голову не могло прийти, что Моисеево племя может оказаться у подножья Казбека и Эльбруса и даже то, что не менее любопытно, на Ставропольщине. Волею судьбы, спасаясь от преследования, еще задолго до войны какая-то часть горских евреев облюбовала себе почти заброшенный хутор. Сразу же дали ему название — Менжинск — в честь еврея-ученого, много сделавшего для этого края.

Через пару лет о новом еврейском колхозе заговорили во всей округе: хозяйство было крепким и зажиточным. Правда, не было здесь синагоги. Местные партаппаратчики из «центра» противились этому. Но каждая семья соблюдала еврейские обычаи и традиции, не употребляла в пищу ничего некошерного, каждую пятницу сюда исправно приезжал раввин из Моздока, расположенного в 30 километрах от еврейского поселка.

Но вот грянула война. И наступил роковой сентябрь 1942 года. Мирные работающие люди ничего не знали о зверствах

гитлеровцев, об их патологической ненависти к евреям. Не знали они даже того, что всего неделю назад фашисты безжалостно уничтожили еврейскую общину Богдановки. Нашлись предатели и недруги, которые оказали горским евреям «дружескую» услугу за их хлебосольство и гостеприимность, за их отзывчивость и готовность помочь. Но самым трагичным было то, что горские евреи, ни о чем не подозревая, представляли оккупантам кров, делились с ними продуктами.

В Богдановке жили не только евреи. Жили и русские, и армяне, и казаки. Вначале оккупанты вели себя более-менее прилично. Разве что позволяли себе зайти во двор и конфисковать курицу. Потом вдруг стали наглеть: могли избить человека, увести последнюю скотину. Предатели делали свое черное дело. Они и сообщили фашистам, что больше половины населения Богдановки — евреи. Но гитлеровцы знали других евреев — светлолицых, рыжих, с голубыми глазами. А эти — настоящие горцы, смуглые, черноволосые, усатые. И говорят на каком-то непонятном языке...

К «варфоломеевской ночи» каратели готовились долго и тщательно. В первую очередь они позаботились о том, чтобы никто из других людей (неевреев) ничего не знал о предстоящей акции. Во всех домах окна были забелены известкой. Все были строго-настрого предупреждены: любопытных

Памятник погибшим жителям поселка Манжинск

ждет расстрел. Но отважные все-таки находились. И в едва заметную щелочку следили за происходящим. А зрелище, которое они наблюдали, было страшным: горских евреев аккуратно строем гнали ... на расстрел. Сначала более крепких, потом стариков, женщин и детей. Очевидцы трагических событий рассказывали потом, что очень долго слышался душераздирающий детский плач. Было ясно, палачи отнимают малышей у их матерей. А потом раздались автоматные очереди, которые то утихали, то вспыхивали с новой силой. Это расстреливали очередную партию несчастных...

Буквально через несколько часов после того, как оккупанты отступили из Богдановки, в поселок со всех сторон устремились люди: все уже знали о небывалой трагедии. У многих здесь жили родственники или просто знакомые. Картина, которая открылась им, была потрясающей: из длинного и глубокого рва, заполненного изуродованными телами, валили густой красно-белый пар. Была зима, январь. Видимо, бегство варваров было столь стремительным, что они не позаботились о сокрытии своего преступления.

Всего нескольким семьям горских евреев удалось спастись тогда от неминуемой гибели в Богдановке. Они остались в живых благодаря человечности других людей, которые, рискуя жизнью, прятали их у себя. Были предатели, но были и такие, кто хорошо знал горских евреев еще до войны и был благодарен им за все доброе, что они им когда-то сделали.

Менжинск, Моздок, Богдановка. Три населенных пункта, общая трагедия горских евреев. А еще и каменоломни горы Машук, у подножия которой когда-то пролилась на дуэли кровь Михаила Лермонтова. Война есть война. И на войне — как на войне. Но всякий раз удивляешься: и «центр», и местные власти были хорошо осведомлены о зверствах фашистов, об их лютой ненависти ко всем евреям без исключения. И, зная об этом, местные власти даже пальцем не пошевелили, чтобы спасти их, заранее эвакуировать в безопасные районы. При этом, как стало известно, власти рапортовали в «центр» о том, что все меры безопасности приняты. На самом же деле они бросили этих людей

Памятник богдановским евреям — жертвам фашизма

на произвол судьбы, превратив их в самых настоящих заложников немецких головорезов. И при этом не забыли вывезти на «большую землю» собственную дорогостоящую мебель и даже комнатных собачек.

А судьба горских евреев их мало волновала и тогда, в годы войны, и после нее. Настолько мало, что даже скромный обелиск на месте гибели горцев был поставлен на средства тех немногих, кто уцелел в той бойне. Но некоторое «внимание» власть имущие все же проявили: они заставили снять с памятника еврейский символ — «магендавид». И долгих 55 лет старались, да и стараются и сегодня, даже в новой России, не вспоминать о катастрофе горских евреев. Впрочем, и в Израиле тоже. Да, Бабий Яр — это трагедия всего человечества. Но надо бы внимательней читать страницы истории! Ведь когда отрезают палец руки, пусть даже мизинец, больно всей руке. О Катастрофе говорить надо. Только не надо замазывать известью стекла, как это делали палачи в Богдановке, чтобы другие ничего не видели. Это богохульство, тем более когда речь идет о своих — о евреях. И поэтому и о Богдановке, и о Моздоке надо помнить.

Академик Гавриил Елизаров — горский еврей, который спас великого Брумеля

Гавриил Елизаров творил чудеса. Он раздвинул до неузнаваемости границы науки, которая называется ортопедией. Его врачевание и его «колдовство» было изумительным. Оно восхищало и оно поднимало на ноги уже обреченных.

Одним из таких обреченных, к великому несчастью, оказался выдающийся легкоатлет, заслуженный мастер спорта, чемпион мира и олимпийских игр, Валерий Брумель. Травма была настолько серьезной, что ни одно светило не могло ему помочь. Дело дошло до ампутации ноги. И вот здесь на выручку пришел кудесник Елизаров, который быстро вернул спортсмену былую форму.

После вмешательства в его лечение Елизарова, Брумель не раз снова и снова покорял спортивные высоты и рекорды, поднимался на высшие ступени почета. А злопыхатели и недруги в это же самое время еще продолжали, по старинке, чернить имя Гавриила Елизарова, называя его «шарлатаном».

Он был патриотом и великим человеколюбом. Все знали, что в клинику Елизарова попасть трудно: большая очередь. Но когда к нему на лечение приезжали земляки с Кавказа, то он находил время и место, чтобы принять их и помочь. Поэтому кавказцы помнят своего великого кудесника, имя которому было Гавриил Елизаров.

Еще 20 лет назад президент Италии Сандро Пертини принял в Квиринале (президентский дворец) известного советского ученого, профессора Гавриила Елизарова, руководителя научно-исследовательского института экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии.

Гавриил Абрамович Елизаров

Многим итальянцам была оказана помощь в этом институте, — а ведь с точки зрения традиционной ортопедии, они были неизлечимы. Среди них были дети и взрослые с дефектами конечностей или те, кто имел особо тяжкие переломы и травмы.

В беседе с Елизаровым Пертини спросил его, почему профессор предпочитает работать в далекой Сибири, а не в столице. На это исследователь ответил, что новое не обязательно должно идти из центра. И действительно, в Италии первыми методы Елизарова применили врачи из города Лекко.

Елизаров помог Карло Маури, известному путешественнику, отважно пересекшему океан на борту знаменитых судов Тура Хейердала «Ра» и «Тигрис», Маури назвал советского ученого «Микеланджело ортопедии».

У Маури с рождения одна нога короче другой на четыре сантиметра. Двадцать лет назад во время одного альпинистского восхождения он разбил ступню ноги, и к этому добавился хронический остеомиелит.

Вернувшись в Италию, Маури рассказал врачам Лекко, его родного города, о методике советского профессора. Если бы не было конкретных доказательств — фотографий, рентгеновских снимков и самого факта выздоровления, ему бы не поверил никто, так как то, что он говорил, казалось прочитанным в научно-фантастическом романе.

Но профессор Елизаров делает в далеком сибирском городе Кургане действительно фантастические вещи. При помощи аппарата своей конструкции он может удлинять конечности более чем на 5 сантиметров без хирургического вмешательства. Он устраняет деформации и другие дефекты ног и рук, делая их такими, какими они должны были бы быть. Он заставляет расти кости, ткани, мышцы.

Метод, предложенный Елизаровым, в настоящее время применяют многочисленные медицинские специалисты как в России, так и за рубежом. Помощь получили больше 200 тысяч пациентов. Время выздоровления сократилось в два, а иногда даже в восемь раз. В альбоме посетителей клиники научно-исследовательского института экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии была такая запись: «Мы считаем, что находимся не только в начале нового подхода к экспериментальной науке в целом, но также в начале нового подхода к человеческому организму». Гавриил Елизаров комментировал эти слова так: «Гип-

покрят некогда советовал в поисках истины обращаться к природе. И мы попытаемся ей подражать. После того, как были обнаружены «полезные механизмы» в человеке, неизвестные в прошлом, мы разрабатываем на их базе методы лечения и, следовательно, помогаем организму восстановить потерянную гармонию. И организм реагирует на это хорошо. В прошлом пациент месяцами лежал в постели с гипсовой повязкой в полнейшей неподвижности. Но такое положение неестественно. Чтобы удлинить кость, мы сначала ломаем ее и последовательно, с помощью аппарата для растяжек начинаем постепенно удлинять ее на один-два миллиметра.

Борис Нафталиев — человек, приговоренный... к расстрелу

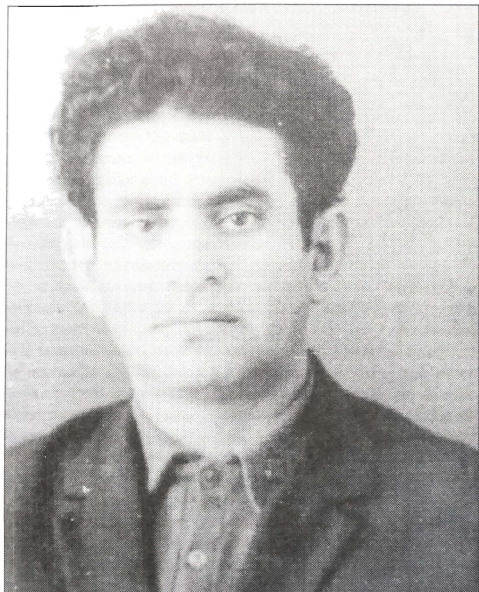
В памятном 1945 году в бывшем СССР вновь была введена смертная казнь, хотя 15 лет спустя, в 1960 году Верховный Совет РСФСР утвердил новый Уголовный Кодекс, из которого по сравнению со «сталинским», была изъята пятьдесят восьмая расстрельная статья.

Но и изъятая, она продолжала «работать». Коллегии различных судов, в том числе и Верховных, не стеснялись выносить по некоторым делам высшую меру наказания — смертную казнь. Причем подобные судебные процессы проходили не только в Центре, но они не обходили и периферию.

Одним из таких громких и чрезвычайно нашумевших был процесс по делу Бориса Нафталиева. Жители столицы Дагестана — Махачкалы — хорошо помнят об этом процессе, ибо он был довольно долгим и самым внушительным по списочному составу людей, проходивших по нему. Но самым любопытным было то, что среди подсудимых не было самого главного обвиняемого — Бориса Нафталиева. Он находился в розыске.

Небольшая справка. Борис Нафталиев — горский еврей. В последнее время работал в системе заготовок дагестанского потребсоюза. Был директором Ногайской заготовительной конторы. База дислокации — районный центр Терекли-Мектеб.

Дагестанская система потребкооперации в восьмидесятые годы была одной из самых известных не только в регионе Северного Кавказа, но, пожалуй, во всей стране. Известность была связана с большим и перспективным размахом заготовительной деятельности, приносившей весьма крупные дивиденды. Не случайно в эти годы дагестанский потребсоюз неоднократно становился обладателем почет-

Борис Нафталиев

ных «трофеев» — переходящих Красных знамен Совета Министров России и ЦК профсоюза работников потребкооперации. Возглавлял дагестанский потребсоюз в те годы известный в республике партийный работник Махач Бижанов, работавший ранее в аппарате обкома КПСС. Не раз приезжали в Махачкалу представители высшего состава из Москвы с довольно-таки приятной миссией — вручения дипломов и знамен. Надо сказать, что дагестанский

*Жена Бориса Нафталиева
Вера Бахшиева*

потребсоюз уже в те годы имел устойчивые коммерческие связи и с различными странами. Поставлялась шерсть, чеснок, кожа, мясо и т. д.

Основное обвинение, выдвинутое против Нафталиева — хищение государственных средств в особо крупных размерах. Из 28 подсудимых один значился символически: он умер от сердечного приступа еще до начала суда. Сумма хищения по нынешним меркам была незначительной: речь шла где-то о не-

скольких сотнях тысяч. Но удивляло не это. Хищение есть хищение, хотя в заготовках эта формулировка не всегда бывает точна. В те годы строго придерживались буквы закона. Совершать какие-то неуставные коммерческие операции строго запрещалось. А нарушать «закон», переходить границы дозволенного работникам сферы заготовок приходилось ежечасно и ежедневно. Теперь это называется «работа на доверии». Порой отгружалось сырье на огромную сумму без единой копейки предоплаты. Точно так же работали и со сдатчиками на местах. Сырье от населения принималось в долг. «Секретов» у заготовителей было много. Но о них знали все. Знали, что даже рядовой малограмотный заготовитель сырья, идущий в подворье с мешком за спиной, живет куда лучше именитого профессора. Это было в порядке вещей. Поэтому никто и не удивлялся. Не удивлялись и блюстители законности — сотрудники ОБХСС. А вообще, это ведомство именовалось громко: отдел по борьбе с хищением социалистической собственности. И они, как волки у овечьих отар, постоянно «паслись» около заготовителей.

Паслись они, говорят, и около конторы Бориса Нафталиева. И не только около, но очень часто врываются в нее. Понятно, что приходилось «отмазываться», дабы не по-

пасть в волчью пасть, тем более что распутать любую «левую» операцию заготовителей опытным следователю труда не составляло: стоило только копнуть. Все знали, что заготовители — народ не безгрешный и умеют делать деньги.

Известно, что где делаются деньги, там всегда есть друзья и там всегда есть тайные недоброжелатели. Друзья знают, что там их всегда ждет обильно накрытый стол гостеприимных хозяев, а недруги знают другое: есть куча компромата. Борьба за денежное кресло порой напоминает необъявленную войну, а порой — объявленную и открытую. Но уже научно доказано, что и большие, мирового значения войны, и маленькие, всего между двумя претендентами на кресло для начала требуют всего искорки.

Интересная это штука — деньги. Зачастую портят даже в прошлом порядочного во всех смыслах человека. Власть денег безгранична. Те, кто знал Бориса Нафталиева еще до работы в сфере заготовок, говорят, что он был нормальным и приветливым человеком. Но с волками жить — по-волчьи выть. Он стал заметно нетерпелив, не в меру горяч. Мог и вспыхнуть. Это не прошло для него бесследно. За это же время работы в системе он приобрел много влиятельных друзей, даже из среды власть имущих и власть раздающих. За это же время в одинаковой мере он приобрел и ... недругов. И среди них тоже именитых.

Впервые в жизни у него, у Бориса Нафталиева, знакомый сотрудник ОБХСС не принял мзды. Дело дошло до открытого ругательства на публике. У него всегда были с этой «братией» панибратские отношения. Понимал свою роль, а точнее, знал себе цену: он кормилец. Но на этот раз дело было не в гордости обэхээсника. Он играл заданную роль бикфордова шнура, и великолепно с ней справился. Война была объявлена. Многоопытный Нафталиев не сразу расшифровал этот «санрайс-кроссворд». «Много было таких на моем пути, — говорил он близким уже после назревшего конфликта. — Мелочь. Придаваю. Уволю без выходных».

Гром грянул среди ясного дня, когда в его контору наехала чуть ли не армия ревизоров с неплановой проверкой.

Теперь он понял, что обэхээсник — это всего-навсего подставка. Ревизии пошли одна за другой.

На какое-то время ему удавалось «отбить» эти ревизорские атаки и нашествия. Но только на какое-то. Заготовки — сложная работа. Она требует много черновой работы, многообразия дипломатических подходов, финансовых источников, компромиссов. Она требует, наконец, спокойного тыла. А его у Нафталиева не стало. Он стал похож на шахматиста, вынужденного играть все время в режиме цейтнота. Ревизоры ворошили все. Они знали, что делают: нужно найти «грязное белье». Поднимались отчеты многолетней давности, сверялись счета, квитанции. Он понял, что грозовые тучи над ним сгущаются все ниже и что есть два пути спасения — побег или помощь могущественного покровителя. Но ситуация складывалась не в его пользу. Его дело принимало непредсказуемый оборот. Сейчас трудно сказать, из каких источников его имя попало вдруг в Отчетный доклад первого секретаря обкома, сделанного им на республиканской партийной конференции. Но оно там оказалось и в весьма негативном контексте. Это, естественно, послужило определенным сигналом для правоохранительных органов концентрировать свое внимание на этой личности. Хорошо известно, что секретари обкомов, а тем более первые, никогда не готовили сами текстов отчетных докладов. Материалы им подготавливали совершенно другие люди.

Но, как бы то ни было, жернова нафталиевского дела закрутились быстрее, вовлекая в свою орбиту виноватых и безвинных людей. Половина из осужденных по делу были люди малокомпетентные в заготовках. Один из них, П., работал до этого рядовым слесарем на заводе. А намотали ему на всю «катушку» — 10 лет строгого режима. К такому же сроку был приговорен другой молодой человек. К 10 годам лишения свободы прибавилась и личная трагедия — распалась семья.

Многие, кто в свое время общался с Борисом Нафталиевым, хорошо знали о том, что, по его рассказам, он вхож в семью генсека. Речь шла не именно о Леониде Ильиче Брежнев, но о ком-то из членов его семьи. Ни сейчас, ни

тогда никто точно этого сказать не мог: были ли в действительности у него эти контакты. Возможно, речь шла о ныне покойной дочери генсека Галине, возможно, просто об одном из близких людей, вхожих в семью генсека. Но в любом случае, эта связь все-таки была. Об этом можно догадаться хотя бы потому, что дело Бориса в брежневскую эпоху находилось «под сукном» а сам он спокойно «окопался» в среднеазиатском регионе.

Но «спокойная» жизнь вдруг была нарушена смертью обладателя бриллиантовой Звезды Меркурия. Внезапно умер Брежнев. Короткое правление Черненко, и на арене появляется суровая фигура бывшего главного чекиста — Андропова, который решил раз и навсегда покончить со всем негативным в центре и на местах, в периферии.

Всем правоохранительным органам было дано строгое задание бороться с коррупцией в любой сфере, со взяточничеством и расхищением социалистической собственности. Даже старые дела пересматривались заново.

Ошибки, причем роковые, совершают почти все. Такую ошибку совершил и Борис Нафталиев. Говорят, что человек крепок задним умом. Будь он менее самонадеян, будь более осторожен и настойчив, думается, имея такую мощную связь в лице семьи Брежнева, сумел бы облегчить свою участь, даже не прибегая к бегству. Но было упущено драгоценное время. Все откладывалось на потом. Сегодня на завтра. Ошибка была еще и в том, что даже без этой помощи, сидя на скамье подсудимых в качестве главного виновника, он не получил бы высшей меры наказания.

Но все мы крепки залным умом. Если бы... Если бы... Если бы знать, где упадешь — постелил бы соломку! Но в такой ситуации ему, Борису, просто некогда было просчитывать ходы. Он знал, что дело хорошим не кончится. И надо было спасаться. А спасение было только в одном — побеге.

Вероятно, осужденный заочно, Борис в столь отдаленных краях и думать не мог, что однажды его схватят и засадят за решетку. А приговор был вынесен: высшая мера наказания.

Иногда жизнь этого человека, отдельные эпизоды из этой жизни, бывают похожи на похождения героев остро сюжетных детективных фильмов. Трудно сказать, насколько это правда, но говорят, что имея такой «смертельный» приговор, Борис умудрился инкогнито приехать на свадьбу дочери. Но, увы, сидеть за праздничным столом ему, конечно, не довелось. Эту свадебную ночь он провел, прячась, как партизан. Может, это и правда, а может, и выдумка. Вообще, знавшие его люди говорят, что он был уникальным выдумщиком и шутником.

Но трагедия все же случилась. Его настойчиво искали. Есть разные версии. По одной — в Среднюю Азию была направлена группа из отдела розыска, которая успешно осуществила эту операцию. По другой — на след Нафталиева навели. Кто и когда — остается загадкой. Говорят, что иногда человека выдает инстинкт. Вот это, по некоторым разговорам, и выдало Бориса. Когда один из сотрудников розыска по каким-то данным опознал его на улице, то, вроде, громко окликнул его по настоящему имени. На что Борис машинально отреагировал. Этого движения было достаточно, чтобы оперативникам удостовериться в том, что перед ними именно тот, кого они искали.

Прошло много времени. Борис Нафталиев не был ни космонавтом, ни известным писателем, ни популярным киноактером. Но многие из его земляков по-прежнему помнят это имя. В Махачкале на новом еврейском кладбище стоит небольшой мраморный памятник, на котором можно прочесть: «Здесь покоится дух Бориса Нафталиева».

Послесловие

Спустя незначительное время после его поимки, в газетах появилась лаконичная информация — хроника, извещающая общественность о том, что на днях пойман особо опасный преступник Борис Нафталиев. Приговор — смертная казнь, вынесенный Верховным судом, приведен в исполнение.

Танхо Израилов: восхождение к «Лезгинке»

«Да, он был баловнем судьбы, этот красивый кавказец, красивый и талантливый человек, жизнелюб и выдающийся знаток хореографии. Танхо умер молодым, по горским меркам, в «золотом» возрасте, когда ему был всего 61 год. Но жизнь такая коварная штука: она может вероломно ударить ножом в спину, когда ты этого совсем не ждешь, когда тебе кажется, что ты — на коне, в седле и тебя так трудно достать! Но проходит время. Ждут своего часа завистники и недруги. Так случилось и с Танхо. Он ушел из жизни глубоко обиженным, громко хлопнув дверью. Но память о Танхо жива и сегодня.

Танхо Израилов

(Из книги «Живу на войне»)

Восемнадцать лет с Игорем Моисеевым

А потом иди и скажи кому-нибудь из фома-неверующих, что вовсе нет судьбы и везения, что это все бредни, чушь собачья... Танхо только что исполнилось 18. он подает надежды: прекрасно танцует в еврейском театре Баку. И вдруг приятная весточка. Он и брат Севгиль будут представлять горские танцы Кавказа на всесоюзной олимпиаде художественного творчества народов СССР.

И вот Москва. Первый и самый счастливый для Танхо день в его молодой жизни. Искрометная лезгинка в исполнении никому доселе неизвестного в столице танцора покорила зрителей своей виртуозностью, артистичностью и темпераментом. Его мастерству долго аплодировал и самый

Огненный танец лезгинка

главный экзаменатор Олимпиады Игорь Моисеев, который сразу после этих всесоюзных танцевальных смотрин зачислил Танхо в только что созданный им ансамбль, известный теперь во всем мире, как ансамбль Моисеева. А потом были долгие 18 лет совместной работы, когда Танхо одновременно значился в двух основных ролях: ведущего солиста и ассистента знаменитого маэстро.

После 18 лет совместной работы пути-дороги учителя и уже прославленного ученика разошлись: пришло время его восхождения на Олимп Искусства.

Танцы, которые воскресят даже мертвых

В жизни все случайно. Все решает его величество Случай. Танхо привез в Москву государственный ансамбль народного танца Туркмении, которым руководил. С приходом этого талантливого кавказца в коллектив об ансамбле заговорили всерьез. Его концерты, многочисленные гастроли по городам и столицам необъятной страны становились событием.

Один из таких концертов и посетила в свой очередной приезд в Москву министр культуры Республики Дагестан Изумруд Губаханова. Выступление этого коллектива настолько привлекло ее внимание, что она пригласила на очередной просмотр «хозяина» республики и члена ЦК КПСС Абдурахмана Даниялова, который с удовольствием принял это приглашение. И на этом концерте и состоялась, как теперь говорят в республике, «историческая» встреча Танхо Израилова с руководителями Дагестана. Абдурахман Даниялов хорошо знал горских евреев и у него было немало друзей среди них. И он сумел уговорить Танхо вернуться в родные пенаты и создать нечто подобное.

Кавказский патриотизм сработал: Танхо дал свое согласие. Началась новая эпоха в его жизни. Впереди было много юбилейных дат и различных мероприятий. Поэтому «хозяин» республики и все руководство были нацелены на создание уникального ансамбля «Лезгинка» в кратчайшие

сроки. Танхо чувствовал себя выдающимся полководцем перед решающими сражениями. Первым делом надо было собрать молодых и талантливых юношей и девушек. Был объявлен конкурс. Но сидеть и ждать с моря погоды было не в натуре Израилова. Поэтому он с группой знатоков народного танца выезжает в города и отдаленные села Дагестана, где и находит будущих артистов. Это были настоящие творческие экспедиции.

Первая премьера «Лезгинки» в республиканском драматическом театре стала для Дагестана событием особой важности. А для самого Танхо эта премьера стала как бы новым творческим экзаменом на мастерство высочайшего класса. На показ «Лезгинки» были приглашены люди с мировыми именами, представляющие советскую культуру, были здесь и руководители всех рангов союзного и местного значения.

Уже на следующий день многие центральные газеты общались своим читателям о небывалом празднике большого искусства. В их числе газеты «Советская культура», «Советская Россия», «Литературная Газета». В этих публикациях ведущие журналисты особо отмечали незаурядный талант Танхо, как мастера постановок народных танцев, его умение виртуозно соединять народный фольклор с современностью. Так поклонники настоящего искусства узнали о рождении нового творческого коллектива с красивым именем «Лезгинка».

Триумф продолжался. Была декада искусства и литературы Дагестана в Москве, были многочисленные выступления на кремлевской сцене. Были зарубежные гастролы.

Послесловие к легенде

Триумфальными были и все последующие гастролы этого ансамбля на протяжении 40 лет, проходившие в столицах и городах мира.

Далекая Индия. Один из концертов ансамбля удостаивает своим посещением премьер-министр Индира Ганди. И опять восторженные отзывы. Казалось бы, ничего особен-

ного. Но простой камень в филигранной обработке Израилова отражается настоящим бриллиантом. Обычный горский фольклор. Горские народные танцы каждой из народностей Северного Кавказа. Ювелирная работа великого маэстро привнесит в эти танцы волшебство, законченность, прометеев огонь.

— Эти танцы могут воскресить даже мертвых, — посетив одно из первых выступлений прославленного ансамбля, сказал поэт Расул Гамзатов.

Англия и Турция, Бельгия и Голландия, Болгария и Польша, Франция и Япония, Индонезия и Китай... Гастроли, гастроли...

Тучи над головой

Жизнь всегда полна самых неожиданных сюрпризов: солнечная приятная погода вдруг сменяется ураганом и грозой.

Танхо сам не понял, когда нависли над его головой первые свинцовые тучи. Видимо, кого-то там «наверху» или в самой «Лезгинке» сильно коробила творческая слава этого незаурядного маэстро. Под Танхо начали подкапывать. И, как это бывает, началось это исподволь, незаметно, пока «бунт на корабле» не принял однажды угрожающих рецидивов. Это было в дни гастролей за рубежом. Перед самым ответственным выступлением группа из нескольких молодых танцоров заявила Танхо, что не будет принимать участия в намеченных номерах. Это был настоящий бунт. Недовольные заявили всемирно известному руководителю творческого коллектива, что Танхо деспот, что он обезличивает настоящих артистов, ущемляет их достоинство, оплачивая им работу по низкой категории. Танхо стоило много нервов уговорить бунтовщиков.

С этого момента в жизни великого маэстро танцев началось невообразимое. Его стали обвинять чуть ли не в мошенничестве. Речь шла о его брате Махае Израилове, который был солистом ансамбля и одновременно ассистировал

Танхо. Он отработал 20 лет, после чего ему полагалась заслуженная пенсия. И он ее получал. Недруги Танхо решили оговорить и тем самым очернить его в глазах руководителей республики и всей общественности. В «Комсомольской правде» появляется ругательная статья, в которой рисуются художества руководителя «Лезгинки» за кулисами. Это было чистой ложью. За спиной автора статьи стояли очень заинтересованные люди. В каких только смертных грехах не уличали Танхо: он и взяточник, и дает работу только своим родственникам, и деспот. Положение спасла новая статья в «Известиях» под названием «Дело о пенсии», в которой оправдывались и Танхо, и его брат.

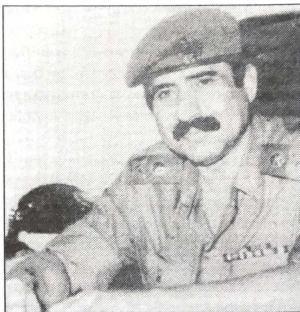
Танхо был полон творческих задумок, но атмосфера вокруг него оставалась «горячей» и далеко не идеальной для работы. Он вынужден был уйти.

Несмотря на это он продолжал неистово работать. У него было много творческих идей. Ему мешали. Он, Танхо, прекрасно знал каждого своего обидчика и мог без особого труда ответить им той же монетой. У него было много сильных покровителей и среди них достаточно и власть имущих. Он был горд, этот кавказец, и считал ниже своего достоинства просить кого-то о своей защите. Даже одного его намека на это было бы достаточно, чтобы проучить некоторых оболтусов, осмелившихся «поднять» руку на его честь.

Но он, Танхо, этого не сделал и, наверное, поступил правильно. Сегодня имена тех людей, если их можно назвать таковыми, давно канули в лету, в неизвестность. А Танхо Израилов — великий из горских, как звезда первой величины, продолжает ярко светиться на радующем глаз небосклоне большого Искусства.

Екутиэль Адам — вечно живой генерал

Он погиб, как говорят, на подступах к великому. Родом с Кавказа, Екутиэль, как и многие горцы, был наделен особым мужеством и особой смелостью. Смерть его была нелепой и обидной до слез: он не раз выходил живым, без единой царапины из таких боевых операций, из которых просто невозможно было выйти. А вот в этой, ка-

Генерал Якутиэль Адам

залось бы, совсем не фронтовой ситуации, попался на «мелочи»: вместе со своим адъютантом, не проверив в одном из заброшенных домов наличие террористов, не подумав даже, что там может отсиживаться неприятельский снайпер, пошел разведать обстановку. Но он успел сделать всего несколько шагов, ставших в его жизни последними. Засевшие в заброшенном доме, два арабских террориста открыли по генералу яростный огонь. Его жизнь оборвалась трагически.

Никто тогда не хотел верить в эту нелепую смерть. Никто, начиная с руководителей и высших чинов в армии и правительстве, и кончая простыми людьми, которые много хорошего слышали о прославленном генерале и очень любили его, хотя многие из них и не знали его лично.

Родом с Кавказа, Екутиэль с молоком матери впитал в себя горские обычаи и традиции, смелость, уважение к человеческому достоинству. Большими патриотами всего еврейского и самой Эрец Исраэль, даже в те времена, когда еще ни на одной географической карте мира не значилось еврейское государство, были его отец и дед, который погиб в одной из схваток с арабскими налетчиками. Екутиэль любил военное искусство. Много читал специальной литературы по военной стратегии, особенно мемуарную литературу известных полководцев. Поэтому его познания в военном деле были обширными.

Но «стратегия» и «тактика» боя ему, молодому генералу, были известны не по учебным сценариям и макетам. Екутиэль стал участником многих судьбоносных военных операций, участником настоящей войны. Но тогда Всевышний берег его. Да, смелость города берет. Но когда эта смелость сочетается с мудрыми решениями, умной тактикой, смелость превращается в непобедимость. По некоторым сведениям, именно Екутиэль Адам является разработчиком плана неслыханной по своей дерзости военной операции «Энтебе» по освобождению заложников. Но, какой бы ювелирной она ни была, любая из них связана с риском для жизни. Такого исхода избежать невозможно. Потери при таких операциях планируются. Хотя никто не знает, кого достанет шальная пуля бандита. И эта операция не обошлась без крови: погиб Йонатан Нетаниягу — родной брат Биньямина.

В очень простой, до обидного, ситуации, вскоре пролилась кровь и самого генерала Екутиэля Адама. Сегодня его именем названы школы и улицы. Даже погибший, он продолжает вселять в наши души бесстрашие и мужество, преданность и любовь к родной еврейской родине. И выходцы с Кавказа не зря гордятся сегодня своим знаменитым соплеменником и земляком: имя прославленного генерала Екутиэля Адама символизирует сегодня мужество и силу вечного Израиля.

Марусэ

Имя самой молодой учительницы первой школы для горских евреев в столице Дагестана Махачкале Марии Ифраимовой никак не увековечено. Но лучшим памятником для человека во все времена остается добрая людская память. И такая память о прекрасном педагоге, о человеке с большой буквы, горской еврейке, в свои неполные 20 лет сотворившей чудо, давшей свет знаний сотням своих соплеменников, многие из которых по возрасту были ее ровесниками и даже старше, сохранилась по сей день. И не только там, где она родилась и

выросла, но и на исторической родине, где сегодня живут многие из ее благодарных учеников.

16-летняя Мария Ифраимова мечтала совершить в жизни что-то необычное. У этой редкой красоты горской девушки было необычайно доброе, настоящее женское сердце и, вместе с тем, настоящий мужской характер и склад ума. Она была мягкой и принципиальной одновременно. Уже в таком юном возрасте Мария была главным «политическим советником» семьи. И выбор будущей профессии ею был сделан без колебаний: только педагогика. Мария знала, что слишком много среди ее земляков, в том числе и молодых, людей, которые не способны вывести на бумаге да-

*Мария Ифраимова (второй ряд, третья справа)
на одной из встреч в еврейской школе Махачкалы*

же свою собственную фамилию. Она задалась благородной целью исправить существующее положение, и события, произошедшие вскоре, как нельзя лучше благоприятствовали исполнению заветной мечты юной горянки.

Именно в это время в Москве состоялось первое всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди горских евреев — первый в СССР форум подобного рода и столь важного значения. Главной целью этого совещания были быстрая ликвидация безграмотности, развитие культуры, а также подготовка высококвалифицированных специалистов в области образования среди горских евреев. О значимости этого форума свидетельствовал уже хотя бы тот факт, что в его работе принимала участие сама Надежда Константиновна Крупская.

Горские евреи в 30-х годах числились среди отсталых народов. Учитывая это и исходя из решений всесоюзного сове-

щения, Центральный Совет национальных меньшинств считал возможным дать льготы на образование молодежи из среды горских евреев. Проще говоря, речь шла о «лимите» в рамках которого в вузы зачисляли вне конкурса, надо было всего лишь не «завалить» экзамены. Мария Михайловна могла свободно поступить в любой педагогический вуз Москвы или Ленинграда, Ростова или Баку. Причем всем было ясно, что чем ближе к центру страны — тем и институт престижнее, и перспективы заманчивее. Но она была очень домашним человеком, слишком привязанным к родительскому очагу, к семье, особенно к отцу Хайвату — человеку, высоко ценившему в людях образованность и честность. Она выбрала учебу в древнем Дербенте, городе, который считался колыбелью культуры горских евреев. Педагогический рабфак и было как раз то, что ее больше всего устраивало: ускоренный и одновременно насыщенный курс обучения по обновленной программе, и совсем рядом с родительским домом.

Начало педагогической деятельности совпало с революционной перестройкой татского литературного языка и татской грамматики, основой которой ранее был древнееврейский язык. современная грамматика переводилась на

Мария Ифраимова (второй ряд, в центре) среди учеников

латинскую основу. Новая работа, захватывающие реформы в письменном и литературном языке делали ее автором этих перемен уже на практическом поприще. Молодой учительнице было сложно. Она как бы параллельно оказалась в двух ролях — учителя и ученика. Марии надо было быстро постичь все тонкости языковой реформы, да так, чтобы доступно передать все это своим питомцам. Была проблема и другого рода. В классах молодого педагога учились одновременно и малыши, и подростки, и взрослые люди — те, кто с большим опозданием сел за школьную парту. Надо было искать свою специфическую методику обучения и общий круг интересов для всех учеников. Она сумела преодолеть этот серьезный барьер. Каждая возрастная группа получала свое индивидуальное задание и, что еще более важно, свой индивидуальный подход со стороны педагога.

У Марии Михайловны, помимо этого, были и другие специальные группы. Такие, как группы по ликвидации безграмотности. Посещали их опять-таки люди, которые никогда прежде не садились за парту, не знали ни одной буквы алфавита. А тяжелее всего ей было с детьми улицы. Но молодой педагог сумела проявить себя и здесь. Ей удалось подобрать «волшебный ключик» к сорвиголовам, бывшим хулиганам. Правда, первое время они пытались «навести» свои порядки в школе. Но Мария не стала прибегать ни к помощи милиции, ни к помощи педсовета (а ведь за такое запросто можно было исключить из школы). Наоборот, она протестовала и была категорически против таких крайних и, с ее точки зрения, совершенно непродуктивных мер. Она понимала, что педагогом стала не для того, чтобы снова выбросить детей «на улицу». И терпеливо воспитывала своих трудновоспитуемых словом, убеждением, приходила к ним домой, интересовалась обстановкой в семье, с глаз на глаз беседовала с родителями. Многие ребята жили в бедности. И родители в большинстве были безграмотными. Подростки были предоставлены сами себе. Молодая учительница быстро поняла, откуда идет зло. Она стала ходатайствовать о материальной помощи для таких семей.

Марусэ продолжала оставаться для своих учеников самой красивой, самой умной и самой лучшей учительницей. Ее мягкий, материнский характер особенно притягивал к себе детей-сирот, которые воспитывались у родственников или в детских домах. Одной из них была девочка по имени Ева, которая называла свою учительницу просто — мама Мария. Она очень хотела, как и мама Мария, стать учительницей, обучать детей. Но мечте девочки не суждено было сбыться. Ева погибла, вынося с поля боя раненого солдата. Ей было всего семнадцать. Она очень хотела стать образованной и часто повторяла: «Мама Мария, сделай меня зрячей», имея в виду совсем не оптическое зрение...

В годы войны школу закрыли. Педагоги-мужчины ушли добровольцами на фронт, в том числе и директор Зовлу Амиржуев, не доживший до Дня победы: он скончался от полученных ранений в одном из военных госпиталей незадолго до окончания войны. За несколько недель до окончания войны Мария перенесла еще одно большое горе: на ее имя пришла похоронка — смертью храбрых на подступах к Берлину погиб ее брат Иосиф.

В последние годы она работала не по специальности, была бригадиром-наставником на одном из престижных заводов Дагестана. И здесь она осталась верна себе: ее добросовестный труд был отмечен двумя высокими правительственными наградами — орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета.

Умерла Марусэ, как и жила, — на ходу, вся в делах и в заботах. Внезапно остановилось сердце. В Махачкале на новом еврейском кладбище на ее могиле высечены слова, которые вряд ли кого могут оставить равнодушным: «Твоя жизнь была для нас символом мужества, трудолюбия и милосердия. Твоя смерть оборвала в наших сердцах все струны радости и вселила в них вечную боль и вечное страдание». Но самым большим памятником для Марусэ остаются люди, которых она учила читать, писать, любить и жить, в чьих сердцах сама она останется жить навечно.

Отец и сын Ифраимовы

Хайват Ифраимов

О судьбе отца и сына — Иосифа и Хайвата (Хаима) Ифраимовых можно написать интересную повесть. Иосиф погиб в неполных 23 года, не дожив два месяца до Победы. Его отец Хаим в молодые годы попробовал стать предпринимателем, в годы нэпа открыл небольшую лавочку, которую вскоре начисто обокрало местное жулье. Но Хаим был настоящим кавказцем, человеком с сильным характером и железной волей. Пошел работать на строящийся военный завод. И всю жизнь, до са-

мой своей кончины, держал связь с еврейской общиной Махачкалы.

Драма разыгралась неожиданно, как в детективном романе. Иосиф понял, что просто так ему теперь не уйти.

Довоенный фабричный район Махачкалы буквально кишел хулиганскими шайками, а иногда и настоящими бандами. Но чаще всего это были 16-17-летние подростки, как сегодня сказали бы, из неблагополучных семей. Иосифу тоже было 16, и он мог дать отпор. Обычно из таких стычек он выходил победителем. И поэтому «гордый еврейчик» давно был костью в горле у местной шпаны, которая целыми днями отиралась вокруг «ремеслухи» — фабрично-заводского училища, где учился Иосиф. Однажды шпана все-таки решила проучить «строптивного жиденка», устроила ему засаду.

Иосиф был коренастым, крепко сбитым парнем. Легко справлялся с двумя-тремя хорохорящимися худосочными хулиганами. Но на этот раз его окружили по меньшей мере

десять. Двоих Иосиф уложил с ходу, но третий полоснул его финкой по лицу. Этот след так и остался потом у него на всю жизнь. Лицо залило кровью. Тогда, не помня себя от ярости, он каким-то чудом ухитрился выхватить нож у нападавшего и ударил его же финкой в живот.

На этом драка и кончилась. Шпана трусливо разбежалась, оставив на «поле боя» обливающегося кровью товарища. Хулиганы не обратились в милицию: каждый из них стоял там на особом учете и привлекать к себе внимание стражей порядка не хотел. Но они знали, где жил Иосиф. И вечером дом Ифраимовых штурмовала целая толпа озверелой шпаны, размахивая, как знаменем, окровавленной рубашкой.

И тогда Хаим решительно взяв сына за руку, а в другую — топор, и вышел на улицу к толпе.

— Я хорошо знаю своего сына, — сказал Хаим, — и знаю, что он никогда не поднимет первым руку на кого-либо, тем более не возьмется за нож. Так что убирайтесь отсюда подбрूपоздорову, а то как бы вам не пришлось второй такой же рубашкой махать. — И Хаим ловчее перехватил топор.

Его решительность подействовала на шпану магически. Она быстро ретировалась, поматерившись для порядка, толпа рассеялась.

Необычной была судьба этого парня. С детства он попадал во всякие приключения. Кто-то даже предрек ему раннюю смерть. И, к сожалению, не ошибся. Иосиф погиб в неполных 23 года. Сгорел в танке. Командование армии, боевые

*Прославленный танкист
Иосиф Ифраимов (слева)
со своим другом.*

*Похоронен в братской
могиле в Германии,
во Франкфурте-на-Майне*

друзья и товарищи с искренним соболезнованием сообщают Вам о героической гибели гвардии лейтенанта Иосифа Ифраимова. Сообщаем Вам, что он со всеми воинскими почестями похоронен в братской могиле в гор. Франкфурт-на-Майне». Это письмо Хаим Ифраимов всегда носил в кармане своего потертого пиджачка. Он тайно лелеял мечту когда-нибудь побывать на могиле сына. Но мечте так и не суждено было осуществиться. Почему, догадаться нетрудно: другие времена были, «железный занавес». А один из кавказских поэтов посвятил Иосифу трогательные строки:

*Мой старший брат, мой брат Иосиф,
В могиле братской, где ты спишь
Среди других, немой и босый,
Наверно, гробовая тишь.
Мой старший брат, не верь в наветы,
Не верь, что жизнь отдали зря.
Что ни к чему была Победа.
Все чушь, по-братски говоря.*

Необычной была судьба этого парня. Ему было всего 16, когда он ловко провел медкомиссию военкомата, убедив всех, что ему уже 18. Так за три года до начала войны он добровольцем попал на флот. Война началась, когда до увольнения в запас оставались считанные недели.

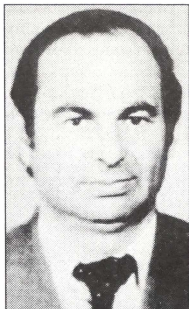
Он участвовал во многих боях, но Керченское сражение было особым. Трагедия разыгрывалась и на море, и на берегу. Враг бросил в этот район отборные части. Было много потерь. Были трудные дни прорыва из окружения. Он вышел из этого ада живым.

Потом были ускоренные командирские курсы танкистов в далеком от войны городе Чирчик. И были письма. Последние письма Иосифа перед решающими боями уже в самой Германии. «Дорогие мои! Пишу вам перед очередным боем. Не волнуйтесь. Я везучий. Я обязательно вернусь. До встречи».

Сегодня Иосифу было бы 75. Так и остался вечно молодым, оплатив своей жизнью приближение Победы. При-

ближал ее как мог и его отец Хаим, работавший на крупном оборонном предприятии. Много работал. Но, несмотря на занятость, этот нестарый по кавказским меркам человек обязательно выкраивал время для соблюдения еврейской традиции, исправно посещал синагогу. О чем он просил Всевышнего в своих молитвах? Наверное, о мире и согласии на земле, между людьми, между сердцами. Он хорошо знал эти сердца, наполненные иногда мелочными обидами и непониманием, делал все, чтобы сблизить их. У него это получалось. До сих пор его земляки, живущие теперь в Израиле, вспоминают, как мудрые слова Хаима Ифраимо-ва помогали восстанавливать мир в семьях, склеивать уже почти разбитое благополучие. Помнят и об Иосифе.

Роман Бадалов: поэт, журналист, человек

Кавказские евреи — уникальный народ, первые сведения о котором упоминаются уже в летописях и различных хрониках историков древности. Среди представителей этой народности много известных людей. Среди них такие, как человек с мировым именем академик Гавриил Елизаров, народный артист СССР, прославленный балетмейстер Танхо Израйлов, кавказский Маршак — поэт Даниил Атнилов. Этот список имен можно было бы продолжать еще и еще. Среди этих интерес-

ных и талантливых людей из кавказских евреев и ныне живущий на земле предков поэт и журналист Роман Бадалов — человек сложной судьбы и высокой культуры, интеллигент с божьим даром, раз и навсегда оставшийся верным своему призванию

— Роман, вот уже несколько лет, как вы живете здесь, на исторической родине. Мотивы приезда у всех разные: кто спасается от страшно криминальной обстановки, кто — по экономическим соображениям, у кого-то здесь давно проживают родственники, а кто-то делает ссылку на детей. Конечно, есть категория людей, чья репатриация связана с чисто патриотическими чувствами. Простите за откровенность: а что привело сюда вас — известного журналиста, работавшего многие годы репортером Москвы по Северному Кавказу, человека (будем так говорить) всегда имевшего «хлебную карточку», имевшего какую-то власть и никем не гонимого?

— Все правильно. Я родился и вырос в северокавказском регионе, на земле, где не одно столетие проживали мои соплеменники — кавказские евреи. И «хлебная карточка» была. То есть круг моих знакомств среди влиятельных людей был настолько широк, что я всегда мог достать что угодно и где угодно. Такое не всем было доступно. И, боже сохрани, меня никто не гнал. Ни разу никто не бросил мне в лицо оскорбительное «еврей», даже тогда, когда жизнь и события в последнее время повернулись на все 360 градусов. Да, у меня было все для безбедной жизни. Но не хлебом единым жив человек. Есть и другие ценности. Есть необъяснимое чувство причастности к чему-то сокровенному. Я родился евреем. Меня вскормила еврейская мать. Трудно жить там, где нет своих. Каждая птица любит свою стаю.

— Понятно, что там вы были журналистом, собственным корреспондентом, наделенным какой-то властью Центра. Но все это было хорошо в «золотые» времена. В эпоху Брежнева, скажем. А вот неожиданно, вдруг все поменялось: другой стала страна, подули другие ветры. Красная книжечка перестала быть своеобразным бронежилетом. Как работалось в этих условиях, особенно если учесть горячий северокавказский регион?

— Красная книжечка, действительно, перестала быть бронежилетом. Случаи гибели братьев по перу стали нередкими. Трудно объяснить, но за все негативное, что происходило вокруг, люди, как правило, обвиняли журналистов. Где-то перебои с хлебом — виновата наша братия. Где-то плохо работает милиция — то же самое. Журналисты, как это ни странно, были взяты на мушку. Никто не был застрахован от любых неприятностей. Приходилось взвешивать каждое слово, в меру умерять свой «пыл», правильно, без эмоций подавать и маленькую информацию, и большую аналитическую статью. Уж больно горячий регион — Северный Кавказ, чтобы позволить себе играть словами, строить материал на эмоциях, не подумав о последствиях.

— Насколько мне известно, читающей публике вы впервые предстали не как репортер, а как поэт. Стране Пегаса

вы служите давно. Первая публикация и последняя книга стихов в стране исхода?

— Первые стихотворные опыты относятся еще к 60-м годам. Появились первые подборки на страницах местной периодической печати. Чуть позже первые мои стихи увидели свет в коллективном поэтическом сборнике «Счастье трудных дорог». Мой последний сборник стихов в стране исхода — книга «Иду на огонь», тепло встреченная читательской аудиторией.

— По вашим многочисленным маршрутам там можно было бы детально ознакомиться с географией Северного Кавказа, не говоря уже о Дагестане — республике, которую вы изъездили вдоль и поперек. Не было ли у вас в последнее время, когда регион стал особенно горячим, чувства какого-то страха, что именно вот эта командировка может стать последней?

— Я такой же смертный, как и все. Чувство страха в подобной обстановке, когда все непредсказуемо и человеческая жизнь вдруг резко теряет свою цену и практически ничего не стоит — постоянный спутник всех и каждого. Было много эпизодов, когда казалось, что все уже конечно, что это конец. Ездил на поездах, которые подрывали. Но бог был милостив: оставался жив. Был случай, когда попал в заложники. Правда, плен был не очень длительным: всего несколько часов. Тоже ничего. Обошлось. Да и в брежневские времена было не очень сладко. Помнится, когда один высокопоставленный вор-вельможа с неограниченными возможностями и связями в ответ на мой критический материал в адрес его ведомства целых три года «терзал» меня различными угрозами, в том числе и угрозой физической расправы. Вдобавок ко всему строчил разные пасквили с претензией и возмущением по поводу того, что по какому, мол, праву, держат еврея репортером по такому важному региону, когда у того родственнички живут в Израиле.

— Вы — человек интеллигентный, мягкий, очень коммуникабельный. И тем не менее, ходили разговоры, что вас там побаивались. Это правда или на уровне слухов?

— Дыма без огня не бывает. Это не секрет: корреспондентов и стоматологов почему-то всегда побаиваются все. Другой раз зуб болит до такой степени, что хоть на стенку лезь. А пойти и сесть в кресло в «зубнику» боязно. А репортер в понимании многих — это тоже что-то опасное: кто знает, чем все может обернуться. Не каждому хочется, чтоб о нем говорили по секрету всему свету.

— Роман, близкие люди в стране исхода в шутку называли вас Дон Кихотом. Образ странствующего рыцаря, вечно воюющего с ветряными мельницами. Что общего?

— Образно говоря, журналист-репортер — это тоже странствующий рыцарь. Но только он странствует не по своей воле и воюет отнюдь не с ветряными мельницами, а с фигурами куда мощней. Мельница — это символ мира и достатка. Объекты же репортера — не всегда миролюбивы. Но он, как и Дон Кихот, всегда один на поле боя.

— Говорят, что пути Господни — неисповедимы. А репортерские — тем более. С кем из знаменитостей свела вас репортерская судьба на этом интересном пути?

— Прошло столько лет. Сегодня даже трудно вспомнить всех. Назову несколько имен очень известных людей, которые в разное время были моими собеседниками. Среди них — «Микеланджело» XX века, прославленный академик Гавриил Елизаров, пятикратный чемпион мира по вольной борьбе Али Алиев, уже здесь — депутат кнессета и бывшим министр алии и абсорбции Юлий Эдельштейн, известный предприниматель Лев Леваев, лидер партии «Наш дом — Израиль» Авигодор Либерман.

— Вы — верующий человек?

— Я много знал и знаю людей и там, и здесь, которые каждый день ходят в синагогу, читают молитвы, а по-настоящему назвать их верующими людьми я не могу. Тому есть причина. Они это делают больше для рекламы, нежели верят в Бога сами. Так сказать, делают это для своего имиджа. Скажу, как на исповеди: в синагогу ходил и хожу не каждый день, а больше от случая к случаю. Так складывались обстоятельства. Но я считаю себя глубоко верующим человеком хотя бы потому, что у меня есть Бог в душе: Бог

любви и сострадания к другим, Бог добра и милосердия. Скажу так: мне близки и понятны чужая боль и горе.

— По знаку Зодиака вы — Стрелец. Это мощный огненный знак, что-то наподобие танка...

— Да, я — Стрелец. Возможно, поэтому я никогда не падаю духом, даже в очень экстремальных ситуациях. Самое главное, если поставил цель, то обязательно добьюсь ее. Хотя есть в моей жизни и обратное: я страшно невезуч. Все достигается ценой огромных усилий. Каждую высоту надо брать штурмом.

— Вы совершали ошибки в жизни и велика ли была их цена?

— Ошибок было много. Иногда и роковых. Но ничего вернуть нельзя. Это ученые пытаются пока что теоретически пустить реки вспять против их естественного течения. А жизнь вспять повернуть невозможно.

— Там, в стране исхода, в регионе, где жил и работал репортер Роман Бадалов, вы чувствовали себя если не властью имущим, то, по крайней мере, на коне. А как здесь, на новой родине, есть ли подобное ощущение?

— Буду откровенным: на коне, конечно, я себя не чувствую. Другие подходы, другой круг, да и другая страна. Чтобы здесь быть на коне, надо доказать, что ты, если не лихой наездник, то хотя бы человек, знающий толк в лошадях.

— И самое последнее, как говорится, «тет-а-тет»: не жалеете, что приехали, бросили все, нажитое годами, могилы близких и так далее?

— Жалость — это всегда плохая вещь. Чего греха таить, осталась не жалость, а боль — боль разлуки со всем, с кем и с чем был связан на той земле. Обманывают те, кто говорят, что эта боль разлуки пройдет. Что приехал — не жалею. Я — еврей. И это моя новая родина, которую я обязан любить хотя бы только за то, что она есть. Другое дело, начинать с нуля всегда трудно. Надо пройти и через это.

Роман Гаврилов: человек и легенда

Председателю Союза предпринимателей
Северного Кавказа,

Президенту концерна «Грис»

Посольство Израиля и я лично выражаем Вам глубокую признательность за содействие и помощь, оказываемые Вами еврейским беженцам на Кавказе, а также за постоянное содействие сотрудникам посольства Государства Израиль, работающим в вашем регионе.

В благодарностью вспоминаю о моей поездке на Северный Кавказ и снова благодарю Вас, Роман Иммануилович, за оказанное Вами незабываемое гостеприимство.

С глубоким уважением,

*профессор Ализа Шенкар,
посол Государства Израиль
в Российской Федерации,
31 июля 1995 г.*

Феномен горского еврея Романа Гаврилова, который совсем недавно ушел из жизни в самом расцвете творческих и духовных сил, еще многие годы будет будоражить умы. Жизнь незаурядного человека во все времена — предмет острых дискуссий.

Еще несколько лет назад ему, сидящему в тюремной камере, и в голову не могло придти такое. Это было похоже на сон: он, горский еврей Роман Гаврилов, в Кремле, где ему в торжественной обстановке вручают награду России — орден «Золотого орла», за особые заслуги перед Отечеством. Церемония награды транслировалась чуть ли не на весь мир. В эти минуты Роман Иммануилович чувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Роман Гаврилов

Ему было и радостно, и больно. Радостно потому, что по совести и достоинству оценили его заслуги. А больно... Насколько лет назад его, молодого специалиста, обвинили в хищении государственного имущества в особо крупных размерах. Процесс был шумевшим на весь Северный Кавказ. Роману Гаврилову инкриминировалось хищение миллионов. А кончилось дело статьей о присвоении двух бутылок вина. Но это уже ничего не меняло: подсудимый провел в камерах предварительного заключения в общей сложности свыше двух лет.

В России орденов за красивые глаза не дают. Особенно в новой. Роман Гаврилов, как никто другой, заслужил эту награду. На пустыре, на мусорных свалках построил он целый город! И не за 20-30 лет, а всего за четыре года. Такой город вырос на окраине Пятигорска. Жилые корпуса и производственные цеха, коммерческий банк, автокомбинат, коттеджи и предприятия общественного питания, детский сад и магазины...

По-настоящему звезда Романа Гаврилова, делового человека и бизнесмена, обозначилась на стыке 89-90 годов. И началось все с кооперативного кафе «Турист», которое вскоре стало самой посещаемой «точкой общепита» на Ставрополье.

В далекие 50-е годы о переезде в Израиль не могло быть и речи. И родители Романа в поисках счастья переезжают в Пятигорск. Так Рома Гаврилов поменял дагестанскую прописку на лермонтовские края. На этой земле рос, мужал, а впоследствии обрел громкую славу бизнесмена.

Но не все было гладко в его стремительной и короткой жизни. Он был чрезмерно умен и чрезмерно дальновиден. И даже чуточку чрезмерно везуч. А ему вдруг вешали ярлыки «мафиози», «теневика», чуть ли не коррупционера. Он был прирожденным бизнесменом, но никогда в жизни не занимался куплей-продажей. Это было чуждо его характеру.

Однажды академик Павел Бунич рассказал любопытную историю, связанную с Романом Иммануиловичем. Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. И решил Бунич посмотреть на хозяйство знаменитого бизнесмена, будучи уверенным в том, что ничего приличного и заслуживающего внимания там нет.

А если и есть, то, как у всех или у большинства, купля-продажа. Академик увидел построенное Гавриловым и не поверил своим глазам: все было грандиозно, все было задействовано и работало, как часовой механизм. После поездки в Пятигорск Павел Бунич сделал почти сенсационное заявление: «Предпринимателем экстра-класса я считаю нашего соотечественника — президента частной фирмы «Грис-бизнес» Романа Гаврилова».

Не каждый человек может выстроить город на пустыре, не взяв из государственного кошелька ни копейки. Не каждый бизнесмен в нынешнее смутное время может дать работу и хлеб сразу трем тысячам человек. Роман Гаврилов не уволил ни одного человека. Каждый работающий у него зарабатывал прилично. Но зато и работали люди не за страх, а на совесть.

Он страшно не любил торги в политике, но был колоссальным политиком в бизнесе. Это доставалось дорогой ценой: большое сердце было подтверждением этого. Он был неистов. Ему не хватало часов в сутках. Порой казалось, что Роман Иммануилович обгоняет время. Он успел так много. А ему казалось, что сделано еще мало. От маленького кафе «Турист» он дошел до гигантского концерна с миллиардным годовым оборотом. Из поля его зрения не уходило ничего. Он был предприимчив до мозга костей. Люди в Сибири сидели без работы, и Роман Иммануилович стал «валить» лес, дал многим работу. В Усть-Куте (Иркутская область) открыл для местных жителей и лесозаготовителей магазины одежды, обуви. Коммерческие операции Романа Гаврилова — это головокружительные ребусы. Лес из Сибири меняется на ткани в Подмосковье. Дубленки и шубы — на стоматологическое оборудование. Швейные изделия — на детское питание.

Именно деловые качества и забота о людях и стали главными аргументами, когда Романа Иммануиловича рекомендовали на пост главы администрации Пятигорска. И почти тогда же было другое выдвижение — ставропольский отдел Всероссийского объединения «Предприниматели за новую Россию» предложили его кандидатуру в Государственную думу.

Памятной была встреча в Пятигорском пединституте, где восемь лучших студентов получали именную стипендию, учрежденную им. Люди хотели, чтобы город был в надежных руках. Но не все. Бывшим партаппаратчикам, ходившим теперь в демократах, не по нутру были нововведения «чужака» и «пришельца», каким они считали Гаврилова. На одной из последних встреч ему было прямо заявлено: «Ты горский еврей, езжай в свой Израиль и руководи там!»

Роман Иммануилович никогда не домогался вакантных кресел. Напротив, он сам создавал рабочие места. Но ему как хорошему хозяину было жаль видеть разбитые улицы, закрытые предприятия. У него было много задумок: он хотел построить детям красивый, современный театр, буквально на пустыре возвести новый торговый центр. А еще хотел в современном стиле, по последнему слову техники оборудовать один из въездов в город. Это только малая часть того множества дел, что он планировал. Но, к великому сожалению, осуществить задуманное не удалось.

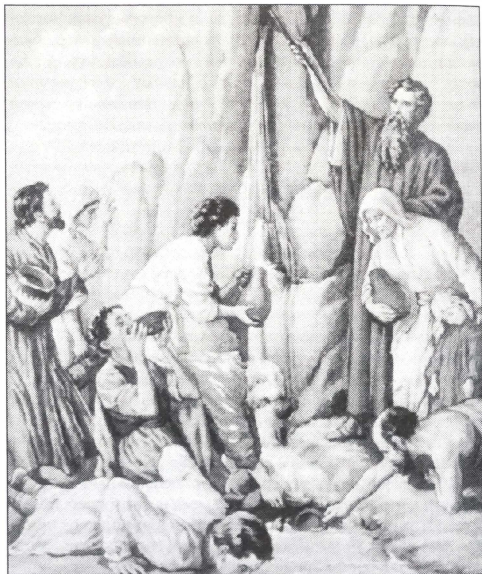
Слыша подобное заявление, он снял свою кандидатуру. На этот пост избрали очередного чинушу, без «компроматов».

Роман Иммануилович привозил в Израиль репатриантов и одновременно занимался вопросом производства детского питания по «еврейским» рецептам — уже было решено открыть российско-израильское совместное предприятие. Но не только это интересовало Романа Гаврилова в Израиле, который он любил и куда прилетал почти каждую неделю. Его очень интересовали еще и высокие технологии в самых различных областях, медицина, сельское хозяйство.

Роман Гаврилов ушел из жизни счастливым и обиженным одновременно. Он на своем коротком веку не раз знал обиды, хотя внешне оставался спокойным и уравновешенным. Только самые близкие люди знали, сколько душевных ран носил на своем больном сердце этот беспокойный человек. Известно, что Роман Гаврилов во время военных действий в Абхазии, а потом и в Чечне спас тысячи беженцев от неминуемой гибели, безвозмездно вывозя их из зоны огня, а порою представляя им временный кров и пищу.

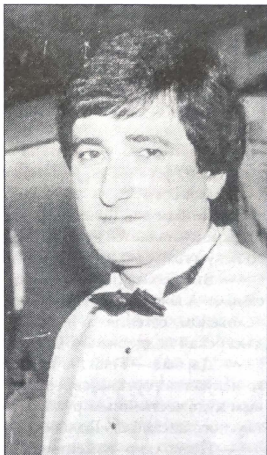
Вместо послесловия

Кажется, Оноре де Бальзак говорил, что жизнь замечательных людей продолжается и после их физической смерти: они продолжают жить в своих делах, в своих идеях, в своих открытиях и в детях. Таким, продолжающим жить и после смерти, остается незаурядный человек — Роман Гаврилов, дело которого продолжают его дети.

Сергей Ильясафов — кавказский Робертино

Сергей Ильясафов — выходец с Кавказа. Репатририровался в Израиль в начале 90-х годов. Его творческая карьера началась очень рано: дебютанту было всего шесть лет. Дебют прошел блестяще, слушатели были в восторге. С того памятного дня земляки из древнего Дербента величают его кавказским Робертино Лоретти. Нынешний год стал в жизни одаренного певца особым. В эти дни Сергей Ильясафов принимает горячие поздравления от своих соотечественников в Израиле и земляков, живущих да-

леко за его пределами. А повод — самый что ни на есть замечательный: его певческой деятельности исполнилось ровно восемнадцать лет. Наступила пора настоящей творческой зрелости. Это событие и послужило поводом для встречи с известным маэстро.

— Сергей, вы родом из древнего и знаменитого Дербента. Сразу на ум приходит громкое имя знаменитой горской еврейки, Героя Труда Гюльбоор Давыдовой, в честь которой вы еще там, в стране исхода, назвали свой ансамбль. Прошло много лет. Репатририровались не только

вы, но и ансамбль «Гюльбоор». Расскажите о творческой биографии этого коллектива и его абсорбции на исторической родине.

— «Гюльбоор» родился восемнадцать лет назад. И ансамбль действительно назван в честь легендарной кавказской женщины, горской еврейки Гюльбоор. А все началось с удивительно мелодичной песни «Гюльбоор» на слова популярного на Северном Кавказе поэта Сергея Изгияева. Песня эта очень быстро обрела популярность и стала визитной карточкой горских евреев. Она не утратила своей прелести и по сей день: звучит на общинных вечерах, на концертных площадках Израиля и Кавказа.

Все эти восемнадцать лет я живу творческой жизнью нашего ансамбля. С ним связана вся моя творческая судьба — концерты, фестивали, работа над новыми песнями. Скажу так: наша совместная абсорбция состоялась, я остался востребованным как певец народных песен, а «Гюльбоор» по-прежнему является «полпредом» фольклорного и песенного искусства горских евреев в Израиле.

— Вы бессменный художественный руководитель ансамбля. А восемнадцать лет назад вы были совсем молодым человеком, естественно, требовалась чья-то помощь, продюсерская поддержка. Был ли такой меценат?

— Да, был — Гена Гилядов, известный знаток вокального искусства горских евреев. Он по праву считается и первым художественным руководителем вокально-инструментального ансамбля «Гюльбоор».

— Насколько изменился состав вашего коллектива: пришли ли новые таланты, или по-прежнему работает «старая» гвардия?

— Изменения есть. Восемнадцать лет — это солидный срок. В коллектив пришла молодая певица Полина Питарова, которая одинаково хорошо исполняет песни на иврите, идише и русском языках. Стал членом нашего коллектива и очень интересный певец, представитель общины выходцев из Йемена Дани Табо. Но в любом случае тон задает «старая» гвардия, музыканты Яков Семендуев, Гриша Нахамов, Шамай Авдалимов.

— То есть можно сказать, что «Гюльбоор» стал в каком-то смысле «интернациональным» коллективом, тем более что Дани Табо исполняет песни и на английском языке, в репертуаре ансамбля есть песни народов мира?

— Можно сказать и так. Но при этом ансамбль остается чисто «кавказским», с преобладанием в репертуаре песен горских евреев и восточной музыки. Я придаю этому особое значение. «Гюльбоор» — это лицо кавказской общины, это вокальное искусство уникального этноса. «Кавказский» человек обладает хорошим музыкальным вкусом. Он очень строгий судья. Поэтому я стремлюсь держать марку.

— «Гюльбоор» в Израиле получил не только надежную прописку, но, как говорят знатоки восточной и кавказской музыки, стал центром фольклорного искусства горских евреев. Что это означает? Центр — это понятие емкое...

— У меня была давняя задумка: организовать на базе горского ансамбля нечто подобия научного центра, который бы всерьез занимался вопросами истории вокального искусства и фольклора горских евреев — выходцев с Кавказа. Честно сказать, долго стучался в чиновничьи двери, надеясь на какую-то помощь и понимание. Но обещания оставались обещаниями. И в один прекрасный день я понял, что эти ожидания — пустая трата времени. Как всегда, семейный бюджет не позволяет особо раскошиться. Но за эти годы мне удалось собрать какую-то минимальную сумму, что бы реализовать задуманное. Уже сейчас создана своя студия, при которой есть фонотека — своеобразный архив записей горско-еврейских песен, начиная с очень отдаленных времен. Сейчас ведется планомерная работа по изучению истории каждой песни. Здесь же в самое ближайшее время начнет действовать специальный продюсерский центр по выявлению молодых талантов — перспективных певцов и музыкантов. Будут выпускаться их альбомы и диски. Одним из главных направлений Центра будет работа над восстановлением старинных песен и музыкальных сочинений, по воле случая утерянных и забытых, но когда-то имевших большой успех у публики.

Может быть, это громко сказано, но после создания такого фольклорного Центра появилась возможность сделать другое хорошее дело: выпустить вокальную антологию горских евреев. Это будет уникальная работа, необычный памятник искусства маленького народа. Но на этом работа Центра не закончится. Песни и музыка горских евреев — это уникальное искусство Востока. Оно пока ограничено узкими рамками кавказской общины Израиля. За пределами нашей страны о нем знают, но не очень хорошо. Вот задача продюсерского центра и будет заключаться в налаживании творческих контактов по программе культурного обмена и концертной деятельности. Это содружество в дальнейшем намечено расширять в рамках культурных связей с европейскими странами, США и странами бывшего Союза. Через несколько недель у нас будет свой сайт в Интернете. И работа с коллегами и земляками из других стран будет вестись еще активнее.

— Ваше основное рабочее место — это концертные площадки, залы торжеств или импровизированные выступления под открытым небом?

— К великому сожалению, у нас нет своей концертной площадки. Наше рабочее место — это и большие залы торжеств, и концертные залы, и любое другое место, где проводится какое-то мероприятие по тому или иному поводу. Ансамбль имеет постоянные связи с муниципалитетами разных городов, с различными общественными организациями и клубами. Выступаем на всех еврейских праздниках и прочих мероприятиях.

— При всей виртуозности и мастерстве исполнения особую значимость приобретает репертуар, с которым «Гюльбоор» выступает. Не меньшее значение имеет сотрудничество с поэтами и композиторами. На кого вы ориентируетесь сегодня?

— Мы работали и работаем с композиторами разных поколений и разных творческих школ. Особенно плодотворным было наше содружество с ныне покойным Давидом Абрамовичем Осиповым. Он много сделал для ансамбля и как музыкант, и как человек, заинтересованный в про-

цветании искусства родного народа. Из музыкантов старшего поколения, которые помогали ансамблю, можно назвать еще и Джумшута Ашурова, колоритного композитора. И тот, и другой были хорошими наставниками. Из молодых, с которыми «Гюльбоор» тесно работает сегодня, хочу отметить двух талантливых людей. Это Яков Семендуев и Жора Исмаков, последний — автор знаменитого «Аксайского вальса».

— Специалисты отмечают ваше блестящее исполнение песен на иврите. Это дань уважения родной земле или обычная профессиональная необходимость?

— Это мой долг. Я — еврей и живу в еврейском государстве. Песни на иврите — это красивые восточные мелодии, которые мне близки и понятны. И если бы я даже не знал этого языка, то все равно понимал бы его сердцем. Любая музыка понятна без перевода. Это особый язык.

— Сегодня вы известный певец, а завтра, может, решите стать политиком?

— Всегда надо делать то, что умеешь делать хорошо. Мое дело — искусство, песня, музыка. Все это тоже политика, особенно когда ты хочешь, чтобы это искусство стало достоянием всех.

— И последнее: говорят, когда грохочут пушки, музы молчат. Мы живем на войне. Как вам работается?

— Что делать, такова еврейская судьба. Но и на войне надо уметь жить. А когда с тобой песня, то жить становится намного легче.

Бениамин Ифраимов: министр, ставший репатриантом

Он был членом правительства, начальником профтехобразования Республики, обладающим всеми правами министра, когда на него в соответствующее ведомство пришла грязная «простыня», а попросту говоря, кляуза и донос.

Бениамина Ханоновича обвиняли в прямом использовании своего служебного положения. Это заключалось в том, что он, Ифраимов, берет на «теплые» места своих сородичей — горских евреев. Это было серьезным обвинением, хотя письмо и было анонимным. Может быть, не будь Бениамин Ханонович евреем, письмо нашло бы свое место в мусорной корзине. Но ему, наоборот, дали зеленую улицу и широкую огласку. Дело дошло до разбирательства на высоком уровне. И там, с присущим ему мужеством, «обвиняемый» сказал:

— Это правда. А кто другой возьмет их на работу? Кого их судьба может волновать больше меня? Но у меня горских, к сожалению, раз-два и обчелся. Так что все это ложь...

Он родился в 1928-м.

Даже по скучным строчкам его биографической справки можно, не фантазируя, написать хорошую, добротную повесть. В 10 лет — грузчик, мальчик, зарабатывающий скудные деньги на пропитание родительской семьи. В четырнадцать, при попытке перехода линии фронта, попадает в лапы немцев. Только чистая случайность спасает его от неминуемой смерти. Этой счастливой случайностью стала совсем не знакомая женщина, которая, плача, прижимала его к своей груди и кричала фашистам:

— Он не еврей! Он мой сын!

Немцы поверили. Отпустили. С тех пор и до последнего часа своей жизни Бениамин разыскивал эту женщину.

1. Чей ты родом, откуда ты?

Так получилось, что у Бениамина Ифраимова не было в жизни свободного времени. Не было этого времени, когда он был рядовым рабочим промбыткомбината. Не было его, когда он достиг служебного пика: стал министром профтехобразования. Но было у Бениамина одно увлечение или, если хотите, любовь, для которой он это время находил, выкраивая его у сна и даже отдыха. Этой любовью была еврейская история, которую он тщательно изучал, собирал книги и любые другие материалы.

Но параллельно с этим в нем жило и другое увлечение, которое занимало Бениамина не меньше, чем первое. Он скрупулезно занимался своим генеалогическим древом. Оказалось, что его старинному роду более 250 лет. По уточненным сведениям, его отец, Ханон, дважды, в 18-20-х го-

дах, побывал в Палестине. И не только побывал, но и в составе еврейских повстанцев вступал в единоборство с солдатами английского мандата. Он, Ханон, несмотря на смутные времена, занимался самообразованием, владел семью языками и даже издавал газету на иврите.

2. Друг легендарного Калмыкова

В Ханоне — отце Бениamina — с удивительной естественностью сочеталось религиозное и светское. Одно не мешало другому, не создавало дискомфорта. Он учился в Польше, в религиозной йешиве. Он мог свободно стать раввином. Но, как умный и дальновидный человек, понял, что сейчас другие времена: быть раввином, конечно, престижно, но опасно. Это означало подвергать риску свою собственную жизнь и жизнь близких. И Ханон отказался от этой заманчивой идеи. Оставаясь раввином в душе и по убеждению, он стал определяться на государственную службу. Это были 30-е предвоенные годы. Грамотных и толковых людей его масштаба было не так уж и много. И руководитель, главный человек Кабардино-Балкарии Калмыков, не без удовольствия взял Ханона к себе в аппарат.

Головокружительная карьера, связанная с постоянным риском и ожиданием любых неприятных последствий, заметно подтачивали когда-то крепкий организм Ханона Ифраимова. И трагедия разразилась: ответственный сотрудник республиканского масштаба, оказался прикованным к постели. Надолго. На всю оставшуюся жизнь. На 25 долгих лет.

3. Слепые птицы летают тоже

С той самой поры и началась рабочая биография Бениamina-младшего. В семье было еще трое детей, которых надо было поднять на ноги. Бени, так и не познав детства, вступил во взрослую жизнь. Но оставаться на все времена

рядовым рабочим он не хотел. Он верил в себя, в свои возможности.

Теперь учеба стала его заветной мечтой. Только образование может открыть перед ним двери престижных организаций. Бениамин на пути к своей мечте: он блестяще завершает учебу в государственном пединституте, как до этого с отличием окончил школу. Его влечет экономическая наука. Бениамин успешно завершает аспирантуру в Москве. Комиссия единогласно присуждает ему звание кандидата экономических наук. Теперь у молодого Бени Ифраимова появляется шанс: либо заняться наукой, или перейти на партийно-хозяйственную работу. Он идет в науку, став заведующим сектором Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, ориентированного на революцию в экономике республики. Работы — непечатый край. Его деятельность становится заметной. Его забирают в правительство. Бени впервые получает номенклатурную должность: становится единовластным «хозяином» профессионально-технического образования на правах министра. В его ведении много самых различных школ специального назначения и профиля. Но Бени по натуре — новатор. И он не хочет работать по старинке: проводит комплекс реформ, которые способствуют укреплению материальной и технической базы отрасли.

Бениамин Ханонович, как высоко эрудированный и образованный человек понимает, что учебные заведения — ГПТУ, СПТУ и прочие связаны с судьбой молодежи, а значит, и с будущей судьбой республики. Вот почему он стремится, чтобы ребята получали не только профессиональные навыки, но и навыки высокой этики и культуры. И его вклад в дело воспитания подрастающего поколения и молодежи был по достоинству оценен руководством республики: Бениамин Ханонович был награжден орденами «Знак Почета» и «Дружбы народов».

Бениамин Ханонович может гордиться собой. Он один из первых из общины горских евреев, достигших таких прочных позиций. Он — избранник народа: депутат Верховного Совета Республики девятого, а затем десятого со-

зывают. Он — один из ведущих экономистов Кабардино-Балкарии. Для кого-то, может быть, слово «депутат» означает что-то символическое. Для Бениамина Ифраимова — это слово, в хорошем смысле, — слуга народа. Он встречается с людьми, работает по депутатскому запросу, принимает граждан-избирателей по самым горячим вопросам. Много помогает. Люди стремятся попасть к нему на прием, зная, что получат помощь.

И в то же самое время руководство республики предлагает Бениамину новые «фронты» — ответственные участки и должности. Но он не из тех людей, которые гонятся за мнимой славой и номенклатурными креслами. Его цель — поднять уровень будущих «капитанов» и «командиров» производства, создать прочную базу кузницы молодых специалистов.

Но руководство республики все-таки загружает его новыми обязанностями и полномочиями: он становится членом планово-бюджетной комиссии Верховного Совета Кабардино-Балкарии.

Казалось бы, нет на свете более счастливого человека, чем Бениамин Ханонович. У него есть все: прекрасная работа, дающая ему удовлетворения и возможность самореализации, есть большое доверие людей и надежный тыл — прочная кавказская семья, в которой обретают крылья для большого полета любимые сыновья Нагурей, Яков и Виктор. Он в хорошем возрасте для мужчины, когда можно планировать новые идеи и задумки. Впереди такое красивое и безоблачное небо жизни.

Но вдруг, как это и бывает частенько, все круто изменилось. Он споткнулся на пустом месте, как говорится, на подступах к великому. Это было неожиданно для всех — и для него, и для семьи, и для соратников по работе в правительстве. А получилось вот что: Бениамин Ханонович и дня не мог прожить без книг. Его домашняя библиотека насчитывала без малого 17 тысяч томов различных изданий. Среди них — художественная литература, новейшие издания по еврейской истории и политической экономии, энциклопедии различного толка и т. д. Даже вернувшись домой позд-

ней ночью, Бениамин не изменял своей давней привычке просмотреть на сон грядущий какую-нибудь книгу. И на этот раз он хотел сделать то же самое: стал подниматься по складной лестнице к самой верхней полке. Неожиданно (видимо, от переутомления), закружилась голова, и он рухнул на пол.

С этого все и началось: сначала ослеп, а потом обнаружилась гангрена ноги. Пришлось ампутировать. Но Бениамин был, что называется, стойким: никогда не падал духом, а продолжал даже в таком, не очень приятном состоянии, работать. Жизнь продолжалась. Работа, встречи с именитыми друзьями, среди которых были поэт Кайсын Кулиев, художник Николай Шаулов и многие другие, были для него повседневностью. Очень теплые и дружеские отношения связывали его с руководителем Республики Тимуром Мальбаховым. Уже перед самым выездом в Израиль Бениамин получил очень трогательное письмо от Кайсына Кулиева — замечательного лирического поэта, который в то время уже жил в Москве. Бениамин был не только хорошим приятелем поэта, но и давним поклонником его творчества. Кайсын как бы прощался и очень благодарил за внимание и помощь, которую Бениамин ему всегда оказывал. Письмо было очень трогательным.

Бениамин Ифраимов всегда мечтал хотя бы раз увидеть эту священную землю, на которой когда-то, в молодые годы, побывал его отец Ханон. И эта мечта стала явью. Правда, он очень тосковал, особенно в первый год приезда, по своему дому, по старым друзьям и узким, приветливым улицам вечно зеленого Нальчика.

Здесь, в Израиле, болезнь окончательно добила его: ему ампутировали вторую ногу. Он умер 7 лет назад, оставив после себя трех прекрасных парней, живущих сегодня в маленьком Кирыат-Гате, чем-то напоминающем Нальчик. А, самое главное, он оставил о себе добрую и светлую память и веру в жизнь.

Иосиф Матаев: «Лезгинка» — танцы, которые могут воскресить даже мертвых»

Пути Господни неисповедимы. Никогда нельзя предугадать, куда тебя может занести завтра эта загадочная судьба. Кажется, совсем недавно я встречался с этим талантливым и довольно известным на Северном Кавказе и далеко за его пределами человеком на улицах Махачкалы и уж, конечно, не мог предположить, что через каких-нибудь пару лет встретимся здесь, в Израиле, на многолюдной Алленби. Да, пути Господни неисповедимы.

Этот человек, о котором идет речь, Иосиф Матаев — народный артист России и Республики Дагестан. Многие годы, вплоть до 1996 года возглавлявший всемирно известный государственный академический ансамбль народного танца «Лезгинка», ученик и приемник знаменитого маэстро, народного артиста СССР Танхо Израилова. Разговорились. Но о чем бы мы ни говорили, память все равно машинально возвращала нас к «Лезгинке».

— Иосиф, прошло так много, 40 лет, как «родилась» «Лезгинка». А что запомнилось больше всего, что врезалось в память?

— Запомнилось все или почти все, но две вещи запомнились по-особому. Это отборочные туры, то есть творческий конкурс, по которому отбирались будущие солисты ансамбля. И хотя я не был новичком, значился довольно приличным мастером танца, все равно волновался: кандидатов отбирал сам Танхо. Но опасения и тревоги были излишними: я был принят по высшему классу. Жюри проявило редкую солидарность в моем вопросе: все оценки были высокими. Второе, что четко зафиксировалось в памяти — это декада литературы и искусства Дагестана в Москве. Это тоже было сорок лет назад. «Лезгинка» выступила с триумфом.

Народный артист России Иосиф Матаев

Вот с этого года, с этой декады и началось победное и триумфальное шествие нашего ансамбля по странам и континентам. Это был и мой триумф: я впервые танцевал на столичной сцене. Уже потом, спустя годы, таких выступлений у меня в Москве, даже в Кремлевском дворце съездов было много. Но первое всегда незабываемо.

— Иосиф, не все жили на Кавказе, не всем приходилось видеть этот прославленный ансамбль, не всем довелось в своей жизни видеть на сцене эти искрометные горские танцы. Я понимаю, что в двух словах невозможно объяснить все это, и тем не менее: что такое лезгинка?

— Издавна, еще с глубокой древности Дагестан славился своими умельцами — изделиями кубачинских мастеров, необычными коврами дербентских ковровщиц, балхарскими кувшинами из глины, прекрасными винами и коньяками. Но культура народа не ограничивается только изделиями из золота и уникальными коврами. Бесценным достоянием народа, его неоценимым богатством является фольклор — песни и танцы, передающиеся из поколения в поколение. Огненная лезгинка и символизирует этот волшебный мир народного искусства. Десятки, сотни ее вариаций, в сочетании с сюжетными театрализованными импровизациями из жизни прошлого и настоящего и составляет на сегодняшний день то, что именуется коротким и таинственно-романтическим словом «лезгинка». Это традиционные танцы горцев в современной транскрипции и в современной аранжировке, рассчитанные на высокий художественный вкус эрудированного зрителя, тонко воспринимающего все нюансы народного искусства.

— Когда это было легче — когда вы были ведущим солистом «Лезгинки» или потом, когда вы пришли в ансамбль в другом качестве — в качестве художественного руководителя? Что было вашей основной задачей — исполнительское, филигранное мастерство или поиск новых творческих форм, новых танцевальных композиций, нацеленных на масштабность и неповторимость?

— Никакого сравнения быть не может: ведущий солист — это человек и артист в заглавной роли. Плохому

Женская группа «Лезгинки» с Иосифом Матаевым

артисту эту роль не доверят никогда. Мне было легко на сцене, потому что я всегда был требователен к себе. И выходя на сцену, к публике, я знал, что лучше этот танец «сработать» нельзя, как говорится, я «выжимал» все, что можно было «выжать». Я держал экзамен за себя. Роль художественного руководителя и главного балетмейстера — это очень ответственная работа: ты отвечаешь за всех. И каждый концерт для тебя — это настоящий экзамен на высокий профессионализм. А когда это ансамбль еще и международного класса, то ответственность удваивается, удесятерится.

— Состязаться с великими всегда тяжело. Во всем. Трудно говорить с трибуны перед многотысячной аудиторией после великого оратора. Трудно исполнять песню после великого шансонье. И трудно танцевать на той самой сцене после великого кудесника танцев. Иосиф, как работало после Танхо? Не тяжела ли была «шапка Мономаха»?

— Я — ученик Танхо Израилова — этого легендарного маэстро. И всегда буду ему признателен за его фантастическую преданность искусству и за его божественный талант.

У каждого маэстро свое время. Танхо великолепно сыграл свою «игру». Но жизнь всегда требует новизны. Искусство — это не застывший камень. Его все время надо шлифовать, разукрашивать, и к нему надо что-то прибавлять, чтобы получился разноцветный серпантин. Вот в этом смысле было тяжело. Но спасибо Танхо. Он научил меня, как это делать. И я мысленно всегда советовался с ним.

— Это стало традицией: концертный репертуар «Лезгинки» обязательно ежегодно обновлялся. Наверное, Иосиф Матаев не стал вносить в это дело какие-то коррективы, продолжая традицию: какие новые хореографические номера — танцевальные сюиты, танцевальные композиции и работы более крупного плана вами были осуществлены за последнее время вашего пребывания в «Лезгинке»?

— Это естественно, что концертные программы ежегодно обновлялись. Это логично, хотя бы потому что не может человек всегда ходить в одном и том же костюме, каким бы он красивым и элегантным ни был. Я ставил перед собой одну главную задачу: сделать каждую новую концертную программу праздником искусства, праздником народного танца, праздником грации и красоты. Но я никогда не стремился к красоте ради красоты. Я стремился языком танца передать неповторимую самобытность героического прошлого народа, его сегодняшнюю устремленность к лучшей жизни, романтику сегодняшнего дня. Все это — в сочетании с национальным колоритом и виртуозностью исполнения. Танцевальных номеров и композиций мною было поставлено много. Но два слова я хочу сказать об одной большой работе. Это балет на историческую тему «Парту-Патима». Первый национальный балет, осуществленный творческим составом «Лезгинки». Он был хорошо воспринят зрителями, ценителями и знатоками искусства, общественностью.

— Иосиф, вам какое-то время пришлось работать в коллективе «Лезгинка» не в самые лучшие времена, в период полного развала бывшего СССР. Потеряло свою былую мощь родное министерство культуры, не было уже тех приличных дотаций. Как выходили из положения?

— Это особый разговор. Сложность неимоверная. Стало проблемой пошить один костюм. Надеяться было не на кого. Раньше композитору за музыку платило министерство культуры. А на сдаче такая крупная работа, как балет. Композитор требует свой гонорар. Человек работал, трудился и хочет получить заработанное. Ему без разницы, кто будет платить. Он хочет получить за свой труд! Другой вопрос — гастролы. Тоже проблема: проезд и гостиницы подорожали. Как говорят: хочешь жить — умеи вертеться. Вертелись.

— Один любопытный вопрос: в ваших концертных программах было много старинных танцев. Вы в хорошем смысле реанимировали почти уже забытые народом номера. Возвращали их как бы из небытия. Как вам это удавалось?

— Я хочу начать издалека. В Махачкале — столице Дагестана, был некогда Институт художественных промыслов. У них был большой аппарат специалистов, которые разъезжали по самым дальним аулам, чтобы у знатоков и умельцев по старым, разрозненным лоскуткам возродить рисунки и орнаменты тех старых ковров. У нас, к сожалению, такого Института не было. Помимо международных гастролей и гастролей по бывшему Союзу «Лезгинка» много гастролировала и по городам и селам Северного Кавказа. И вот каждая такая поездка была для меня своеобразной творческой экспедицией, из которой я никогда не возвращался с пустыми руками. Хотя время у меня и было расписано, что называется, по минутам, я все-таки находил часок-другой, чтобы встретиться с аксакалами, людьми, помнившими еще с детства забавные народные танцы и даже целые композиции. Вот это все в соответствующей обработке и становилось вновь достоянием тысяч людей.

— Иосиф, ну теперь давайте поговорим немножко о жизни здесь. О жизни творческой. Насколько Иосиф Матаев — известный балетмейстер, бывший художественный руководитель всемирно известного ансамбля востребован здесь, на еврейской родине?

— Нам удалось создать хороший танцевальный коллектив. Давали концерты. Но финансовые затруднения и ситу-

ация в стране отрицательно сказались на дальнейшей судьбе ансамбля.

— И еще об одном: какая из задумок уже реализовалась здесь, в Израиле?

— Вышла в свет моя книга «Лезгинка»: годы, прожитые вместе». Она посвящена 40-летию со дня «рождения» ансамбля. О чем книга? О том, как этот незаурядный коллектив шел к своей славе, об интересных эпизодах, о разных встречах с людьми у себя дома и за рубежом. Книга хорошо иллюстрирована. Она вся построена на фактах. «Лезгинке» я отдал много лет. Это главная часть моей жизни.

Доктор наук, который говорит с Богом

«...Хотите объяснить то, что я делаю? Да как это объяснить, когда это Божьих рук дела». «Мой дар от Бога. Он лишил меня зрения, но дал мне другие глаза, которыми я вижу мир — и видимый, и невидимый». «Я не читаю мысли. Голос говорит мне, он мне диктует, что сказать людям, я слышу его в 18 сантиметрах над своей головой. Говорит со мной приятно и любезно, и если он меня обманет, то и я солгу».

(Ванга, знаменитая болгарская ясновидящая)

Наша жизнь столь непредсказуема и столь динамична, что независимо от человека его судьба может вдруг, совсем неожиданно, измениться и пойти уже по другому руслу. Такой неожиданный поворот судьбы и произошел в жизни кавказца, преуспевающего доктора наук, ученого-физика Айдына Гуршумова. Его работы в области физики, помимо теоретической ценности, находили в последние

годы и чисто практическое применение. Но однажды ночью в феврале минувшего года ему приснился волшебный сон: ангелы Бога Цеваота с помощью телепатии вручили Айдыну Пинхасовичу Ковчег (талисман), благодаря которому он, человек, проживший 51 год и совсем не веривший в Бога, наутро вдруг «прозрел» и нашел даже код к Библии, стал расшифровывать в своем, новом, прочтении великого

Нострадамуса, Эдгара Кейси, знаменитую болгарку Вангу. Сегодня доктор и ученый-физик удачно работает в двух, казалось бы, несовместимых областях — рациональной и иррациональной, в сфере науки и божественном мире, и при этом получает изумительные результаты.

И хотя на Кавказе по вековой традиции гостя расспрашивают только на третий день, тем не менее, не посчитав это за нарушение горских традиций, а напротив, в знак уважения, начнем этот диалог с необыкновенным человеком сразу. Это вызвано еще и особой привлекательностью темы предстоящего разговора.

— Айдын Пинхасович, тема нашего разговора, конечно, не физика, но тем не менее интересно, где вы учились, где потом доводилось работать и в какой области этой науки вы отличились?

— Я выпускник Азербайджанского педагогического института. Учился на факультете физики. Но не сразу после завершения учебы я стал ученым-исследователем. До этого была педагогическая деятельность. А как физик-исследователь я начал работать в Институте неорганической и физической химии Академии наук АзССР. Эта же работа продолжалась уже в моем родном институте на кафедре «Электричество и оптика». Восемнадцать лет назад защитил диссертацию на соискание ученой степени. Моя область — тройные соединения и твердые растворы на основе селенида олова. Мои работы и мои изыскания в этом направлении широко использовались в Институте нефти и химии Академии наук, а также в различных лабораториях и научных центрах России.

— Вы верили в Бога или почетный статус ученого да еще физика-исследователя не позволял вам такую «роскошь»?

— Скажу откровенно: я никогда, прожив больше 50 лет, не был верующим человеком. И статус ученого здесь ни при чем. Не надо забывать, что я — «продукт» советской эпохи, эпохи и системы, которая воспитывала людей в духе атеизма.

— Уважаемый доктор, то, что вы делаете сейчас, предмет вашей деятельности, еще в не столь отдаленные постсо-

ветские времена обозначалось одним коротким, но крайне негативным словом: «мистика». Но в мире нет ничего вечного. Нет сегодня бывшей великой державы — СССР, да и вы уже гражданин другой страны — Государства Израиль. Что для вас сегодня «наука», в частности физика, и что «божественное»? Вы остаетесь человеком науки или посланцем Бога? Что дала вам наука и что ангелы Бога Цеваота? Есть ли в этом что-то единое?

— Я однозначно утверждаю, что между наукой и «божественным» нет водораздела. Я сказал бы так: наука — это и есть «божественное» и, наоборот, «божественное» есть наука. Когда я во сне по телепатии получил от Ангелов Ковчег (талисман), мне интуитивно, через внушение «сверху» удалось получить уникальный «ключ», с помощью которого я могу теперь легко расшифровывать Библию, другие священные писания. Больше того. Впервые в мире я прочитываю в новом варианте, то есть в новом смысловом понятии «Центурии» (пророчества) великого Мишеля Нострадамуса. Мне удалось расшифровать другого величайшего ясновида — Эдгара Кейси, знаменитую болгарку Вангу. Кодовое прочтение Библии открыло передо мной нечто фантастическое. Библия — это не сказочные сюжеты, а хорошо, по-научному умно закодированная история человечества — история Прошлого, Настоящего и Будущего.

— Айдын Пинхасович, извините за некую откровенность: о том самом коде, с помощью которого прочитывается Библия... Этот самый код, по которому вы расшифровываете Библию, продиктован вроде бы Всевышним. Библия — это летопись человечества от Адама и до конца света. Сделать и описать все это мог только Всевышний, обладающий вселенским разумом. Значит, Бог есть?

— Конечно. Но чтобы понять и осмыслить это, человек должен духовно возвыситься. Бог есть. Ведь незрячие знают, хотя и не видят, что есть свет, хромые и калеки знают, что есть здоровье. Бог есть, но его нельзя увидеть. Он как ослепительный шар, на который невозможно смотреть. Бог — это Дух. Вот почему Он вселяет в нас волю. Здесь уместно привести слова знаменитой болгарки Ванги, которая го-

ворила всем, кто приходил к ней за помощью, следующее: «В Бога не веруете, а хотите, чтобы Он помог. Без веры ко мне не приходите. Не я, а Он помогает вам».

И еще в добавление к сказанному: все известные прорицатели ставили и ставят превыше всего веру в Бога. Это великая истина, подтверждающая, что есть сила, создавшая людей, и что прошлое и будущее суть моменты единого процесса, называемого Временем.

— И последнее. Разные люди — ясновидцы и прорицатели, чьи имена на слуху, постоянно говорили и говорят о конце света, о последнем дне нашего мира. Как вы относитесь ко всему этому: серьезно или как к очередной «сенсации»?

— Отношусь не скептически, а вполне серьезно. Сегодняшние футурологи, ясновидцы и астрологи предсказывали, что это самое произойдет уже в июле 1999 года. Но конец света не наступил, прогнозы оказались ошибочными. В качестве основания для своих «пророчеств» эти люди ссылаются на великого Нострадамуса. Ведь величайший Пророк расписал ход нашей жизни до 3797 года. Тогда действительно наступит то, о чем говорят сегодня. Это лишний раз говорит о том, что эти люди неправильно прочитывают Нострадамуса. У них нет того единственного ключа-кода, по которому легко прочитывается и Библия, и «Центурии» Нострадамуса, которые имеют одно и то же числовое обозначение. Это говорит о том, что великий Пророк знал код Библии.

...В своей концепции в качестве подтверждения существования Бога Айдын Гуршумов приводит довольно убедительный аргумент, суть которого в том, что Библия есть «продукт» надиктовок самого Бога. Именно он продиктовал нашему праотцу Моисею на одном из холмов Синая все известные нам на сегодняшний день истории про Адама и Еву, Каина и Авеля, про рабство евреев в Египте.

Пока не все соглашаются с этим, хотя бы потому, что усматривают в этой еврейской истории много крови и много ненависти, так чуждой еврейской религии, да и не только еврейской. Но разве Бог повинен в этом? Нет, и еще раз

нет. Каждый родитель хочет, чтобы его дети были умными и образованными людьми. Но не все дети вырастают и становятся поэтами и учеными. Становятся и бандитами. И не все зависит от родителей. Здесь Бог дал человеку волю и свободу.

Так и кровопролития, которые происходят на земле, случаются не по воле Всевышнего. И в своей концепции о существовании Бога Айдын Гур-шумов опирается главным образом на научно обоснованную теорию — учение Разума. Он говорит о новом Мессии. Но новый Мессия, как свидетельствует Айдын Гуршумов, — это не просто наставник, не просто Учитель. Это Заступник, это новый Адвокат для всех обиженных. Нелегкая судьба у этого Мессии. Но участь во все времена гонимых Пророков принесет людям спасение.

И опять Нострадамус:

«Конечно, один только вечный Господь знает силу идущего от света, и все же я буду откровенен: кому он пожелает открыть свое непостижимое и безмерное величие, тот получит эту тайную вещь, явленную божественно».

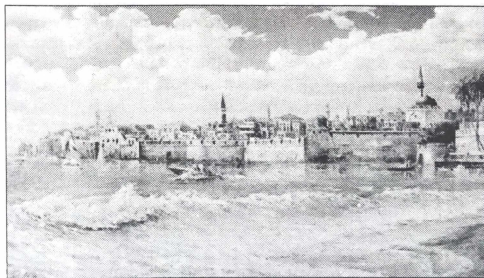
Ариэль Агарунов — «адмирал», рисующий море

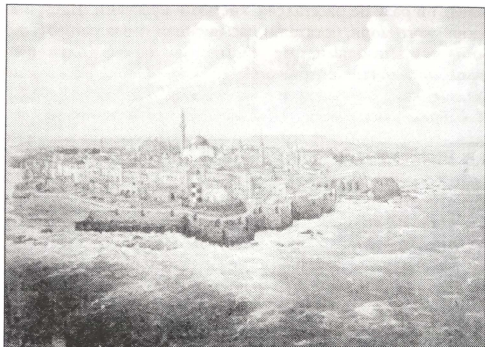

Итак, знакомьтесь: горский еврей — выходец с Кавказа, член союза художников Израиля Ариэль Агарунов. Рисованием увлекается с раннего детства. В Израиле с 1993 года в творческой биографии этого человека есть одна существенная деталь: Ариэль Агарунов не имеет специального художественного образования. Он профессиональный моряк. И его творчество посвящено исключительно морю и всему, что связано с этой суровой стихией. Он художник-маринист.

Как говорил один из персонажей «Героя нашего времени» Лермонтова: «И под толстым сукном солдатской шинели может биться влюбленное сердце». А еще такое влюбленное и такое романтическое сердце может биться и под толстым сукном матросского бушлата. И профессиональный моряк и полярник, капитан дальнего плавания Ариэль Агарунов, конечно же, подтверждает это хотя бы потому, что все сказанное выше в полной мере относится к нему лично: эта любовь особого рода — любовь, и, связанная с ней романтика души и сердца. Он достоин похвалы, — этот кавказец, несущий в себе эту неистребимую любовь к морской стихии вот уже свыше полувека. Суровое и полное неожиданностей море стало его родным домом и оно стало единственным предметом и его постоянной темой, над которой он, Ариэль, самозабвенно работает. Он вырос на берегу Каспия, закончил Бакинскую «мореходку», стал профессиональным моряком, который даже в дальних и близких пла-

ваниях ни разу не расстался с кистью и красками. История Каспийского моря, богатая и насыщенная уникальными событиями и эпизодами, не могла не взволновать тогда еще молодого художника Ариэля Агарунова. И вот появляется любопытная по сюжету и воплощению картина «Гибель «Фредерика» под Дербентом». «Фредерик» — это парусное судно, которое было отправлено к берегам Каспия по заданию самого Петра I. Эта экспедиция закончилась трагически. Этот момент и послужил основой для создания картины. Но это полотно не стало последним в серии работ художника А. Агарунова, посвященных теме Каспийского моря. В этом ряду событий интерес всегда вызывала у посетителей его персональных выставок картина «Сожжение «Орла». Но это уже другой период и речь идет совсем о другом. Это период восстания атамана Стеньки Разина. События происходят в Астрахани, на берегу моря. Восставшие предают огню парусник «Орел» — символ царского самодержавия. Ариэль Агарунов как самообытный и талантливый художник нашел интересное композиционное решение. Отчетливо видны полыхающее огнем судно, фигуры бунтовщиков. Огонь на паруснике четко высвечивает другую очень важную панораму: контуры астраханской крепости. И в целом получилось хорошее, красочное и объемное полотно, которое не оставляет никого из посетителей равнодушным.

Ариэль выбрал делом своей жизни море, морскую профессию. Казалось бы, такая ответственная работа — капитан дальнего плавания, связанная с судьбами десятков и сотен людей. Где уж тут найти время для любимого занятия живописью? А он это время находит. Может быть, за счет своего короткого отдыха от несения службы, а может быть, отнимая драгоценные минуты у сна. Но как бы то ни было, из любой дальней или близкой морской экспедиции капитан-лейтенант Ариэль Агарунов всегда возвращался с «трофеями» собственного производства: набросками картин или уже готовыми полотнами. И опять на холстах было море. У «кавказца» свой творческий почерк, так непохожий на манеру работы других мастеров живописи: ни в одной из его работ нет моря без неба. И причем обе эти стихии живут на полотнах Ариэля Агарунова на одном дыхании. Если море грозное, бурливое, страшное, точно таким выглядит и небо, как его зеркальное отражение.

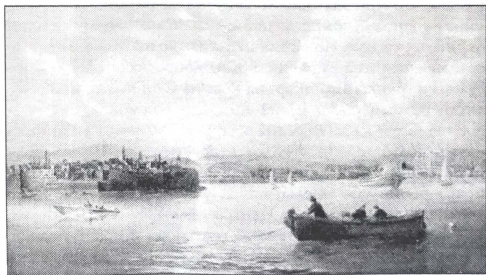
Нет, «звездный час» не пришел к капитан-лейтенанту сразу, в одно мгновение. И он не проснулся однажды, как это иногда случается, богатым и знаменитым. Он шел к своей известности всю жизнь, сколько себя помнит. Сначала

был порт Тикси и клуб «Моряк», где Ариэль выставлял свои полотна из морской жизни. Потом был уже Якутск, областной Дом народного творчества ... и персональная выставка, принесшая художнику-моряку или, наоборот, моряку-художнику популярность, известность и признание.

Сейчас многие картины художника находятся в частных коллекциях США. Впрочем, многие из работ Ариэля и по сей день экспонируются в музеях Якутска, в музее истории Каспийского моря, а также в частных коллекциях Японии и Южной Кореи.

У художника-мариниста немало каталогов, изданных и на родине исхода. Его работы включаются и в ежегодные каталоги, выпускаемые союзом художников Израиля и Хайфы. Но Ариэль, как и все талантливые от природы люди, по-хорошему не доволен собой, хочет непременно большего, лучшего. У него много задумок. И среди них одна задумка занимает особое место. Ариэль хочет воплотить на большом полотне историческое сражение Наполеона у берегов старого Акко. Сейчас он готовит различные наброски, рабочие эскизы, черновики будущей работы.

Вообще надо сказать, что 79-й год был в творческой жизни «кавказца» особенным: плодотворным и везучим. В Архангельске прошла первая всесоюзная художественная выставка самодеятельных художников-моряков под девизом

«Художники — флоту». Эти работы экспонировались в Москве, в Центральном Выставочном зале. Там были и полотна Ариэля Агарунова. Потом был год 1986-й, Всесоюзный конкурс, на котором он стал лауреатом. А еще через год, в 1987-м Ариэль становится счастливым обладателем премии Союза художников СССР.

И были не только премии, дипломы, свидетельства. Было самое главное — людское признание тех, кто понимал в этом роде искусства. Было настоящее признание в любви. Вот несколько строк, взятых из книги отзывов того времени, а точнее, с персональной выставки, проходившей в Тикси: «Спасибо вам! Сколько тепла и света излучают ваши картины. Я рад, что в нашем поселке есть человек, умеющий согревать сердца людей даже в эти лютые морозы».

А морозы там, действительно, были лютыми: ртутный столбик порой опускался до отметки -50 градусов по Цельсию.

Есть отзывы о впечатлениях от просмотренных работ, выполненных художником здесь, в Израиле, на новой еврейской родине, где вот уже без малого целых 8 лет живет Ариэль Агарунов. Всего на счету художника-мариниста 15 персональных выставок, пять из которых приходятся на Израиль. Два раза из них выставлялся в Хайфе — где много иностранных туристов и моряков. И поэтому неудивительно, что многие отзывы сделаны на различных языках мира — английском, немецком, испанском. И, конечно, на иврите и русском. Но на каком бы языке ни был отзыв, важно одно: полотна художника высокопрофессиональны, радужны и сочны гаммой ярких красок. Они понятны и наводят на размышления. В них нет погони за модой, за вычурностью. Все просто, как сама жизнь. И это как раз и привлекает и долго держит у полотен посетителей. Не оставили равнодушными картины Ариэля и бывшего министра алии и абсорбции Ю. Эдельштейна, побывавшего некоторое время назад на открытии Центра культуры «Аудиториум». Художник верен своей теме — теме моря и новой родине. Но уже акценты совсем иные. Вот полотно «У морской стены. Акко». На нем художнику удалось запечатлеть кусочек

древнего города, которому 5 тысяч лет. И на этом же холсте, рядом с древностью он запечатлел и картину сегодняшнего города. Все это объединяет море, на берегу которого и изображена художником «симфония» жизни — сегодняшние рыбацкие будни. Но достоинство творческого дара художника в том, что он нехитрыми мазками ненавязчиво объединяет прошлое и настоящее. Лейтмотив один: все приходит и уходит, а море, как и жизнь — вечно. Между прошлым и настоящим лежат столетия, а в жизни и на полотне художника они живут в соседстве, как будто их никогда и ничто не разделяло. Море на полотнах Ариэля Агарунова всегда разноликое и разноплановое. Но всегда привлекательное. Оно привлекательно, когда художник обращается к теме Нефтяных Камней в Баку — целого рукотворного острова, на котором отважные и трудолюбивые люди совершали свой гражданский подвиг, к которому причастен седой Каспий. Вот некоторые из полотен этой серии: «Вышки на Нефтяных Камнях», «Огни Каспия».

И опять об отзывах. Вот одна из последних записей, сделанная любителем живописи Насыровым Ш. Б.: «Уважаемый Ариэль» Спасибо за ваши работы. Я так полюбил море». И в связи с этим очень парадоксально звучит письмо, полученное художником 5 лет назад из Управления алии и абсорбции Хайфы, в ответ на его просьбу о какой-либо минимальной помощи, поскольку несмотря на талант и мастерство, он живет далеко не на широкую ногу. Вот строки из того злополучного письма: «Сообщаем вам, что специальная комиссия не признала вас профессиональным художником». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Пусть теплые и душевные отзывы людей, отметивших талант художника Ариэля Агарунова, будут упреком авторам того письма, не усмотревшим в нем одаренного живописца.

Симха Есипов: свой человек в Ор-Акиве

В наши дни опросы общественного мнения стали модными. Проводят их и общеизвестные структуры и организации, такие, как институт Гелопы — очень популярный и востребованный к прогнозам которого прислушивается широкая общественность, и ведомство Элизера Фельдмана. Опросы по выявлению рейтингов тех или иных лидеров проводят и сами партии. К примеру, «Ликуд», который имеет свой Центр по изучению общественного мнения.

Он и определил, что рейтинговый список за минувший период возглавил нынешний мэр Ор-Акивы Симха Есипов, семнадцать лет до этого бывший бессменным замом, и столько же лет являющийся членом Центра партии.

1. Мэры всякие нужны, мэры всякие важны

Каждую среду у Симхи официальный приём посетителей: в народе нехватки нет. Сюда, на встречу с новым мэром, приходит и стар, и млад. У каждого свои личные проблемы. Но этих проблем стало гораздо больше в эти тревожные «фронтовые» дни. Поэтому приёмные дни мэра не ограничиваются теперь только средой. С какими же вопросами приходят эти люди к Симхе Есипову? В первую очередь, это вопросы личного плана: устройство на работу, определение ребенка в детский сад, всевозможные консультации и, конечно, самый больной вопрос — оплата арноны. Все это — традиционное. В эти «горячие» дни у людей появились к своему мэру и другие вопросы, имеющие общественный характер: это санитарный порядок в бомбоубежищах молодого города, получившего этот статус где-то пару лет назад; это увеличение количества детских уголков и площадок; благоустройство и санитарное состояние самого

Первый мэр из кавказских Симха Есипов

города; вопросы безопасности в общественных местах. Но все это далеко не полный перечень того, что сегодня интересует посетителей, Симха Есипов — репатриант семидесятых, В Ор-Акиве живет давно и поэтому хорошо знает почти каждого. А уж его-то знают все: целых семнадцать лет прошло с тех пор, как он, совсем еще молодым человеком пришел на работу в ирию. Семнадцать лет он был бессменным заместителем и «правой рукой» хозяина города, И тогда тоже он занимался людьми, их актуальными проблемами. Интересовался настолько глубоко, что в какое-то время возглавил даже демонстрацию, организованную в знак протеста против отдельных промышленников, нарушивших трудовой договор по предоставлению рабочих мест на пусковых предприятиях. Тогда эта акция протеста, возглавляемая Симхой Есиповым, возымела свое действие.

2. Заглядывая в завтра

Как мобильный и целенаправленный человек, Симха не может жить, а, скорее всего, не хочет жить днем вчерашним: он смотрит в день завтрашний и прогнозирует его. У нового мэра очень много новых проектов, намеченных к реализации.

Но Симха, несмотря на очень короткий срок пребывания на посту мэра, уже может похвастаться многими полезными начинаниями. И это — при скудном бюджете и почти пустой казне страны. Он сумел убедить руководство центрального управления водного хозяйства и его дочерние подразделения в необходимости капитального ремонта устаревших систем.

И к словам мэра прислушались: «нашли» ему необходимые на ремонт 2 млн. 400 тысяч шекелей. Сказано — сделано: работы по капремонту уже идут.

Вода — это, конечно, жизнь. Как пелось в одной довоенной песенке в стране исхода, «без воды и ни туды, и ни сюды». Но вода — водой, а мэр Симха Есипов, как человек, причастный к народному творчеству, музыке и танцам, ре-

Делегация Ор-Акивы в гостях у Ариэля Шарона

шил оживить работу городского очага культуры — речь о центральном матнасе Ор-Акивы, где какое-то время успешно функционировали множество различных кружков художественной самодеятельности. Многие годы нынешний мэр курировал работу этого культурного центра. Надо отдать ему должное: матнас числился среди лучших. Симха и на этом «фронте» был инициатором многих начинаний. Он является создателем юношеского ансамбля кавказских танцев, который не раз становился победителем и призером различных престижных фестивалей. Но отсутствие денежных средств отрицательно сказалось на всей работе матнаса: работа потихоньку сворачивалась. И вот, уже став мэром, Симха Есипов занялся «реанимацией» этого очага культуры. По своим каналам изыскал более 2 млн шекелей. Но эти средства пойдут не только на возобновление работы матнаса. Они будут в самое ближайшее время использованы и на строительство детского Центра здоровья, который станет своеобразным институтом профилактики.

То, что можно сделать сегодня, новый мэр никогда не откладывает на завтра. Это не в его правилах. Уже состоялось заседание городского совета по строительству сразу двух детских садов и большого спортивного зала в школе-

тихоне. К числу первостепенных дел относится и строительство юношеского клуба, а по сути, молодежного Центра. Этот вопрос очень актуален.

Оставаясь новатором в любом начинании, заглядывая в будущее, в завтрашний день, Симха никогда не забывает о главном: заботе о своих горожанах, избирателях и земляках. А забота о человеке — это, прежде всего, забота о его хлебе. Сейчас, когда на многих предприятиях заморожены зарплаты и постоянно говорят о бесконечных увольнениях, Симха Есипов предпринял нечто, похожее на гражданский подвиг: он красиво и дипломатично «подъехал» к руководству МВД, которое некогда было под «нашим» контролем... и получил один миллион на погашение задолженности по зарплате людям, работающим в системе госучреждений. Люди довольны. Давно они не встречали такой заботы о себе.

Может быть поэтому рейтинг Симхи Есипова, как мэра, заметно поднимается на глазах. Об этом свидетельствуют и данные опроса Центра по изучению общественного мнения при партии «Ликуд», который обнародовал свои бюллетени по занимаемому среди различных общественных деятелей рейтингу в регионах. Верхнюю строчку этого списка возглавил нынешний мэр Ор-Акивы Симха Есипов. Здесь, в порядке информации, следует добавить одну маленькую деталь: Симха на протяжении ряда лет является членом Центра партии «Ликуд».

3. Ай, да мэр! Ай, да молодец!

Но любые рейтинги — вещь капризная. Полагаться на них и ничего не делать это очень опасное занятие: есть шанс моментально потерять завоеванные позиции. Симху Есипова этому правилу учить не надо. Он это правило знает хорошо. Именно поэтому достигнутое на сегодня его не успокаивает. Он обязательно выйдет на новый рубеж.

— Что же его волнует сегодня, как мэра, помимо уже перечисленного? Вопрос не заставит нового «хозяина» города врасплох.

— Сейчас меня очень волнует и очень беспокоит несколько вещей. В первую очередь, это дети, по тем или иным обстоятельствам находящиеся «за бортом» школы. Это нехорошее явление, с которым надо обязательно бороться.

Другая наша головная боль — ограниченное число рабочих мест в черте города и близлежащих окраинах. Где-то к декабрю мы будем серьезно думать о строительстве новых промышленных объектов. Но одной ирре это не под силу. Сегодня, когда урезается даже бюджет армии, нам довольно сложно решать подобные проблемы. И все-таки решать надо. Другого выхода просто нет.

Но не хлебом единым жив человек. Люди живут в постоянном напряжении: теракты, безработица, нестабильность, и прочее. И поэтому надо как-то облегчить эту жизнь: давать больше концертов, устраивать больше фестивалей, организовывать общинные вечера и встречи с видными мастерами искусства. Все это поможет как-то снять нервное напряжение. Девиз древних — больше хлеба и зрелищ — остается актуальным и в наши тревожные дни, — говорит мэр Симха Есипов. Не случайно муниципалитет скоро примет решение удешевить горожанам билеты на творческие встречи, которые будут проходить в большом концертном зале Ор-Акивы.

Факир, который удивил всех. Даже «Гиннесс»

Этот кавказец, о котором идет речь, и которого зовут Виктор Рабаев, известен всем. Он давно уже разговаривает на языке факиров. Виктор — известный каратист, многократный обладатель «черного» пояса, неоднократный чемпион Израиля. А в последние два-три года он всерьез и надолго ушел в факирство, выбрав его в качестве основного дела жизни.

И вот совсем недавно в Ороте — пригороде Ор-Акивы, в концертном зале «Ишколь Пайс» прошло показательное выступление этого незаурядного спортсмена, а теперь уже и факира.

Это выступление и «показы» на этот раз проводились для специального официального просмотра представительством Книги рекордов Гиннеса, которое и должно было дать окончательное заключение, выдать свой последний «приговор»: есть рекорд или его нет.

Но Виктор Рабаев, к счастью, не оставил своим оппонентам из представительства никаких шансов на колебания и малейшее сомнение. Все было выполнено безупречно, грамотно и мастерски. Есть рекорд. Он засчитан. Отныне Виктор Рабаев — первый израильтянин и первый из кавказцев, занесенный в почетную Книгу рекордов Гиннеса.

О том, что это был особый показ, говорил уже тот факт, что на просмотр были приглашены бывший министр культуры и спорта Матан Вильнан, депутат кнессета Моти Ми-

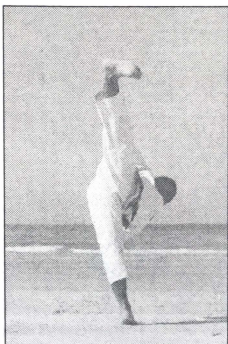
шали, мэры различных городов, известные спортсмены и общественные деятели.

В этот день Виктор Рабаев удивил публику не только феноменальным номером, предназначенным для Книги рекордов Гиннесса. Собравшиеся были приятно удивлены и факирскими номерами из арсенала его малолетних воспитанников. Они демонстрировали, как сказали бы летчики, «высший пилотаж».

Публика видела многих факиров. Кто-то из факиров проглатывал пламя, другой — усыплял внушительных размеров питона, а третьего — заживо распиливали.

Трюки Виктора Рабаева — совершенно другого рода, они уникальны. И в этом смысле приводит в шок его эксклюзивный трюк, с которым он и вошел, наконец, в Книгу рекордов Гиннесса. Молодой кавказец лежит на большой грудобитого стекла. На груди у него множество разнокалиберных камней. Их общий вес — 500 кг. Но это не самое главное. Впереди впечатляющий момент трюка: его ассистент отбойным молотком весом в 10 кг разбивает эти камни прямо на груди отважного факира. Вся «соль» номера в том, что в нем нет обмана. Настоящие камни, настоящая кувалда. И, конечно, самые что ни на есть настоящие разбитые стекла. Как говорят в шутку его многочисленные друзья-музыканты: Виктор не работает «под фонограмму».

Но не все шло гладко в этой «эпопее». Несколько месяцев велись переговоры Виктора Рабаева с различными заинтересованными организациями по поводу включения его, как исполнителя редкого трюка, в список претендентов, добивающихся права попасть в мировую Книгу рекордов Гиннесса.

*Уникальный номер Виктора Рабаева.
Спортсмен выдерживает тяжесть машины*

Но лежание на битом стекле с пол-тонной камней на груди далеко не единственный душещипательный трюк Виктора Рабаева. Его арсенал богат и разнообразен. И это всегда трюки, связанные с определенным риском и щекотанием нервов, сложностью исполнения. Когда какой-то факир «проглатывает» острые ножи, мы понимаем, что это имитация, хитрая игра. Но когда факир лежит и через него проезжает машина — это уже не обман, это работа. Работа нервов, опыт, самовнушение, натренированность тела и головы. Это все — Виктор Рабаев. Все трюки молодого кавказца — эффектны. Порой настолько, что человеку со слабыми нервами на этих показах делать нечего. И поэтому на эти «концерты» приходят люди, способные перенести эмоциональное и необычное зрелище. А необычного в этих «показах» хватает: голой шашкой, с наглухо завязанными глазами, Виктор разрубает поставленное на голову сына яблоко. Действительно, картина не для слабонервных.

Без риска нет шампанского

В моем понимании факир — это всегда сверхчеловек, супермен. Но оказалось это совсем не так. И об этом я впервые узнал из недавней беседы с Виктором.

— Ведь правда, что только физически сильные люди могут быть факирами?, — спросил я у молодого кавказца. Не будь отличного каратиста Виктора Рабаева, не было бы и такого факира. Мой собеседник хитро улыбнулся. И я понял, что очень сильно ошибался в этом вопросе. А Виктор, словно прочитав мои мысли, четко сказал:

— Здесь все по-другому. Важна работа головы, а не рук. Нет необходимости накачивать свои бицепсы. Разве нужна недюжинная сила, чтоб одним взмахом разрубить яблоко на голове мальчика: нужны хладнокровие, четкость движения и тренировка. А ведь одна неточность — и трагедии не избежать. Но этой трагедии никогда не будет, потому что руке приказывает голова, которая, как отменный компьютер, фиксирует всё.

Виктор Рабаев устанавливает рекорд

— Виктор, каждое, сколь-нибудь стоящее дело требует, по логике вещей, своего продолжения. Речь о каратэ и факирском ремесле, естественно.

— Занятие по каратэ я вел многие годы. Занимался не только с детьми, но и с ребятами постарше, которым перевалило за 30. Сейчас по ряду причин оставил большой спорт как спортсмен, но не как тренер. А продолжение все-таки есть: я активно занимаюсь и каратэ, и факирством со своим старшим сыном Ореном, который уже «ветеран» в этих областях, хотя ему всего... 9 лет. Занимаюсь и с двумя другими — Алоном и Эресом, которому всего 3,5 года.

— Спорт — спортом. Факирство — факирством, а кушать надо каждый день. Спорт не всегда кормит. Ремесло факира — престижно, но, вероятно, не очень денежно. Виктор, а чем вы добываете свой хлеб насущный?

— Работаю тренером. Когда-то тренировал даже сборную страны. В семье подрастают дети. Надо думать об их будущем. Открыл свое дело. Но оно ни к спорту, ни к факирству прямого отношения не имеет.

— Виктор, вы — человек масштабный, с дальним прицелом. У вас четкая жизненная позиция и ориентиры, в

том числе, и политические. Вы на протяжении ряда лет значитесь в списках центра партии «Гешер» Давида Леви. В этом плане хотелось бы спросить вас вот о чем: насколько далеко продвинулась в стране кавказская общины, представителем которой вы являетесь? Можно ли вообще говорить о таком продвижении?

— Не хочу обижать своих земляков — выходцев с Кавказа. С начала большой алии прошло 30 лет. Но похвастаться, что горские евреи за это время достигли каких-то вершин, я не могу. Нет своего депутата в кнессете. Нет работоспособного кавказского объединения, которое бы сплотило общину. Без малого 20 лет существует объединение «Итах-дут оле Кавказ», но за эти годы, к сожалению, для горской общины полезного сделано очень мало. Я думаю, что не очень много людей знают о существовании подобного объединения. А жаль.

— Говорят, что нельзя быть больше католиком, чем Папа Римский и, соответственно, больше евреем, чем Машиах. То, что есть, то — есть. Ни больше, ни меньше. Политизированность в среде горских евреев выражена довольно слабо. Это хорошо или плохо?

— С одной стороны, это — хорошо. Община не избалована изысканными «деликатесами» израильской политической кухни. С другой стороны, это — плохо. Эта инертность здорово мешает продвижению кавказцев в обществе. Горские евреи обязаны помочь самим себе, если они не равнодушны к своей судьбе и жизни.

*Виктор Рабаев
с сыном Ореном стоят
на разбитых стеклах*

— Виктор, помните, однажды всесоюзное телевидение вело репортаж из международного аэропорта Внуково? Репортер напрямую спросил у одного из молодых людей, покидающих Россию: «За чем вы едете?» Ответ был простым: «В стране, где я не могу стать президентом, мне не за чем жить». А вы хотели бы стать президентом на новой родине?

— Как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но мне и без этого живется неплохо. Слава Б-гу, есть хлеб и крыша над головой. Есть работа, семья, дети. Но если подвернется все-таки случай стать президентом, то я не откажусь.

— А теперь давайте вернемся к тому, с чего мы начали наш разговор: к теме, которая вас, Виктора Рабаева, очень сильно волнует. Вот вы хотели попасть в Книгу рекордов Гиннесса. Попали. Что вы ждете от этого: большого материального благополучия или это чисто кавказское: а чем я хуже других?

— Особых материальных благ не жду. И мне это ни к чему. Причина в другом. Я достиг совершенства и в спорте, и в ремесле быть факиром. А теперь пришло время достичь пика, юридически узаконить то, что мне дано Всевышним. И я его достиг.

Софья Якубова: жизнь во имя других

Традиционно так сложилось, что в среде горских евреев — выходцев с Кавказа было не так много женщин-горянок, значившихся звездами первой величины, будь это искусство, общественная жизнь или педагогическое поприще. И секрет вовсе не в том, что среди них не было талантливых и незаурядных людей. Все объяснялось тем, что у горянок много времени и сил отнимала семья, воспитание детей, ради которых они, горские еврейки, и приносили все остальное в жертву. Чего скрывать, было и другое обстоятельство, против которого они были бессильны. Сделать карьеру в

науке, политике или в сфере образования удавалось не каждой: всему виной была пресловутая пятая графа.

Но несмотря ни на какие преграды в силу своей одаренности и организаторских способностей удавалось все-таки пробить эту стальную стену несправедливости. Они, те немногие, пробивались к свету, как маленькие и тонкие травиночки сквозь толщу серого асфальта. Правда, их было до обидного мало.

Софья Якубова была одной из таких девушек, горской еврейкой, которой посчастливилось проявить во все полноте свои творческие возможности — и как педагога-наставника, и как отличного специалиста нефтяной отрасли. Любопытна ее биография. Она уроженка небольшого дагестанского городка Хасавюрт — когда-то в былые времена русской крепости, а в нашей, новейшей истории едва не получившего статус знаменитого. Еще не так давно у всех на слуху были соглашения, известные, как хасавюртовские — по названию города, где генерал Лебедь подписал памятный документ.

Но пути Господни неисповедимы: не думала, не гадала молодая горяночка Софья, что когда-нибудь свяжет она свою судьбу с человеком с другой «планеты», которая называлась Азербайджан. Эта «планета» ей стала родной и близкой, как и молодой горец из Баку, покоривший ее сердце.

1. Чисто мужская работа

В те далекие годы у молодых была своя необъяснимая романтика: молодые обязательно хотели стать геологами и нефтяниками. Одним словом, первопроходцами. Эта романтика захватила и Софью Якубову. Уже в замужестве она поступает в Бакинский нефтяной техникум, успешно заканчивает его. И снова рвется «в бой». На этот раз она «штурмует» Промышленную академию в том же Баку. И тот же нефтяной факультет. «Атака» горянки была успешной: Софья Якубова была зачислена и стала студенткой академии. После завершения учебы она пробует себя на самой разной

работе. Это были и чисто производственные предприятия, и всевозможные экспериментальные лаборатории. У нее был хороший багаж знаний. Софья Якубова была технологом по специальности и исследователем по призванию. Из нее мог бы получиться прекрасный ученый большого масштаба и творческого диапазона. И она мечтала о науке.

Но события и непредвиденные обстоятельства повернули судьбу этой молодой женщины на все 180 градусов.

Специализированное профтехучилище №3 числилось в списке неблагополучных коллективов: хромала дисциплина, успеваемость, было много отсева. Училище надо было передать в надежные, хозяйские руки. Это было для руководства профтехобразования республики архиважным вопросом. В столице Азербайджана Баку, да и по всему региону это было единственное учебное заведение особого профиля, которое готовило специалистов для полиграфической промышленности. И нужда в них была велика.

Софью Исаковну все же уговорили. Да и она, увидев этих бесхозных подростков, приняла это предложение с легким сердцем. В ее жизни началась новая «эпоха», новое летоисчисление и новая, безумно интересная работа. Теперь целыми днями она пропадала в училище. Дел было невпроворот. Надо завести новое оборудование для мастерских. Надо пройти по комнатам общежития. Надо по душам поговорить с ребятами...

Софья Исаковна хорошо понимала, что на этой должности можно работать по-разному: можно быть просто холодной чиновницей, строгим директором. А можно быть наставницей с материнским сердцем. Ее забота о своих воспитанниках, стремление привнести в эти каменные холодные стены училища элементарный уют, и ее долгие «исповеди» с каждым из подростков о смысле жизни и о «мелочах», которые могут поломать их судьбу, сказывались как нельзя лучшим образом. Все образовывалось, хотя и не в один день и даже не за один месяц. Были неисправимые сорванцы, которые портили кровь и нервы. Но Софья Исаковна давно уверовала, что нет в мире неисправимых. Она говорила с ними по душам, приглашала к себе домой, в семью,

устраивала культпоходы. Мало-помалу «климат» в училище теплел. Новая благоприятная атмосфера преображала ребят: они с охотой занимались, активнее участвовали в общественных делах. Об училище заговорили по всей республике. Софья Исаковна позаботилась о том, чтобы расширить круг специальностей, которые могли получить ее питомцы по завершению учебы. С приходом нового директора, как здесь иногда шутили, «Макаренко в юбке», все в училище изменилось до неузнаваемости. Оно все чаще стало попадать в список лучших спецколлективов не только Азербайджана. Училище, как передовое и образцовое учебное заведение, попадает на всесоюзную Доску Почета ВДНХ СССР.

Бакинское спецучилище №3, возглавляемое Софьей Исаковной Якубовой, становится не только кузницей высококвалифицированных специалистов нефтедобывающей промышленности и полиграфии, но и настоящей школой передового опыта, куда со всех концов республики и страны приезжали учиться руководители различных учебных центров.

Пополнение в училище приходило обычно из детдомов. Это были подростки с трудным характером, которые тяжело поддавались перевоспитанию. А Софье Исаковне удавалось найти к каждому из них свой, особый ключ. Эта сторона порой больше всего интересовала ее коллег из других городов.

Плодотворная деятельность Софьи Якубовны не осталась незамеченной: ей присваивают звание «Отличника нефтедобывающей промышленности СССР». Она — заслуженный работник профтехобразования. Ее плодотворная педагогическая деятельность была в последующие годы отмечена государственными наградами. Особенно гордилась Софья Исаковна орденом «Знак Почета». Были у нее и другие награды — медали «За оборону Кавказа», «За победу в Великой Отечественной войне».

Всех, кто знал эту обаятельную кавказскую женщину, удивляла ее высокая работоспособность. Казалось бы, у нее все время отбирает работа в училище. Все меньше времени остается на семью, детей. А тут еще надо найти это самое

время для встреч с людьми, чтобы достойно выполнять свои депутатские обязанности. Софья Исаковна была народным посланцем в районном, городском и даже в Верховном Совете Республики. И как депутат она многое сделала для тех, кто нуждался в ее помощи. Ни одно письмо, ни один запрос не оставались без внимания с ее стороны.

Она испытывала страшный дефицит времени. Ей всегда его не хватало. Но Софья Исаковна была просто волшебницей: при всей своей невообразимой занятости она обязательно находила время для «свидания» с детьми. Это общение не было поверхностным. Для каждого ребенка мама находила теплые слова любви, интересовалась, как прошел день. Иногда Софья Исаковна устраивала им кратковременные «экскурсии» в училище. Для детей это был настоящий праздник.

Прошло время. Один из сыновей — Соломон, закончив школу, поступил в Московский инженерно-промышленный институт, получил специальность технолога. Потом было второе учебное заведение — Московский институт стандартизации. И было даже третье — Ленинградский педагогический. Были ответственные должности: начальник отдела госстандартов Азербайджана, заместитель начальника трудового лагеря особого режима по воспитательной работе.

Софья Исаковна радовалась за детей — и своих, и чужих. Но горе не обошло стороной и ее: совсем неожиданно умер 17-летний сын Владимир. Сотни людей разделили в тот печальный день эту утрату матери. Это говорило о том, насколько люди уважают Софью Исаковну.

Но так устроена человеческая жизнь: боль утраты сменяется радостью и праздниками, хотя эта боль всегда остается в сердце матери. Каждое Восьмое марта квартира Софьи Исаковны напоминала цветочный магазин: было море цветов и поздравлений от бывших воспитанников и питомцев училища. Было много поздравительных писем и телеграмм. За 30 долгих лет работы у нее было великое множество воспитанников, которые теперь работали во всему Союзу. Среди них были очень именитые люди, такие как Герой Социалистического Труда Севгиль Казиева.

Софья Исаковна была счастливым человеком, женщиной невероятно интересной судьбы, которую еще при жизни воспевали в своих стихах многие поэты Азербайджана. Она страстно мечтала об Израиле, этой новой, далекой родине, даже в самые запретные времена. Но осуществить свою мечту ей не довелось. Это сделали ее дети и внуки.

25 года назад в жизни незаурядной горянки с Кавказа Софьи Якубовой произошло очень важное событие: она была представлена к высшей награде страны — званию Героя Социалистического Труда. Так был оценен ее многолетний и беззаветный труд на ниве воспитания подрастающего поколения. Но по иронии судьбы Софья Исаковна этой награды не получила. И вовсе не потому, что помешала пресловутая 5-я графа. Просто резко, в одночасье поменялось время, другими критериями стали измеряться моральные ценности. Но, к великому счастью, человеческая память не измеряется звездами, будь они даже золотыми.

Софья Якубова не получила Золотой Звезды. Но она получила нечто большее: внимание и признательность сотен и сотен подростков, для которых она была настоящей матерью, и которых вывела в большую жизнь. Многих из них сегодня судьба разбросала по всему свету. Живут они и в Израиле.

Иду на инфаркт

Виктор Кардашов — ученый, специалист в области инженерной математики, докторскую диссертацию защитил в Московском университете имени Ломоносова. В течение 30 лет работал на кафедре прикладной математики Дагестанского государственного университета. Восемь лет назад репатриировался в Израиль. И удача сопутствовала ему: он стал сотрудником отделения биомедицинской инженерии Тель-Авивского университета, где работает над программой, имеющей международное значение.

Виктор, согласись, что строки, вынесенные в заголовок интервью звучат сенсационно: математики против... инфарктов, математики, которые заняты проблемами сердца.

— Речь, конечно, не идет о той математике, с азами которой начинает знакомство любой первоклашка. Но это и не высшая математика, а некое математическое моделиро-

вание, то есть область математики, именуемая прикладной. В природе и в науке вообще существуют различные математические модели, конкретнее величины, с помощью которых можно решать вполне конкретные задачи в различных областях. Речь идет о той, или иной математической транскрипции, математическом ключе для разгадки многих, еще до сих пор неизвестных явлений. И в частности, это касается острых инфарктов миокарда, ишемических «потрясений» и всего, что касается вопросов кардиологии. Любопытен сам факт: не хирург, не кардиолог занимается проблемой человеческого «мотора» — сердца, а ученый-математик. Вот в этой связи и само понятие «биомедицинская инженерия» приобретает некий особый оттенок.

— Немного, пожалуйста, о работе вашей научной группы?

— Биомедицинская инженерия — молодая и современная отрасль науки. Это своего рода синтез многих наук и область, работающая на многие науки. Возглавляет наше отделение профессор Шмуэль Эйнав. Он — известный специалист в области моделирования кровообращения и сердечной деятельности.

Над чем сегодня работает наша группа, в том числе и я? Это проблемы глобального масштаба — вопросы сейсмопрогноза, который для Израиля имеет колоссальное значение, как для сейсмически активного региона. Не так давно жители страны уже имели возможность такого не очень приятного явления. К счастью, ни разрушений, ни жертв не было. Но стихия — есть стихия. И толчки могут повториться в любое время. Поэтому своевременный прогноз имеет колоссальное значение, чтобы избежать трагедий. Над такой проблемой группа и работает. Но деятельность ее не ограничивается только рамками сейсмопрогноза. Это только малая часть работы. В основном, деятельность группы сводится к прогнозированию геодинамических явлений: магнитных бурь и хамсинов.

Кстати, последнее тоже имеет для Израиля далеко не второстепенное значение, ибо такое в стране случается довольно часто. Эти явления сопряжены с непредсказуемыми

последствиями, и, в первую очередь, с проблемой здоровья тысяч людей.

По утверждению многих ученых и профессора Михаила Финкельштейна — ученого-репатрианта, геодинамические явления напрямую связаны с количеством инсультов и острых инфарктов.

— То, о чем ты рассказываешь, чрезвычайно интересно и любопытно. Это чисто израильский проект или разрабатывается в содружестве с другими научными центрами?

— Это чисто израильская программа, а точнее изыскания нашего отделения биомедицинской инженерии. Но с научными центрами России мы ведем сейчас интенсивные переговоры по вопросу совместной работы в родственных нам областях. Это, в основном, касается партнерства с научно-исследовательским институтом радиоэлектроники, который возглавляет академик Гуляев. Он — автор уникального прибора в области магнитодиагностики. Прибор не имеет аналогов в мировой практике и может быть использован для исследования жизнедеятельности человеческого мозга и сердца. На этой основе идет интенсивная работа по созданию совместных российско-израильских проектов.

— А каков будет практический результат этого содружества?

— Повторюсь и скажу, что академик Гуляев, разработавший одну из самых современных диагностических систем, основанных на регистрации слабых магнитных биополей и возглавляющий научно-исследовательский институт радиоэлектроники, не возражает против такого партнерства. Совместными усилиями мы можем дать путевку в жизнь этим системам. Главная цель этих разработок — внедрение их в клиническую практику в мировом масштабе.

А самое важное в этом партнерстве — взаимовыгодность. Так что речь идет о взаимовыгодных поставках медицинской аппаратуры на мировой рынок.

Но, к сожалению, подтвержденные проекты пока осуществить не удастся, из-за отсутствия средств.

— Обращались ли вы в соответствующие ведомства, организации за помощью финансирования?

— В научной группе много интересных людей, настоящих подвижников науки. Их активности можно просто позавидовать. Среди них доктор физико-математических наук Михаил Финкельштейн, председатель экспертного совета тельавивской ассоциации ученых Юрий Колодный, профессора Изик Чайковский и Леонид Альперович. Уже подготовлен документ на представление правительству.

— Понятно, что как ученый ты задействован в специальную научную программу. А на чем ты специализируешься вообще?

— Область моей научной деятельности — прикладная математика, а точнее — нелинейные волны. Все мы живем в мире нелинейных волн, начиная от восприятия звуков и цветов, и, кончая сердечной деятельностью. Это сложнейшие биоритмы и процессы саморегуляции, присущие нашему организму. В последнее время я занимаюсь «уединенными волнами» — солитонами. Это новое слово в мировой науке. Работа связана с разработкой новых видов солитонов и дальнейшее их применением для улучшения характеристик сердечной деятельности и кровообращения.

— Что ты можешь рассказать о последних новинках, разработанных вашей группой?

— Сегодня есть несколько разработок, но они пока существуют в единичных экземплярах — образцах. Одно из них — «браслет». Он надевается на руку, и с его помощью можно не только измерять артериальное давление, но и привести его в нормальное состояние, будь оно повышенным или пониженным. Второе — «пояс». Человек не всегда чувствует себя в хорошей спортивной форме. Порой чувствует вялость и недомогание. Пояс, как аккумулятор, дает человеку подпитку, подзаряжает его надлежащим тонусом. По ориентировочным ценам изделия доступны каждому потребителю, что очень важно. Но когда они появятся в продаже, неизвестно, опять проблема все в тех же средствах.

— Что ты можешь рассказать про научную жизнь в Израиле, хотя бы вкратце?

— Наука в Израиле живет и существует по законам Запада, то есть работает на «заказ». Есть заказы срочные, есть обычные.

— Получается, что научная работа в Израиле — это нечто нестабильное, разовое?

— Я — реалист. Конечно я нацелен на творческую, интересную работу, которой я занят сегодня. И дай Бог, чтобы она у меня была и завтра. Это самое большое, о чем я могу мечтать.

Хизгил Авшалумов: еврей, который отверг Израиль

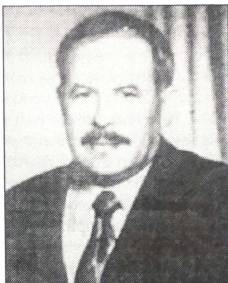
Совсем недавно из столицы Республики Дагестан — города Махачкалы — пришло печальное известие: умер заслуженный деятель культуры России, известный прозаик, народный писатель Хизгил Авшулумов.

С его именем связан расцвет довоенной и послевоенной горско-еврейской (татской) профессиональной литературы, который вкупе с другими одаренными самородками, такими, как Миши Бахшиев, Даниил Атнилов, Манувах Дадашев, Сергей Изгияев и большой плеядой разноликой пишущей братии, выдал «на гора» целый ряд интересных произведений, заслуженно привлечших внимание всесоюзного читателя.

1. «Отец» Шими Дербенди

Особой популярностью он обязан своими юмористическими рассказами о хитроумном Шими-Дербенди, в которых искрился неиссякаемый народный юмор. Эти небольшие рассказы писатель, живший в гуще народа, как бы выхватывал на лету из самой жизни, талантливо шлифуя все услышанное и увиденное своим мастерским пером. Именно эти короткие новеллы, замешанные на юмористическом «соусе» сделали Хизгила Авшалумова необычайно популярным писателем. Он не был первооткрывателем этого своеобразного жанра, но талант и умение красиво и с особым тактом смеяться над нашими собственными слабостями, делали его чем-то похожим на кавказского Чехова. Если его коллега по литературному цеху писатель-фронтовик Миши Бахшиев обращался к объемной прозе — романам и повестям, то Хизгил Авшалумов, напротив, предпочитал короткие рассказы, которые всегда отличались легкостью языка, начиненные

народными изречениями, поговорками и пословицами, а еще замечательным знанием жизни. Ко всему этому надо добавить необычность сюжетных поворотов и правдивость в показе национальной манеры и ментальности. Именно в силу всего этого литературный персонаж Шими Дербенди вошел в повседневную жизнь на полном статусе гражданства. Шими Дербенди стал любимым героем тысяч почитателей таланта народного писателя Хизгила Авшалумова. Он стал таким же популярным на Кавказе, как, скажем, Ходжа Насреддин в Средней Азии.

Хизгил Авшалумов

1. Не сотвори себе кумира

Выходили книги, появлялись подборки рассказов в местных и даже центральных журналах. И было признание.

Но, увы, ничто не вечно под луной. Настали горбачевские времена. Пала не только Берлинская стена. Родилась новая эпоха — эпоха репатриации: земляки и соплеменники, страстные поклонники Шими Дербенди стали потихонечку отчаливать на родину предков — в еврейский Израиль. То, что несказанно радовало других, — открытие дороги на святой Иерусалим, очень огорчило Хизгила Авшалумова. Его можно было понять: уезжали его почитатели. А что писатель без них? Это полководец без армии, без солдат. Для кого писать? Уходила почва из-под ног...

И тогда он сознательно пошел «ва-банк», предприняв массированную идеологическую атаку, целью которой было во что бы то ни стало остановить этот выезд соплеменников в Израиль. В своих публичных выступлениях он стал открыто заявлять, что горские евреи — это вовсе не «мои-

сеево племя», а самые что ни на есть настоящие таты, исповедующие иудаизм.

Почему же известный писатель со стажем и активный общественный деятель пустился в такую большую ложь? Зачем он, Хизгил Авшалумов, взял на себя такой тяжкий грех, как убийство целого народа, утверждая, что горских евреев вообще не существует в природе? Но прежде чем утверждать или отрицать это, необходимо совершить небольшой экскурс в ... историю.

Итак, по Авшалумову, нет горских евреев. Есть таты. А что говорит история? Она говорит совершенно обратное. «Тат» — слово тюркоязычного происхождения. Известно, что тюркские завоеватели, делавшие набеги и на Кавказе, обозначили этим словом плененных ими людей. «Тат» — это раб. Известно, что еще до революции 1917 г. и вплоть до самого 1940 года горские евреи проходили под своим подлинным именем. А в самой общине они были обозначены одним коротким словом «иври» или «джугъуро». «Первые сведения об этом народе упоминаются в античных и средневековых персидско-арабских источниках. В какой-то мере история этого уникального этноса связана и с хазарами.

Писатель Хизгил Авшалумов (справа) и сказитель Эмин Дадашев

И, как образованный человек и писатель, Хизгил Авшалумов, конечно, хорошо знал историю своего народа. Но, как утопающий хватается за соломинку, так и он, ухватился за ложь во спасение. Он писал на родном языке. Люди уезжали. Тотальный отъезд лишил его востребованности: он оставался уже не писателем, а экзотической фигурой и музейным экспонатом. И хотя писатель знал, что этот «железный» поток не удержать никакими доводами, он с завидной настойчивостью продолжал доказывать свое. Он неистово атакует все и вся. «Атакуют» даже Академию наук России и научно-исследовательский Институт Этнографии. И некоторые ученые мужи не устояли перед его натиском. На милость победителю сдалась такая большая величина науки, как всемирно известный академик Ю. В. Бромлей, возглавлявший одно время Институт этнографии Академии наук. В свое время в своих научных трудах он утверждал и на основе капитальных исследований доказал, что горские евреи и таты — это одно и то же — один народ, один язык. Авшалумов, что называется, заставил его отказаться от своих прежних убеждений.

Но академик Бромлей не был тем единственным человеком из ученых мужей, которые пошли на попятную. Среди таковых оказался и талантливый специалист по языкознанию С. И. Брук. И именно в это же время из Большой Советской Энциклопедии была изъята статья о горских евреях, как о самостоятельной народности.

Звоня во все колокола, будя живых и мертвых, правдами и неправдами Хизгил Авшалумов добивался одного: остановить скоростной бег горских евреев на обетованную землю. Но сам народ быстро «раскусил» эти хитрые комбинации. Он не принял этого нигилизма. А увещевания автора новелл и рассказов о хитро-мудром Шими Дербенди оказались гласом вопиющего в пустыне.

И тем не менее, псевдотеоретик Хизгил Авшалумов сумел на какое-то время извратить в обществе понятие о горских евреях и внести «смуту» в вопросе об их принадлежности.

Человек — удивительное существо: быстро, в зависимости от обстоятельств, меняет «лицо» и убеждения. С точки

зрения нравственности морали, писатель-стихотворец Авшалумов нанес своим сородичам предательский удар в спину. Но мораль, как и политика, двулика. А поскольку писатель проповедовал чистую политику, его понять можно. Но, как говорится, все познается в сравнении. Еще до Великой Отечественной Хизгил Авшалумов, оказывается, считал себя все-таки горским евреем. И между «татами» и собой тоже разницы не видел. Об этом свидетельствует труд писателя тех лет под символическим названием «Татский фольклор горских евреев». Наверное, с годами приглушается не только перо, но и память.

Всегда тяжело услышать или прочесть печальную весть о чьей-то кончине, тем более, кончине большого таланта.

Хизгил Авшалумов — глубоко противоречивая фигура. Родом из бедноты, крестьянин, пахарь, он рано пристрастился к литературе, к фольклорному наследию горских евреев. Он был самобытен. Каждая встреча с ним духовно обогащала человека. И при этом он оставался закрытым и даже недоступным. Но даже при этом, особом качестве характера Хизгил Давидович легко сближался с людьми и был довольно коммуникабельной личностью.

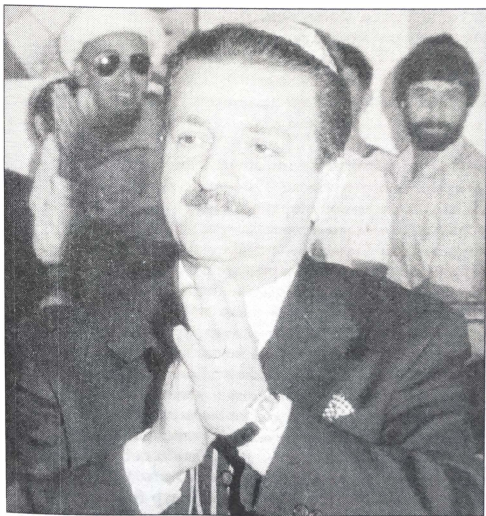
В своих газетных публикациях и выступлениях по радио и на телевидении он осуждал земляков за это «бегство» — репатриацию, за исход на новую родину. А близко знавшие его люди рассказывают, что он страдал от этого. Он говорил, что этот исход приведет к исчезновению кавказской общины с демографической карты мира. Он очень боялся «плавильного котла», который смешает все в непонятное месиво: исчезнет язык, ментальность, обычаи, традиции и, наконец, сам народ.

Не случайно говорят, что нет пророка в своем Отечестве. Хизгил Авшалумов в какой-то мере им стал: жизнь общины горских евреев в Израиле — этому подтверждение.

Телман Исмаилов: милосердный человек из кавказского дома

*«Соверши это ради своего имени, соверши это ради своей десницы,
соверши это ради своей Торы, соверши это ради своей святости».*

(Махзор. Сборник молитв)

Телман Исмаилов

В последние 30 лет горские евреи волею судьбы оказались гражданами Всей планеты. Они сегодня живут на своей исторической родине — в Израиле и в далекой Америке, России, Канаде, Германии и даже в Австралии. Новые времена принесли с собой и новые ветры перемен.

Но на каком бы континенте Земли не жили бы сегодня выходцы с Кавказа, каждый из них хорошо знает имя своего сородича, Телмана Исмаилова.

Он родился 26 октября 1956 года. В родительской семье кроме Телмана воспитывались еще одиннадцать детей. И каждый из них вырос настоящим человеком. Любовь к ближнему стала девизом их жизни. Этой особой науке — науке человеколюбия, они обязаны своему отцу и своему первому учителю в жизни Мардану бен Даниилу — уроженному еврейского местечка Гяфтаран, расположенного вблизи Геокчая. В далеком 1928-м Мардан, 22-летний кавказец, полный надежд и желания обустроить свою жизнь, окончательно переезжает в Геокчай, где и живет до самого 1957 года.

С этого времени начинается новый этап в жизни этого замечательного человека. Отныне солнечный Баку становится родным домом Мардаңа бен Данила. Добрый от природы, он никогда не оставлял людей, попавших в беду. «Чужого горя не бывает», — частенько говорил он, когда по случаю собирались у него родные и близкие, как бы настраивая их на волну милосердия и доброты.

Такой же отзывчивой была и его верная спутница жизни — жена Пери бат Михал, сумевшая дать тепло своего материнского сердца не только своим детям. В ее гостеприимном и хлебосольном доме находили приют и ласку совершенно чужие дети и даже взрослые женщины, к которым судьба была не так милостива. Пери, как истинная спасительница, выручала их, давала мудрые советы и помогала выстоять. В память о ее незабываемой доброте и отзывчивом сердце, в память о милосердной маме Телман Марданович издал Сидур (сборник еврейских молитв) «Борух Мэрдэхай», который вышел в Москве в 2002 году.

Синагога «Барух Мордехай» в Акко

Шесть лет назад, в 1997 г. в одном из «олимовских» городов — Акко — состоялось знаменательное событие: открытие кавказской синагоги «Борух Мордэхай», на котором присутствовал главный сефардский раввин Бахши Дорон. И каждый год 26 октября в этой синагоге, ставшей особым центром духовной жизни выходцев с Кавказа, проходят поминальные молитвы и памятные встречи соплеменников со своим именитым сородичем — Телманом Мардановичем Исмаиловым. И хотя он очень занятой человек, тем не менее всегда выкраивает время для встреч с земляками, а еще больше для того, чтобы оказать помощь многодетным и малообеспеченным людям. Этот вопрос всегда в поле зрения Телмана бен Мардана.

Милосердие и статистика — вещи несовместимые. И все-таки, в порядке информации, назовем одну-две цифры. Только за один год (2001-2002) Телманом оказана материальная помощь в сумме 1 млн шекелей. Речь, конечно, об

Израиле. А за 5 лет (1997-2002) на эти же благотворительные цели им было выделено свыше 10 млн шекелей.

Президент фирмы «АСТ», приобретшей за последние годы высокий международный рейтинг, Телман Марданович проводит большую общественную работу в самом центре России — Москве, где он живет с 80-х годов.

В эпицентре его постоянных контактов такие известные люди, как главный раввин еврейской общины Берл Лазар, популярный певец и Герой России Иосиф Кобзон, известный режиссер Марк Захаров.

Телман бен Мардан — не только преуспевающий предприниматель и общественный деятель, но и необыкновенный семьянин и любящий отец. У него два прекрасных мальчика — сыновья Алик и Сархан, которым еще предстоит выйти на большую дорогу жизни, чтобы высоко нести марку фамильного дома.

«Я — бард»

Есть люди с магнетическим обаянием. Пообщаешься с таким буквально несколько минут — и уже испытываешь настоящий восторг от беседы. Шаин Ибрагимов именно такой человек. Бог дал ему много талантов — он певец, композитор и стихи для своих песен сам пишет. Сегодня он гость нашей рубрики. И хотя на Кавказе имя у гостя спрашивают лишь на третий день, нарушим эту традицию и сразу представим человека, которого, впрочем и представлять не надо, поскольку имя его хорошо известно и в стране исхода, и в общине горских евреев Израиля.

Итак, Шаин Ибрагимов — уроженец древнего еврейского поселения Гокчай (Ширванский район Азербайджана), потомок известных хазанов.

— Шаин, уже здесь, в Израиле, один известный композитор признался мне, что в трудных жизненных ситуациях его спасает музыка. Этот человек прожил долгую жизнь. А вы, Шаин, молоды, и жизнь, кажется, была к вам благосклонна, невзгоды, по-моему, обошли вас стороной. Конечно, у каждого свои трудности. Но все-таки, скажите, что для вас музыка, песня? То главное, что помогает вам жить, или просто приятное занятие?

— Вы, журналисты, любите задавать вопросы, на которые не может быть однозначных ответов. И приходится, чтобы ответить, рассуждать о прописных истинах. Жизнь не определяется количеством прожитых лет. Она определяется смыслом, целью. Есть цель — есть смысл в твоей жизни. Нет цели — пустота, сжигание бессмысленных лет.

У меня цель есть: я честно служу, по крайней мере стараюсь служить Музыке, Песне. Напишите эти слова в интервью с заглавной буквы. Спасали ли они меня? Да — во время войны в Нагорном Карабахе и в первые годы после репатриации, когда каждый задает себе вопрос: «Правильно ли я поступил? Не испортил ли жизнь себе и своим близким?»

— Часто люди искусства, рассказывая о себе, утверждают, что дело их жизни было предопределено чуть ли не с младенческого возраста. А как у вас с этим? Когда запели, когда поняли, что песня — это ваше дело?

— Так или иначе поет каждый ребенок. А по-настоящему со мной это случилось, когда мне было 14 лет. Я спел песню на дне рождения товарища. Всем понравилось. И я серьезно задумался. Потом были уроки вокала в районном Доме культуры. Была служба в армии и активное участие в армейском ансамбле. В 80-е годы моя творческая жизнь была связана с Баку. Много приходилось петь на различных мероприятиях Той-ханы (Дома торжеств). Особенно часто просили исполнить мугамь!. А этот жанр азербайджанской песни требует виртуозного владения певческой техникой.

— Вы состоялись как профессионал в стране исхода или уже здесь, в Израиле?

— В Азербайджане. И обязан этому народному артисту республики Исламу Рзаеву. Он был моим наставником. Благодаря ему и еще замечательному певцу Сабиру Мирзоеву я стал заметным исполнителем мугамов. Еще моему становлению способствовало то, что десять лет назад в Баку открылся еврейский театр «Шалом алейхем». Именно на его сцене я исполнял песни горских евреев. Это было так необычно — еврейские песни звучали с профессиональной сцены...

— Для каждого репатрианта приезд на родину предков — важное событие, веха в жизни. Вы помните этот день? Как он обозначен в вашем семейном календаре?

— 17 января 1991 года. В этот день я ступил на землю Израиля. Воистину неисповедимы пути Господни. Я уезжал от одной войны, карабахской, а приехав, сразу попал на другую войну — под иракские обстрелы.

— Творчество — это всегда открытие, творческий человек — первопроходец. Какие жанры в музыке вы открывали для себя, какие стали вашими?

— Люблю сочную восточную музыку. «Первопроходец»... в этом слове что-то есть. Но, с другой стороны, смешно валить вековые деревья маленьким туристским топориком. Искусство не терпит фальши. Нельзя опускаться до кустарщины, если хочешь по-настоящему что-то сделать в музыке. Не люблю подражаний, перепевов. У горских евреев богатая песенная традиция, уходящая корнями в глубь веков.

— Вы эстрадный певец или ваш диапазон более широкий?

— Можно сказать, что я певец эстрадный. Но мой репертуар включает в себя и неэстрадные произведения. Легкая лирическая песенка, это понятно — эстрада. А считать или нет эстрадой мугамы, которые я пою? С одной стороны — песня, с другой — самый сложный вокальный жанр.

— Что вы успели сделать в стране исхода?

— В Баку успел выпустить две кассеты с записями песен на горско-еврейском языке — свыше двадцати песен. О своей работе в еврейском театре я уже говорил, но этот театр перестал существовать во время войны в Нагорном Карабахе. Некоторое время работал в Бакинской филармонии.

— О вас иногда говорят, что вы живете в трех измерениях — музыка, стихи, исполнение песен. Это как три жены. Всех любите одинаково? Или есть самая любимая?

— Все одинаково дороги. Скоро выходит в свет мой новый альбом — 12 песен. Одновременно подготовил к печати сборник стихов — избранное. Что из этого дороже? Такие вопросы нельзя задавать, как нельзя спрашивать отца, кого из детей он любит больше.

— Кстати, о детях...

— У меня две дочери. Старшая, Шели, — студентка Бар-Иланского университета, младшая, Чилета, — школьница. Жена Яффа работает в одной из престижных фирм.

— Шаин, то, что вы делаете в последнее время, дает основание называть вас бардом. Правда, сегодня этот жанр все больше уходит в прошлое. Имена Окуджавы и Высоцкого вспоминают лишь по юбилейным датам. Как вы сами определяете себя — бард или просто исполнитель?

— Я — бард. А что касается моды, никогда не гнался за ней. И не согласен, что авторская песня осталась в прошлом. Хорошая песня, в каком бы жанре она ни была написана, живет очень долго.

— Скажи мне, кто твой друг... Назовите своих друзей, коллег, здешних и тамошних.

— Тельман Исмаилов — председатель российской общины сефардов — выходцев с Кавказа, Р. Бронфман и другие.

Еврейская судьба Шаина Геокчайлы

Еврейская судьба всегда непредсказуема. Сотни веков, тысячи лет жили горские евреи — выходцы с Кавказа в древней Кубе и Баку, Хочмасае и Варташене. Сотни веков, год за годом и день за днем они сеяли и пахали, выращивали сады и растили детей. Сотни лет они жили среди других народов, порой в очень трудных условиях, но всегда были верны себе, заветам далеких предков: они сохранили в чистоте свое еврейство, свои обычаи и традиции.

Две большие алии сделали горских евреев гражданами планеты всей. Началась репатриация. Кто уехал в Америку, кто вернулся на историческую родину — в Израиль. Кто приехал сюда 30 лет назад, кто десять, а кто совсем недавно.

Среди новых «олим» с Кавказа строители, инженеры, врачи, учителя и, конечно, музыканты и поэты. Среди них много интересных творческих людей. Шаин Геокчайлы — из поколения послевоенного «племени». Ему сегодня всего сорок пять. Он — поэт и музыкант и певец в одном лице, или, как принято говорить сегодня, Шаин — бард. Он «рождает» стихи, пишет музыку на собственные тексты... и сам же исполняет эти песни. За годы жизни в Израиле он выступал на многочисленных концертах в самых различных городах.

К слову сказать, Шаин пишет на двух языках — горско-еврейском и азербайджанском, который для него, как и для многих его земляков, является вторым родным языком.

Темы его стихов и песен — еврейская судьба, любовь к родине и женщине, созвучен этой тематике и новый цикл его стихов, посвященных легендарным соплеменникам, таким, как Мардан Бен Дониаль, Телман, героически погибший на земле Карабаха молодой солдат Альберт.

На могиле Назыма Хикмета. Москва, декабрь 1998 года

Совсем недавно Шаин выпустил диск, в котором записано 12 новых песен на горско-еврейском и азербайджанском языках. Это его первая музыкально-песенная премьера такого рода.

Это восхождение талантливого барда было бы невозможно без постоянной помощи и внимания со стороны известного общественного деятеля и мецената, большого знатока еврейской истории и влиятельного человека в современном обществе Телмана Мардановича Исмаилова. Шаин — не единственный человек, которому он протягивал руку помощи. Эту помощь постоянно ощущает каждый горский еврей с Кавказа, где бы он ни жил сегодня, — на каком бы конце земли не находился. Синагога «Барух Мордехай», возведенная в Акко, — один из его благотворительных актов. Она возведена в честь его отца Мардана Бен Дониля, от которого милосердие перешло к сыну Телману по наследству, по генам.

Но вернемся снова к разговору о барде Шаине. Совсем недавно он издал свой первый поэтический сборник. Это

философский диалог поэта с самим собой и современниками. Дебют удался, хотя это еще проба сил. Среди стихов есть хорошие. Есть чуточку послабее. Но у них есть одно достоинство: они написаны от души, от всего сердца. И поэтому достойны внимания.

Вот одно из них, посвященное Альберту Агарунову, героически погибшему в Нагорном Карабахе:

*У пули нет ни совести, ни чести,
А на войне всегда, как на войне.
Я потрясен от этой страшной вести,
Альберт, мой милый, очень плохо мне.*

*Играет смерть
Печальна эта тризна.
Ушел от нас от всех во цвете лет,
Так не познав ни сладость этой жизни,
Ни радости, ни мудрости секрет.*

*И эта боль всегда, навечно с нами,
И ты навеки тоже молодой.
Ведешь всех нас, как боевое знамя,
Но ты, Альберт всегда для нас живой.*

Симха Давыдов: время идти на пулемёт

Хадера, как иногда говорят люди из «кавказской» общины, — это израильский Дербент. И то правда: пройдите по улицам этого города, зайдите на местный рынок, задержитесь, чтобы послушать, о чем говорят на «пяточке» — оживленной площади — и вы поймете, что ассоциация эта родилась не случайно. Слышны вокруг певучий говор и эмоциональные диалоги. В группах горячо спорящих людей легко угадываются «граждане кавказской национальности». А если вам захочется найти центр этого «кавказского» царства, или его нерв, разыщите лишь одного человека — Симху Давыдова. Впрочем, долго искать не придется — его отлично знает весь город.

Симха Давыдов — уроженец древнего Дербента, репатриант первой волны, человек добродушный и общительный. Есть такой тип людей, чувствующих чужую боль острее собственной. К таким тянутся, идут к ним за поддержкой в трудную минуту, зовут разделить радость. Но одного только отзывчивого характера мало. Нужны еще и дела.

Место встречи изменить нельзя

А место это известно в Хадере почти каждому. Особенно если этот каждый когда-то жил в Дербенте, Махачкале или Изберге. То есть — горским евреям. Раньше шли в ирию, где работал Симха, а по вечерам — в «кавказский» клуб, где «вторая смена» Давыдова зачастую продолжалась почти до ночи. Уйти пораньше не получалось, хотя устал, хотя дома семья заждалась, хотя своих проблем накопилось...

Симха внимательно выслушивал земляков и писал заявления, обращался от имени пострадавших в правительственные учреждения, порой даже наживал себе врагов из-за

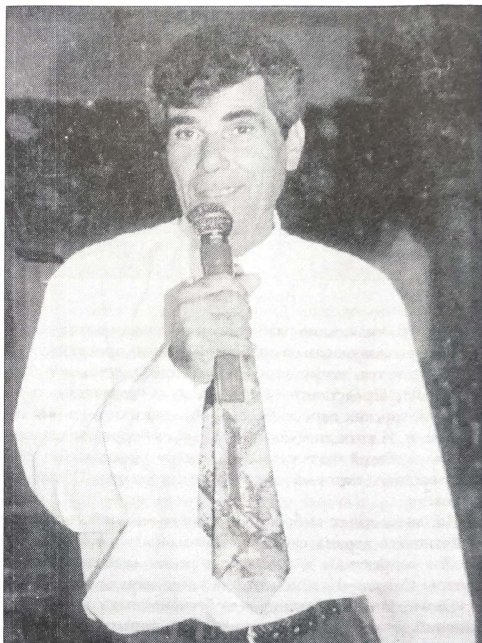
«чрезмерной активности». Но его вечерние бдения не пропадали бесследно. Симха умеет выжимать из чиновников положенное — недоданные гроши и украденные льготы, право на работу и просто справедливость.

Непростое время

За последние год-два жизнь в Хадере, которая и раньше-то сладкой не была, стала заметно тяжелее. У многих нет постоянной работы, прорехи в семейном бюджете делаются все больше. Все заметнее становится проблема отцов и детей. И вновь причина — худеющий кошелек. Старшие в поисках работы колятся чуть ли не по всей стране. А младшие, оставшись без надзора, пропускают занятия, связываются с «плохой компанией». Начались отсевы из школ, упал и без того невысокий процент получения «багрута». Все эти проблемы не новы, они сопутствуют большинству репатриантов в нелегкое время абсорбции. Но в последнее время из-за кризиса, в который все глубже погружается страна, проблемы обострились. Появилась какая-то безнадежность...

* * *

Каждый раз накануне очередных досрочных выборов в «кавказской» общине наблюдается некоторое оживление. Как чертики из табакерки, возникают неведомо откуда партийные зазывалы, обещают золотые горы — только отдайте им свои голоса. Потом пропагандистская шумиха спадает, проблемы остаются, а вчерашние «лучшие друзья» снисходительно похлопывают по плечу и проникновенными голосами говорят: «Все будет хорошо, савланут, друзья, савланут...» Выборы приходили и уходили. «Кавказцы» все ждали у моря погоды. Впрочем, на последних, январских выборах и того обычного оживления не наблюдалось: устали люди. Да и к тому же многие начали понимать, что большинство их проблем надо решать не на высоком парла-

ментском уровне, а здесь, в городе. Нужны свои представители в муниципальном совете. Нужны, но как их провести, если городская община горских евреев разделена на противоборствующие группировки. И никто не хочет научиться слушать и слышать соседа. Каждый видит именно себя самым достойным. Как в той дагестанской поговорке: Ты — князь, я — князь, а кто лошадям сена даст?»

Среди детворы

Вот эти «княжеские разборки» и не давали возможности хадерским «кавказцам» выработать единую программу.

Но, кажется, этому внутреннему противостоянию пришел конец. Представители различных общественных организаций горских евреев Хадеры объединились во имя общей цели. И хотя до муниципальных выборов еще далеко, появился общий «кавказский» список из одиннадцати человек, возглавил который, как вы уже догадались, Симха Давыдов.

Да, до местных выборов еще много месяцев, и быстро меняющаяся израильская действительность вполне может внести коррективы в планы хадерских «кавказцев». Вот мнение Симхи: «Наконец-то в общине начали намечаться положительные тенденции — от бесконечных споров и выяснений отношений люди переходят к попыткам демократическим путем решать насущные проблемы. Объединившись вокруг общей идеи, активисты общины стали и более грамотно заниматься текущими делами. И общинный центр горских евреев в городе стал работать не от случая к случаю, а на постоянной основе. Каждую среду собираются лидеры, обсуждают, что на сегодня является самым важным, самым неотложным. И как-то само собой стало находиться время для учащихся школ, которых надо «вытянуть

на багрут». Под постоянную опеку попали и люди, живущие на пособие от «Битуах леуми». Разработали проекты, как ориентировать молодежь на поступление в высшие учебные заведения, как сохранить традиции общины. Например, не принято у «кавказцев», чтобы женщина брала в руки оружие. Так почему бы вместо армейской службы не назначить девушкам проходить альтернативную — в больницах, детских садах, школах? Кстати, почти все эти проекты разработаны при помощи организации «Свет молодежи» — специального американо-израильского фонда.

Возьмемся за руки, друзья

Эти встречи в Хадере называют «выездными сессиями» (осталось выражение от советского прошлого). Общинный центр постепенно стал курировать жизнь горских евреев не только в масштабах города, но в конкретных его районах. Гиват-Ольга, Бейт-Элиэзер, шикун Тазит, Йосеф Таль, шикун РАМБАМ — стараются охватить всех. К тому же такие встречи, говорит Симха Давыдов, позволяют составить очень четкое представление о конкретной ситуации в каждой части города, о специфике того или иного района. Есть у этих «выездных сессий» еще одна задача с дальним прицелом — поднять имидж «кавказской» общины. Не секрет, что в настоящее время он оставляет желать лучшего. Как это нередко бывает, по отдельным ЧП судят обо всех. К тому же местная пресса любит описывать неприятные случаи, делая упор на этническое происхождение «героев». Вот и получаются «русские» пьяницы, «кавказские» хулиганы, «бухарские» крохоборы, да мало ли кличек приклеивали нам всем за эти годы... На таких встречах и рождается общими усилиями направление совместных действий, имеющих целью показать израильскому обществу подлинный облик общины.

А этот облик достаточно ярок. Тот же Симха Давыдов — творческий человек. Уже в пятнадцатилетнем возрасте он руководил танцевальным коллективом при Дворце культу-

ры железнодорожников в Дербенте. А через пару лет его пригласил в свой легендарный ансамбль «Лезгинка» народный артист СССР Танхо Изра-илов. Вот уже много лет здесь, в Израиле, Симха обучает искусству танца молодежь. И сейчас работает над проектами создания новых ансамблей. Это нормально — про детей из семей горских евреев говорят: он раньше научился танцевать, а потом уже ходить.

Конечно, общественные заботы не дают Симхе возможности полностью отдаться любимому делу. Но он считает, что объединение общины сегодня важнее. И правда, пример Хадеры уже начал заразительно действовать на соплеменников из других «кавказских» городов Израиля.

Алексей Якубов: поэт, который познал «вышку», и о терроре, который опаснее арабского

*Я был добрее и честнее тех,
Которые меня судили строго.
Но если слабость к женщинам не грех,
То, значит, рай мне уготован Богом.*

*Мы говорим, что нас не любят гои,
И проклинаям антисемитизм.
Я думаю, страшнее здесь другое:
Когда еврей еврея травит жизнь.*

Алексей Якубов

В среде горских евреев немало интересных людей, настоящих самородков, биография которых — это своеобразный учебник жизни. Среди таких интересных людей по праву значится и Алексей Якубов из Дагестана, живущий ныне на новой, еврейской родине. Он и делится своими раздумьями о жизни своих земляков.

— Алексей, вы — поэт, член союза русскоязычных писателей Израиля. Литературное творчество сопровождает вас всю сознательную жизнь — или вы стали заниматься этим «грешным» делом уже здесь, в Израиле? И еще. Было ли в этой вашей жизни дело главнее писания стихов?

— Главнее, может быть, и не было. Литературу я любил всегда. Точнее, занятие литературой, которому отдано без малого 40 лет жизни. Но литература — не то занятие, которое может прокормить, тем более, когда надо поднять на ноги семерых детей. Поэтому хлеб мне давала другая работа, абсолютно не связанная с творчеством.

— Алексей, где вы издавались?

— До моей репатриации — в Москве, в издательстве «Молодая гвардия». Было множество различных публикаций в периодической печати. Несколько лет назад в Тель-Авиве вышла новая книга моих стихов под не совсем обычным названием — «Крик души». Это стихотворный монолог поэта о не очень симпатичных превращениях в нашей суетной жизни:

*Счастливых в мире редко ты найдешь,
У каждого в душе своя тревога, —
И жизнь теперь не ставится и в грош, —
Зато валюта ходит в ранге Бога.*

— Вы — человек по-хорошему беспокойный. И совсем не равнодушны к происходящему в мире, вокруг вас. А когда по-настоящему вы, Алексей, ощутили это беспокойство и это неравнодушие?

— В первый раз — очень давно. Мне было всего 12, когда шел первый год Великой Отечественной. Помню, как пришел в военкомат, попросил, чтобы меня провели к военному комиссару. И уже там, в его кабинете, объяснил, что хочу добровольцем отправиться на фронт.

Во второй раз это потрясение я испытал несколько лет назад, будучи очень взрослым человеком и познавшим все прелести и огорчения в жизни. Судьба так распорядилась, что надо было начинать все с нуля, оставив всё нажитое, дом, в котором родился, дорогие сердцу могилы.

Не надо объяснять, что такое олимовская жизнь, особенно когда ты уже в пожилом возрасте. Теперь я могу сожалеть только об одном. О том, что не довелось приехать раньше, чтоб сделать новой родине что-то полезное.

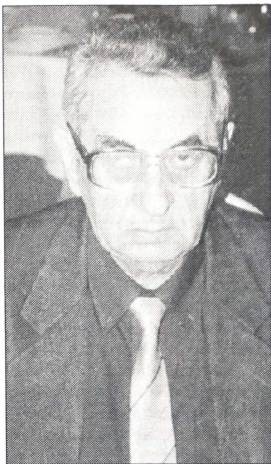
А вот в третий раз это потрясение я испытал, несколько месяцев назад, когда взял в руки специальное издание объединения кавказских евреев, посвященное предстоящим выборам. Я — горский еврей. Из Махачкалы (столица Дагестана), на земле которого, среди других многочисленных народов, веками жили в мире и согласии и мои сопле-

менники. Мечтая об исторической родине, они, тем не менее, во всех поколениях оставались благодарными земле Исхода и ее людям: активно участвовали в общественной жизни, были в первых рядах защитников в войне против нацизма и гитлеровских оккупантов, испытав наравне со всеми все тяготы и лишения, были достойными гражданами Отечества.

И вот волею судьбы приехали на свою родную еврейскую родину. Но, к великому сожалению, и в той жизни, и здесь, в Израиле, находились и находятся персоны из числа самих же

горских евреев, которым не дают спокойно спать «лавры» продавцов человеческих душ, лавры Иуды и Яго, и которые мешали и мешают своим землякам, пытаются огорчить им жизнь. Они не желали им спокойствия там, «стуча» в различные инстанции на своих же собратьев или стараясь заново переписать историю горских евреев. Этим грязным делом подобные экземпляры занимаются и здесь.

Говоря об этом, я имею в виду «Кавказскую газету», где опубликован злой пасквиль на своих же земляков из Махачкалы («кайтагцев»). Называется этот пасквиль «Шими Дербенди в Израиле». Это известный литературный персонаж, принадлежащий перу недавно ушедшего из жизни писателя Хизгила Авшалумова, который, кстати, так и не признал Израиль как государство, а себя — евреем.

Алексей Якубов

Но речь в данном случае не о Хизгиле Авшалумове, а о людях, которые использовали этот персонаж для своего грязного дела — охаивания своих же собратьев.

Так вот этот самый Шими Дербенди, оказавшись в Израиле и услышав о смерти одного старика с Кавказа, решил пойти на похороны, как и принято в лучших еврейских традициях: обязательно проводить покойника в последний путь. Но оказалось, что Шими не знает дома, где жил усопший. Идя по дороге, увидел большую группу людей, обрадовался. А, обрадовавшись, спросил:

— Вы, наверное, знаете дом умершего?

— Старика из Кубы? — переспросили сидящие рядом.

— А вы откуда? — полюбопытствовал хитромудрый Шими Дербенди. — Мы из Махачкалы, — ответили ему. — А вы не пойдете на похороны? — все промолчали. И Шими восвояси пошел на похороны один.

Авторы и идеологи подобного «сочинения» знают, что делают: этот эпизод имеет особую подоплеку и навешивает негативный ярлык на сородичей, создавая им отрицательны имидж людей, якобы, живущих с чуждой евреям психологией, не соблюдающим элементарные еврейские традиции.

Но на этом «забавы» не заканчиваются. В своих «прожектах» эти горе-писакы идут дальше. В этом же самом издании под названием «Кавказская газета», можно найти следующее: «Сегодня выявились лидеры, старающиеся создать политические партии. Осилят ли они такую задачу?»

Все это — в колонке редактора, которую ведет Михаил Гаврилов. Вот этот человек и отвечает на поставленный вопрос так: «Для того, чтобы решить задачу, надо знать, как ее решить».

И снова вопрос: «А как?»

И снова ответ: «Ленин, создавая коммунистическую партию, начинал с издания «Искры»...

Вот, оказывается, где собака зарыта! Господин Гаврилов, как и его кумир В. Ленин, знает, что делает: он призывает ни много, ни мало, к революции, но уже в Израиле. Так надо думать. Таков подтекст, связанный с «Искрой».

На эту щекотливую тему можно было бы писать и говорить очень долго.

— Есть ли ностальгия по прошлой жизни? И отражается ли это как-то в ваших стихах?

— Конечно, есть. Там, в прошлом, остался большой кусок жизни, который невозможно одним росчерком пера взять и вырезать. Это и босоное детство, и Великая Отечественная, и близкие, не вернувшиеся с войны, и дорогие сердцу могилы, оставшиеся на той земле исхода.

Прошлое живет во мне, и всегда, до последнего вздоха, будет со мной. Оно живет и в моих стихах.

— Каждая птица любит свою стаю... Это к тому, что кем бы ни был человек по роду своей деятельности, а тем более, поэт, он не может жить в изоляции, в замкнутом круге: творческая натура требует общения. С кем из известных собратьев по перу вам доводилось общаться, а, может даже и дружить?

— Литературным трудом я занимаюсь ровно 40 лет. Естественно, мне доводилось встречаться со многими интересными собратьями по перу, среди которых были и кавказские евреи — Миши Бахшиев, Сергей Изгияев, Амадан Кукулиев, которых, к сожалению, уже нет в живых. С Амадом я дружил.

— Кавказские люди всегда были дружны и трудолюбивы. Насколько обустроены они в этой трудной олимповской жизни? Есть ли чем похвастаться?

— В обыденной, повседневной жизни даже маленький переезд с улицы на улицу считается большим пожаром. Переезд из города в город — тем более. А вот переезд из страны в страну, когда всё надо начинать с чистого листа, всё это, именуемое репатриацией, сродни фронту, войне. А на войне, как на войне: надо выжить. Среди горских, как, впрочем, и среди других, есть люди, которые приехали сюда 30 лет назад. Есть, которые приехали в девяностые. Обустраиваются. Горские евреи, действительно, народ трудолюбивый, но еще больше — героический: умеют преодолевать трудности. Теперь, есть ли, чем похвастаться? Разумеется, есть. В бывшем СССР у нас были свои Герои Советско-

го Союза и Герой Труда, были известные академики, такие как Гавриил Абрамович Елизаров, народный артист Союза ССР Танхо Израилов. Здесь, на еврейской родине — легендарный генерал Екутиэл Адам, раввин Яков Ицхаки. Этот список известных людей можно продолжить еще и еще.

— И там, в стране исхода, и здесь, в Израиле, стихи не кормили и не кормят. Это — аксиома, не требующая доказательств. А затрата времени на их написание — колоссальная. В связи с этим — банальный вопрос: что заставляло и заставляет вас испытывать эти творческие муки: удовлетворение душевной потребности, слава или еще что-то другое?

— Литература, за редким исключением, никогда и никого не кормила. Не кормила она и меня, хотя занятие ею отнимало много сил и времени. «Хлеб» давала мне совсем другая, не творческая работа. Писание стихов — это моя душевная потребность, мой эликсир и мой бальзам.

— Алексей, а сейчас, через годы и расстояния, давайте перенесемся... в прошлое. Вспомните пару любопытных эпизодов из вашей военной поры и даже после нее?

— Первая и единственная школа горских евреев, в которой я учился, с началом войны, к сожалению, закрылась. И я пошел в артисты: в 1943 году в возрасте 13 лет был зачислен гармонистом ансамбля песни и пляски народов Дагестана.

— Да, такие любопытные эпизоды в моей жизни были. В самый разгар войны, в суровом 43-м году мне исполнилось 13 лет. Поскольку уже в этом юном возрасте я значился неплохим гармонистом, меня пригласили на работу в ансамбль песни и пляски народов Дагестана. Я был аккомпаниатором. Это первый эпизод.

— А где второй?

— А вот второй связан с именем очень известной лирической певицы Бурлият Ибрагимовой, у которой, кстати, мамаша была нашей горской еврейкой и звали ее Люба. Отец Бурлият — Акашим — известный деятель искусств, однажды пригласил меня подучить игре на баяне его дочь, начинающую тогда певицу. Я не мог отказать и действи-

тельно, провел с ней пару уроков. Так что в моей биографии было и такое.

— А вы что, имели какие-то навыки игры на этом инструменте? Ведь чтобы попасть в гармонисты профессионального коллектива, надо было обладать хорошими музыкальными данными, а может еще, и быть виртуозом?

— Игре на гармонии я учился у своей матери — Марал Якубовой, которая неплохо владела этим инструментом. Никакого специального образования у меня не было. Ученичество длилось недолго. Я стал, что называется, первым парнем на селе. Меня все чаще и чаще стали приглашать на свадьбы и различные торжества. И наконец, меня пригласили в ансамбль песни и танца, где художественным руководителем был известный композитор Дагестана Хизгил Ханукаев, а директором был очень популярный певец, музыкант и артист Татам Мурадов.

— Алексей, 43-й — это самый разгар войны, когда гитлеровцы проникли на Кавказ. Это время Сталинградской эпопеи. И ансамбль, в котором вы работали, вероятно, часто выезжал с концертами к нашим солдатам во фронтовую зону? Вы не боялись этих поездок: ведь по существу, вы были еще совсем мальчиком, у которого война отняла детство?

— Чего греха таить, страх был. Ведь ансамбль выступал не в красивых концертных залах где-то далеко от войны. Выезжали прямо на линию фронта, на боевые рубежи к солдатам, которые через час-другой уходили в бой. Конечно, страх был. Но было и другое, возвышенное чувство. Только мне посчастливилось быть в такой поездке всего один раз: в Моздок приехала мать и слезно уговорила начальство отпустить меня домой.

— Алексей, давайте сейчас поговорим о войне, войне которая сопровождала всю жизнь, лучшие ваши годы. Практически ваша молодость прошла в тюремных камерах. И в этой веренице отсидок было одно громкое дело, всполошившее чуть ли не весь Союз Советских Социалистических Республик. А вам, Алексею Якубову, грозила «вышка»...

— Да, такая катастрофа в моей личной жизни была. В то время я уже работал представителем российского потребсоюза по отгрузке в регионы Сибири и Дальнего Востока продуктов крестьянского хозяйства. Это называлось работой на подворье. География была обширной, а сама работа очень интересной. Новые знакомства, новые люди и города... Во всем этом была романтика. Работа давала не только деньги, но и вдохновение, тему для новых стихов. Но нашлись люди, которым я наверное, мешал честно зарабатывать свой хлеб. Опять пошли клеветы и доносы. Сфабриковали дело, по которому прошло около 1000 свидетелей. Мне инкриминировали статью: экономическое преступление, хотя я не взял ни одной копейки у государства. Но, слава Богу, «вышка» меня миновала, хотя отсидеть какой-то срок, к сожалению, пришлось. У меня отняли три года жизни.

— Алексей, несмотря на все превратности судьбы и несправедливости к вам лично, вы оставались самим собой: для вас никогда не было чужого горя и чужой беды. Неужели всё, что было пережито, не научило вас ничему и ваше сердце не ожесточилось?

— Я пережил много несправедливости, но так и не смог ожесточить свое сердце: оно осталось добрым и открытым для всех. В моей жизни был такой случай. Я с семьей жил на съемной квартире. Работал, поднакопил немного денег. Хотел купить квартиру. Но вдруг ко мне приходит знакомый и слезно просит помочь деньгами: у него большая трата в магазине. Надо срочно погасить, иначе — тюрьма. Не задумываясь, отдал. А потом ждал с моря погоды, оставаясь с детьми на чужой квартире. Вот такие пироги.

Анатолий (Таль) Нахшунов — человек из фронтового города

Жизнь под ракетами.

**«Дон Кихот» олимовского уезда,
идуший во власть**

Обстрелы олимовского Сдерота стали ц последнее время чем-то вроде экзотики: так, обычное любопытство, не более того. А вначале был страх, жуткая боязнь выйти на улицу. Особый страх за детей, пожилых. Это было вначале.

А сегодня эти обстрелы мало кого пугают. Люди привыкли к жизни во фронтовом городе. Привык к ним и выходец с Кавказа, а если быть точней, человек из древнего Дербента и оле девяностых — Таль Нахшунов.

— У страха глаза велики, — вспоминает он прочно засевшую в памяти старинную поговорку. И добавляет: смелого пуля боится.

Наше досье: Анатолий (Таль) Нахшунов репатриировался в страну 12 лет назад. Это был страшный 1991 год — год хаоса и распада бывшего СССР. В год приезда ему исполнилось ровно 28 лет.

Дербент — Сдерот — возвращение в отчий дом

Анатолий из породы тех мобильных людей, которые даже на голом асфальте могут взрастить красивые цветы. Он не приехал сюда за легкой жизнью и легким «хлебом»: в свои 28 Таль был хорошо обеспеченным человеком и занимался делом, которое помогало многим неплохо обустроить свою жизнь.

Отличная работа и обеспеченная жизнь, наверное, устроили бы кого угодно, но не Талья Нахшунова — человека,

который знает себе цену и в роду которого было немало авторитетных людей. Но его давно тянуло на родину предков. И он, как никто другой, ждал подходящего момента.

И этот момент наступил. До 91 -го Анатолий в глубине души еще хоть слабо, но надеялся, что все вернется на круги своя, что все образуется, будет порядок. В 91-м, после окончательного развала когда-то мощной державы ждать было уже нечего, разве что неожиданных неприятностей, неожиданных «ЧП». И отъезд состоялся.

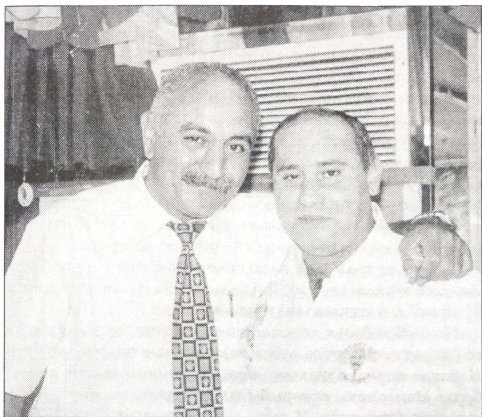
Из начальников — в разнорабочие

Двенадцать лет назад никто Сдерот не обстреливал. Да и приехал Анатолий Нахшунов в Сдерот не сразу: вначале была Беэр-Шева. И была тяжелая физическая работа на стройке. Он мог устроиться где-то и полегче, но велико было желание утвердить себя в собственных глазах, выдержать это испытание абсорбцией.

А потом была уже другая работа на пищевой фабрике по изготовлению супов, работа близкая по специальности: долгие 10 лет Анатолий был технологом общественного питания. На фабрике сразу же оценили профессионализм оле из Дербента: всего после 3-х месяцев работы он был назначен начальником цеха. Всё это было в жизни нового оле Нахшунова.

А в Сдероте, ставшем с некоторых пор фронтовым городом, жили его друзья и кто-то из родных. Они и уговорили Анатлия совершить еще одну алию и переехать к ним.

Вот так и получалось у него в жизни: на пустом месте наладит живое, хорошее дело, а потом вдруг идет на зов трубы, даже не задумываясь о том, а будет ли ему уютно, комфортно и по душе новое неизведанное дело? Оставил все в Дербенте, а теперь оставил прекрасный ухоженный дом в Зихрон-Якове, оставил налаженное дело и стал жителем Сдерота, чтоб жить на войне. Но такова наша еврейская доля: надо научиться жить и на войне, где каждая минута может стать последней.

Анатолий Нахшунов (справа) и экс-мэр Давид Бускила

Сдерот — особый город, где живет большое число выходцев с Кавказа. Есть, конечно, молодежь, но немало и пожилых, которым сегодня уже не под силу изучить в совершенстве иврит или поменять свою квалификацию. Но подобное положение и в Тель-Авиве, и в Хадере, и в Ашкелоне. И в таком затруднительном положении находятся не только люди из кавказской общины. И Таль, как деловой человек, сделал новый «шахматный» ход: открыл вначале небольшую амуту по трудоустройству, которая вскоре превратилась в солидную кампанию. «Кидма», по существу, охватила весь Израиль. Довольны «оле», получающие бесплатную работу, довольны различные предприятия, получающие гарантированную рабочую силу, и доволен сам Таль, так удачно раскрутивший нужное людям дело на русской «улице». Это особенно важно сегодня, когда в стране десятки и сотни тысяч безработных.

Зачем покидают Израиль?

Анатолий Нахшунов по натуре — деловой человек. И всегда был таким. Но общественной деятельности он уделял не меньше внимания, чем деловой. А причина проста: только занимаясь общественной деятельностью, можно помочь людям, лучше знать об их проблемах. На этой стезе Таль один из первых создал амуту «Молодые олим с Кавказа». В свое время помогала ирия. Немало тратил он на проведение различных мероприятий и свои кровные, заработанные тяжелым трудом. Организовывал туристические поездки по историческим местам, проводил общинные вечера.

Таль — не только деловой человек с интернациональной жилкой: хотя он родом с Кавказа, любит и помогает всем: и бухарским, и ашкеназам, и марокканцам.

Но особой болью отзывается его сердце, когда из родного Сдерота уезжают за рубеж талантливые соплеменники, В Израиле хорошо знакомо имя одаренного пианиста Альберта Мамериева, который был победителем многих престижных конкурсов. И вот, — рассказывает Таль, — этот молодой и подававший большие надежды музыкант, покинул Израиль. — Я был бессилен чем-то помочь, — с болью в душе говорит он.

Вот именно для того, чтобы суметь помочь таким талантам, да и вообще каждому «оле», и решил сегодня Таль Нахшунов идти во власть. Да, это ни для кого не секрет: только будучи во власти можно помочь людям, у которых есть проблемы, людям, которые страдают от бездушия и халатности чиновников.

Но особая деликатность не позволила Талю Нахшунову сказать о том, что кавказцы составляют треть Сдерота, и что сам Бог велел ему, как представителю этой общины, быть во власти. А когда-то Анатолий очень активно сотрудничал с бывшим мэром города Давидом Бускилой. Который, как мог, пытался помочь горским евреям, хотя он сам совсем из другого «племени» — из марокканских.

Таль Нахшунов сознательно поменял свою устроенность и покой на опасную и суетную жизнь во фронтовом городе,

именуемом Сдерот. Но, как истинный знаток и ценитель народного искусства, он хорошо знает: когда стреляют пушки — музы молчат. И он, по мере сил и возможности, старается быть причастным к искусству и культуре родной общины, особенно в части поиска новых молодых талантов. И он с гордостью называет имя юной певицы из кавказских, поистине, восходящей звезды, которую зовут Джульетта Агарунова. Певица востребована, вот-вот выйдет ее первый диск с популярными песнями на иврите.

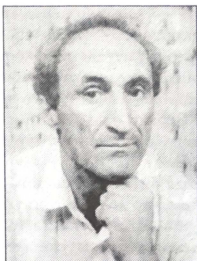
Кавказская община Израиля в эти дни живет ожиданием очередного всеизраильского съезда. Поэтому наш разговор переключается и на эту животрепещущую тему.

— От этого форума, — сказал Таль Нахшунов, — всем мы ждем чего-то нового, особого. К сожалению, так получилось, что на сегодня у горских евреев нет конкретного адреса, куда бы они могли обратиться за какой-то помощью. И речь отнюдь не о паре сотен шекелей, а о гораздо большем. Всеизраильское Объединение должны возглавить образованные и эрудированные люди, которые заслуженно пользуются уважением своих соплеменников. Другого выбора просто нет.

Исраэль Рзаев — «Нострадамус» из Гянджи

Исраэль Рзаев — репатриант из далекого и древнего азербайджанского города Гянджи. Он — не выдающийся писатель, не великий первооткрыватель новых, дотоле неизведанных земель. Он — сионист, человек, умеющий точно предугадывать события и явления, которые могут произойти в жизни одного человека или страны. Исраэль — не робот, и поэтому в его расчетах бывают и какие-то отклонения и несовпадения, но с очень

незначительными величинами. Об этих своих способностях он говорит не очень охотно. Зато когда речь заходит о работе с новыми репатриантами, соотечественниками из страны исхода, из других земель бывшего СССР, он заметно оживает, рассказывает немало интересного. И тем не менее беседу с ним я начинаю с «нострадаму-совского» вопроса:

— Исраэль, хорошо знающие тебя люди говорят о тебе, как о каком-то феномене. Ровно 12 лет назад ты сказал своим землякам, что в 1996 году почти все они поменяют свои адреса, и что местом их встречи будет Израиль. И сегодня тебе в этом смысле могут позавидовать даже самые признанные ясновидцы. Почти все твои земляки действительно находятся здесь, в Израиле. Сложно ли быть пророком? Какой внутренний или внешний барометр позволяет тебе делать такие прогнозы?

— Да, это чистейшая правда. Я говорил об этом своим близким и друзьям еще в 1991 году. Но в данном случае речь не столько о наличии у меня способностей экстрасенса, сколько о чисто логических умозаключениях.

— С отъездом соотечественников понятно. А вот как объяснить твоё высказывание в тесном кругу перед началом войны в Нагорном Карабахе о том, что ты в душе чувствуешь что-то неладное, странное ощущение: что-то должно произойти, ожидается большая кровь. Это тоже уроки истории?

— Обычно перед грозой природа меняется. Как-то по-особенному вре замирает, небо прорезают огненные змеи. Это, может быть, некое кощунство с моей стороны — сравнивать человека с жмивотными и с насекомыми. Но ведь хорошо известно, что некоторые из них чувствуют не только грозу, но и землетрясения. Видимо, внутри живого организма есть какие-то точки, способные принимать эти невидимые токи. С абсолютной точностью сказать, что грядущая беда будет связана именно с Карабахом, я не мог, но о том, что должна грянуть какая-то гроза, знал.

— Это все там, в той жизни. А вот подтверждались ли твои прогнозы уже здесь, принимали ли твои «локаторы» какие-нибудь сигналы бедствия в Израиле?

— Приведу совсем свежий пример. Такое ощущение тревоги бывает у меня не всегда, только в какие-то определенные моменты и дни. ЧП произошло с сыном. Он выехал по своим делам на нашей машине. А за несколько дней до этого я уже «вошел» в состояние тревоги, предупредил всех домашних, чтобы были осмотрительнее и осторожней. Над нашей семьей навис какой-то рок. Я просыпался и засыпал в очень тревожном состоянии.

Поздно ночью у нас в квартире раздался звонок. Сообщение было не из приятных: сын попал в автодорожную аварию. Машину, конечно, трудно было узнать. Но меня это меньше всего волновало. Сын был жив и невредим. Это самое главное.

— Израэль, а с чем связан другой случай, произошедший тоже здесь?

— О нем тяжело вспоминать. Он связан с нашей общей трагедией — гибелью бывшего премьера Ицха-ка Рабина. За неделю до трагедии мной вновь овладело чувство подавленности и даже страха. Вот-вот что-то должно случиться.

Целую неделю я во сне видел кровь. Запретил своим домашним ездить в автобусах. И не ездил на них сам. Я как-то даже сказал дома: на этой неделе что-то произойдет. Я не связывал это с покойным Рабином, но чувствовал: должно произойти что-то плохое. И оно произошло.

— Израэль, давай поговорим о тебе, как о человеке, чья общественная деятельность хорошо известна там и так же хорошо известна здесь. Ты — сионист, так сказать, большого калибра. Что тебе удалось сделать там и что — здесь, на родине предков?

— Меня никто не уполномочивал заниматься общественной работой. Но кто-то должен это делать. Надо было начать работу с людьми. Надо было их где-то собирать. Лучшим местом для разговора могла бы стать синагога. Но ее-то и не было в древнем Гянджи. И я задался целью прежде всего открыть синагогу.

— Синагога — это прекрасно. А что еще было сделано тобой именно как сионистом?

— В Гяндже не было сохнутувской организации. И многие, особенно пожилые люди, которые плохо владели русским языком, вообще не знали, как и куда надо идти или ехать, чтобы оформлять документы на выезд. Надо было помочь людям. Я ездил в Баку, привозил анкеты, заполнял их, брал отпуск за свой счет и просиживал все дни в отделении Сохнута, чтобы как-то ускорить отъезд людей в Израиль. Помимо этого, много времени у меня уходило на сбор различной литературы о жизни новых репатриантов в Израиле, чтобы люди имели какое-то представление о стране, куда они собрались ехать.

— Сегодня другие времена, другие люди и даже другие сионисты. Израильское общество раскололось на правых и левых, экстремистов и ультраортодоксов. Как ты воспринимаешь это?

— Очень трагично. Мы живем как на пороховой бочке. Соседей, как и родственников, не выбирают, они достаются по наследству или волей судьбы. Нам, евреям, пережившим две мировые Катастрофы, третья ни к чему. Война не рождает сыновей. Она убивает их. Надо искать пути мира.

Роберт Тивъяев и его фонд «Возрождение»

С древним Дербентом связаны многие страницы уникальной истории горских евреев. Дербент — это памятник старины.

10 лет назад инициативная группа, возглавляемая одним из молодых лидеров Робертом Тивъяевым, еще там, на родине исхода, создали гуманитарный фонд «Возрождение», целью которого было увековечивание культурного наследия малочисленного этноса, восстановление национальных традиций и обычаев, ознакомление соплеменников с историей еврейства на исторической родине и т. д.

Фонд сыграл свою особую роль и в деле последней, второй «волны» репатриации горских евреев. Роберт Тивъяев, стоявший у истоков этого Фонда еще в Дербенте, решил дать своему детищу вторую жизнь: его деятельность будет отныне проходить в Израиле. Задачи остаются прежними.

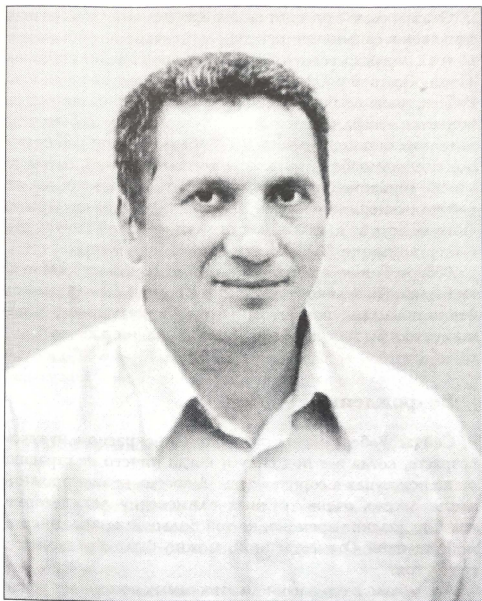
Все-таки это правда: мир держится на одержимых, на людях, которые меньше всего думают о своей личной выгоде, на людях, для которых благо других превышает всего.

Полагаю, что некоторые могут возразить: о чем речь? Какие сантименты в наш век прагматиков и проходимцев, что почище Остапа Бендера? Откуда взяться таким людям сегодня, когда суета жизни чуть ли не превращает человека в механический робот, а собственных повседневных проблем столько, что ни к чему взваливать на себя еще и чужие...

В волонтеры б я пошел...

Волонтерам — хорошо

И все-таки, такие люди есть. Они много делают, но очень мало говорят. Это люди из удивительной породы подвижников.

И один из них — Роберт Тивъязев, с которым я лет пять назад познакомился на одном из очередных правлений Объединения выходцев с Кавказа. При первом же знакомстве этот кавказец произвел на меня хорошее впечатление. Но так получилось, что мы встретились снова совсем недавно, спустя годы. Встретились с Робертом в Офакиме, где он теперь возглавляет кавказскую общину. Это событие и послужило главным поводом для моей новой встречи с этим интересным человеком.

Оказалось, что он занимается проблемами своих дважды земляков и соплеменников довольно давно, можно сказать, почти с первых месяцев своего приезда на родину предков. Тогда общиной в Офакиме руководили другие люди и он, Роберт, даже не будучи ни членом правления, ни членом комиссии снифа (филиала) Объединения, по собственной воле и желанию подключился к общественной работе: после тяжелой работы на заводе ходил по домам, составлял списки сородичей, помогал записывать детей в школы, переводил содержание писем, пришедших в чей-то адрес из «Битуах леуми» или «лишкатки» или из какой-нибудь другой организации. Бывало, что навещал и больных.

Роберт Тивъяев мог всего этого не делать, его никто не заставлял. Но велико было желание помочь сородичам, особенно пожилым, попавшим в трудную ситуацию и оставшимся как бы меж двух огней: ни языка, ни работы.

Возрождение

Сейчас Роберт находится в том прекрасном мужском возрасте, когда все под силу и когда ничего не страшно: он на подступах к сорока годам. А восемь из них прожиты здесь. Восемь очень трудных олимовских лет, которые, как в те далекие времена, на той большой войне, именуемой Великой Отечественной, можно было бы засчитать год за три.

А что было в его жизни до этих самых восьми лет репатриации? Была школа, энергетический институт в Иваново, после учебы в котором он получил специальность инженера-электрика. А потом было возвращение в родной и древний Дербент... и работа в городских электросетях. Молодому выпускнику института сразу же предоставили вакантную должность старшего инженера.

Работа была ответственной, давала «хлеб». А романтическая натура Роберта Тивъяева искала еще и что-то другое — работу для души. Фонд «Возрождение» в этом смысле и был тем вторым делом жизни, которым на общественных

началах стал заниматься этот неугомонный кавказец. Фонд занимался собиранием предметов старины, поиском пропавших в пору «инквизиций» 30-х годов свитков Торы и различных священных книг. Параллельно с этим занимались сбором старинных национальных костюмов и даже проводили «субботники» на еврейском кладбище: приводили в порядок обвалившиеся могилы, очищали территорию от мусора. Эту полезную работу Роберт проводил в содружестве с такими же одержимыми ребятами, как и он сам. Вои их имена: Яков Нагаев, Славик Семенов, Митя Ханухов, Гена Рабаев, Марик Эльканаев и многие другие.

Но началась вторая большая алия 90-х годов. Начался новый массовый отъезд. Надо было выбирать. Жалко было, конечно, оставлять начатое дело, которое получило «добро» у земляков. Ситуация после 91-го, после развала бывшего СССР сложилась далеко не простая: в любой момент можно было ждать «чп». Ждать не было смысла. И Роберт принял судьбоносное решение: репатрироваться.

Люби ближнего, как самого себя

Чего греха таить, — это уже ни для кого не секрет: дела общины в Офакиме не блистали. Намечали, вроде, немало, а дел выходило, на поверку, не очень много — гора рожала мышь. Теперь об этом говорить — всё равно что догонять ушедший поезд.

Но все течет, все меняется. В состав деятельных людей общины влились новые амбициозные, в хорошем смысле слова, лидеры. Коля Хананаев, Гена Хизгилов, Ятаг Юшваев, Петр Мелихов, Марина Юсуфова. Особо хочется отметить активную деятельность на благо общины раввина Рувена Илишаева.

Планов и смелых, революционных задумок у председателя кавказской общины Офакима много. Роберт Тивъяев по своей натуре очень коммуникабельный человек, легко сходится с людьми. Это редкое качество в сочетании с терпимостью и уважением к чужому мнению, пусть даже не

всегда совпадающим с его собственным, облегчает, а лучше сказать, помогает ему вести эту сложную и многотрудную работу лидера общины.

В этой связи уместно будет вспомнить об одном свежем эпизоде из его многогранной общественной деятельности. Офаким и Ор-Акива находятся друг от друга на приличном расстоянии. Это часа четыре езды. Не меньше. Так вот, узнав о том, что 3-го июня в Ор-Акиве будут проходить выборы нового мэра, Роберт отпросился с работы, обязавшись отработать потом вдвойне и приехал, чтобы поучаствовать в этом мероприятии. Он знал, что впервые на пост мэра идет человек от кавказской общины — Симха Есипов. Вот ему и приехал помогать волонтер из Офакима Роберт Тивъев. Абсолютно безвозмездно, по велению души и сердца отработал он в тот трудный день до самой поздней ночи, пока не узнал о победе своего соплеменника, ставшего первым мэром в Израиле из числа горских евреев. Роберт был человеком, который поздравил Симху Есипова с этой долгожданной победой.

О чем бы мы ни говорили с Робертом, разговор все время возвращается к одной, главной теме — теме кавказской общины Офакима.

Задаю председателю снифа прямой и конкретный вопрос: что успели сделать за последнее время?

— За последние несколько месяцев открыли бесплатные курсы по компьютерам, Интернет-клуб для детей школьного возраста, распахнул свои двери ульпан по изучению иврита для людей всех возрастов. Кроме того, задействован весьма любопытный проект по связям с диаспорой, осуществляемый с помощью Интернета. Проект называется «Леава». В нем активное участие принимают кавказские студенты, обучающиеся в различных учебных заведениях страны.

— Есть ли обратная связь у снифа?

— Разумеется, есть, — говорит Роберт Тивъев. И эта связь не только с кавказской общиной, но даже с государственными структурами. Так, например, к нам напрямую обращаются директора школ, когда возникают какие-то серъ-

езные проблемы с детьми из горских евреев. Они советуются с нами, получают необходимые данные и даже консультацию. Такие же прочные связи наладились у нас с городским отделом образования. Эти контакты имеют хорошую перспективу. Уже есть база для открытия в ближайшем будущем театра детской песни.

— Роберт, горские евреи всегда были привержены к еврейской религии, к традициям иудаизма. Удастся ли снифу, которым вы руководите, сохранять эти позиции еврейского образа жизни?

— Могу похвастаться — удастся. Я уже говорил о нашем раввине Рувене Илишаеве, который много делает в этой области. Ведутся религиозные уроки для всех возрастов. Люди получают хорошую информацию о еврейской истории. Занятия идут и на русском, и на иврите, и даже на родном горско-еврейском. Неоценимую помощь в поддержании еврейского духа нам оказывает мэр города Яир Хазан. Это он помог нашей синагоге получить в подарок свиток Торы. И с его же помощью нам удалось открыть женский клуб.

— Роберт, в заключении нашей беседы хотелось бы спросить вас вот о чем: в жизни кавказской общины Офакима участвуют только горские евреи или представители и других общин?

— Поймите правильно: мы не хотим еще одного «гетто». Это правда: у каждого этноса есть своя ментальность, культура, искусство. Вот почему я выступил с инициативой созыва в ближайшее время межобщинного форума. Мы все — евреи и обязаны знать друг друга лучше.

— И самое последнее: что в личном плане?

— Общественная структура не всегда может решать острые, актуальные проблемы. Поэтому я решил войти во власть, буду принимать активное участие в муниципальных выборах. Община поддерживает мое решение, поскольку оно связано с объединенным списком «Исраэль бейтену».

Ханука Рафаилов: послесловие к одной жизни

У него было безрадостное и тяжелое детство. Мальчиком он помнил, как в родительском доме шарили «гэбэшники». Но в Сибирь никого не отправили: спас очень дорогой и по тем, и по нынешним временам исфаганский ковер ручной работы, который пришлось отдать в качестве выкупа «кристально-честным» чекистам. Но больше всего Ханука помнил другой эпизод из своего трудного детства. Даже когда уже голову посеребрила седина, он рассказывал об этом со слезами на глазах. А рассказывал он о том, как в лютые зимние дни, в трескучий мороз и снегопад ему приходилось топать в школу совершенно босым: не было даже старья, чтобы накинуть на ноги. И поэтому он не шел, а бежал.

Ханука Рафаилов (крайний слева) в кругу семьи

Это чуть-чуть спасало, но все равно ноги мальчика приобретали бурачный цвет и он долго еще после такой пробежки приходил в себя. Частенько выручала старшая сестренка: на своем «горбу» довозила братика до места назначения — до школы, а потом, после уроков — обратно.

Близко знавшие его люди по Красной (Еврейской) Слободе не раз рассказывали и о другом качестве его характера: о его бесстрашии и мужестве. И это качество он, Ханука Рафаилов, сохранил до конца своих дней. Доброта и мужество сочетались в нем необыкновенно гармонично. Он мог простить человеку ошибки, но несправедливость — никогда.

Так получилось, что он, Ханука, закончил школу досрочно, экстерном. Потом была учеба в педучилище Кировобабда... И работа в родной школе. Когда Ханука вернулся с дипломом преподавателя, многие из его бывших одноклассников еще числились в учениках. И он преподавал им. Казалось, всё начинается хорошо: живи и радуйся.

Но судьба не баловала Ханука: на войне погиб один брат. Второй вернулся тяжело раненым и вскоре умер. Но Ханука не отчаивался, не показывал своей слабости на людях, хоть сердце и плакало. Он заходил в класс к детям всегда ухоженный и с доброй улыбкой на лице. Он понимал: дети легкоранимы и нельзя показывать им своей слабости и своего отчаяния. Наоборот, надо внушать оптимизм. И он, Ханука, давал им этот оптимизм и уроки милосердия и человеколюбия. Вот почему его бывшие ученики, ныне живущие здесь, в Израиле, говорят о нем и вспоминают с таким благоговением и теплотой.

Его острое перо не оставалось равнодушным к различного рода беспорядкам и бесхозяйственности. Он продолжал активно сотрудничать с республиканскими средствами массовой информации. Особенно хорошо были знакомы с его сатирическими заметками и фельетонами читатели «Бакинского рабочего» и журнала «Крокодил» («Кирпи»). И в День печати, 5 мая, Ханука обычно получал десятки поздравительных писем и телеграмм, из Москвы и Баку, Кубы и Кировобабда. Это был его личный праздник.

Ханука Рафаилов (второй слева в первом ряду)

Но пути Господни — неисповедимы. Никогда не думал Ханука Рафаилов, прожив 60 лет на земле, где прожили свой «век» его предки, где стоят дорогие его сердцу могилы близких людей, что ему одному из первых суждено обрести новую родину. Это был 1978 год. Ханука уже разменял седьмой десяток. И вот ему вместе с большой семьей надо начать новую жизнь. А эту новую жизнь на исторической еврейской родине, эту «целину» вместе с Ханука распахивало молодое поколение Рафаиловых — его сыновья и дочери: Ярухам, Лазарь, Ливии, Коля, Мая и Эмма. 25 лет назад здесь была совсем другая жизнь. И обслуживание было хуже, и культура пониже. Это сейчас по улицам и междугородним трассам «бегают» комфортабельные автобусы с кондиционерами. А 20 лет назад были другие. Да и всё было другое. Были эпизоды, которые просто пугали его: он видел, как местные пацаны играли в футбол ... буханкой хлеба, и приходил домой растревоженный и в смятении, как в те самые трудные дни своей жизни, когда некие подонки хотели оклеветать честного человека, «хозяина» города Ку-

бы, партийца с многолетним стажем. Но со временем Ханука стал менее реагировать на такие «случайности». Он не считал себя старым, хотел быть чем-то полезным обществу. Тихая жизнь была не для него. И он, этот неугомонный кавказец, искал для себя поле деятельности. И нашел его. Это была общественная работа, связанная с людьми. И его совсем не волновало то, что за нее ничего не платят. Ему важно было быть среди людей. Из всех партий его больше всех привлек «Ликуд». И Ханука стал его верным солдатом. Он осилил, несмотря на возраст, иврит. Общался с людьми на этом языке. Ему всегда везло на хороших людей и на памятные встречи. Одна из таких встреч произошла у Ханука с бывшим премьер-министром страны Ицхаком Шамиром. Он рассказывал ему о «кавказцах», об их удивительной истории, жизни на новой родине.

Ханука Рафаилов умер несколько лет назад, в памятный год своего 80-летия. Его похороны превратились во что-то грандиозное. Проститься с ним пришли сотни земляков со всех уголков «необъятного» Израиля.

Марусэ.

Повесть о матери: не умирай раньше солнца

Глава 1

Лицом к лицу со смертью

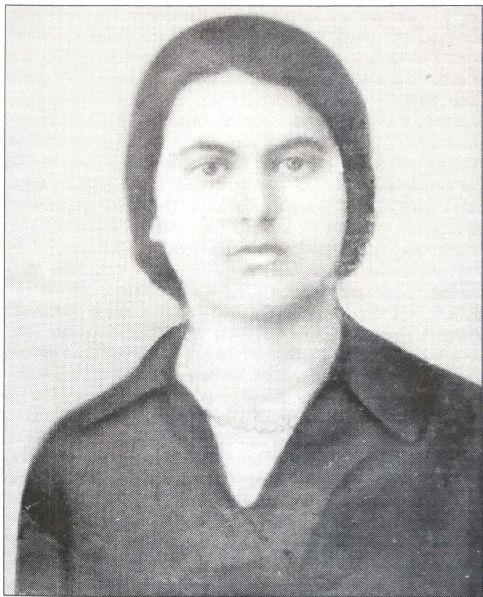
*Меня могила не страшит;
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.*
(М. Ю. Лермонтов, «Демон»)

Мария стояла у самой кромки огромного и темного рва, крепко держа за руку маленького сынишку Ромку, который своим детским существом не понимал, что происходит, и бесконечно задавал матери один и тот же вопрос: «Мама, куда мы идем? Я хочу домой...»

Марии было всего двадцать четыре. Слева и справа в ровную линейку выстроились такие же несчастные, как она, люди: молодые женщины, старики, дети. Все они были обречены. Сейчас прозвучат выстрелы и все закончится. Прощай молодая жизнь, любимый сынишка, родители, которые ждут ее возвращения... Еще минута — и все закончится... Но она боялась не за себя, не за эту, так ни за что погубленную молодость, и совсем не думала о смерти — она не пугала Марию.

— Ромка, мальчик мой! Как спасти тебя?..

Эта и только эта мысль очень больно, словно каленым железом, пронзала голову. Минута тревожного ожидания казалась ей вечностью. Это в обычной обстановке, в обыч-

ной суете жизни минута кажется мигом. А здесь, у финишной черты, стоя на краю кровавой могилы, где в затылок тебе холодным взглядом смотрят десятки стволов вражеских автоматов, время остановилось и ожидание конца было тревожным и мучительным.

Мария уже однажды, летя в Москву накануне войны, испытывала нечто подобное: ожидание неминуемой смерти. Самолет, на котором она летела, вдруг «заклинило», и он начал стремительно падать. Это была служебная команди-

ровка — Мария летела на курсы повышения квалификации молодых учителей. Все напоминало кошмарный сон. В самолете началось невообразимое: люди плакали, кричали... Мария не кричала и не плакала. Она перебирала в памяти свою коротенькую жизнь, кадры которой молниеносно всплывали в ее воображении. А потом, вдруг, самолет вышел из пике, выровнялся и резко взмыл вверх для набора высоты. Все тогда обошлось. Выявилась какая-то техническая неисправность. Спасибо Всевышнему и экипажу, который в этой критической ситуации не растерялся и до конца боролся за спасение людей. Теперь Мария каждый год отмечала это день, как свой второй день рождения.

И вот опять эта роковая встреча со смертью, этот проклятый, зияющий черной бездной ров, который вот-вот должен принять ее и маленького Рому в свои холодные объятия. Все получилось как-то нелепо. Она в сердцах и ругала, и оправдывала себя. Ругала за то, что так по-глупому попала в руки полицаев. Надо было послушать тетю Сару и не выходить из дома. А с другой стороны, не выйти — значит, умереть голодной смертью: в доме с больной и одинокой тетей, к которой она приехала несколько месяцев назад, чтобы присмотреть за ней и выходить, не оставалось уже почти ни крошки хлеба. И Мария решила сбегать на «толчок» — местный рынок, который даже те кошмарные дни войны был в Нальчике единственным местом, где можно было обменять что-то из барахла на хлеб и продукты. На деньги уже давно никто ничего не давали. Со дня своего приезда в Нальчик, Мария уже не раз совершала такие «рейды» по добыче продуктов, хотя хорошо знала, что это было очень рискованным предприятием: Нальчик постоянно обстреливался гитлеровцами из дальнобойных орудий. Случались и налеты вражеских самолетов. Она понимала, что попала в западню, и что им отсюда не вырваться. С каждым днем фашисты все плотнее сжимали город в кольцо окружения. Мария ругала себя за то, что не сообразила вовремя выехать с тетей назад, в Махачкалу, когда это еще можно было сделать. Но почему-то, сама того не понимая, откладывала это: побуду еще день-два и уедем, — рас-

суждала Мария. Ей и в голову не приходило, что события в городе, да и вообще на Северном Кавказе развернутся так стремительно и с такой непредсказуемостью. Хотя она и корила, и ругала себя на чем свет стоит, за свою нерасторопность и промедление, за роковую ошибку, тем не менее, она отчетлива осознавала, что такой вояж в те дни был немислим: тетя была прикована к постели. Надо было выхаживать ее, присматривать, как за грудным ребенком. В таком состоянии и речи не могло быть о каком-то выезде. Это и остановило Марию, которая, в общем-то, планировала свой приезд всего на несколько дней с одной целью: забрать тету Сару. Она вышла на улицу не ради себя и даже не ради Ромки, который был очень голоден и все время просил что-нибудь поесть. Она очень хотела попасть на базар в надежде, что ей удастся обменять свое последнее выходное платье, которое ей очень нравилось и было к лицу, на что-нибудь съестное, на какие-нибудь продукты, чтобы как-то поддержать здоровье тети, которая все еще не могла встать с постели.

Шел октябрь 1942 года. А точнее, это был конец октября. Мария на всю жизнь запомнила эту печальную дату: 29 число рокового месяца. До базара, вроде, рукой подать... На этот раз тетя и соседи по дому, как никогда прежде уговаривали Марию никуда не выходить. У тети, видимо, было какое-то предчувствие неминуемой беды: «Мария, родная моя, останься. Не ходи на эту проклятую толкучку. Что-то мне не по себе. Лучше останься дома...»

На все уговоры Мария успокаивающе отвечала: «Ну, что ты, тетя Сара, волнуешься? Я мигом. Одна нога здесь, другая — там. На крыльях полечу и прилечу. Ты же знаешь, что я крылатая... Все будет хорошо... Ведь я иду в город не в первый раз. Все обойдется».

Ничего не предвещало беды. Мария спокойно прикрыла калитку и, как в былые мирные дни, ровным шагом, не торопясь, направилась вместе с Ромкой в сторону центрального рынка и ... ей вдруг вспомнилась те ужасные дни, когда в город входили немцы. Улицы тогда пустели на глазах. Стрекотали бесконечные автоматные очереди и Мария

увидела группу красноармейцев, которые, отстреливаясь, спешно покидали город. Один из них стал объяснять ей, как лучше и безопаснее пройти к дому. Сделать это Марии тогда удалось. Она бежала к дому, взяв Ромку на руки, страх сковывал ноги, порой ей казалось, что они налиты свинцом. Но Мария, все-таки, продолжала бежать, хотя получалось это совсем не так быстро, как ей хотелось.

И она почувствовала какой-то зловещий страх и бросилась обратно к дому, но в суматохе, Мария перепутала улицу, ведущую к дому, и не ведая того, направилась совсем не в ту «степь»: бежала в обратную сторону. Бежала, что есть сил. А сзади, лихо обгоняя, мчались немецкие мотоциклисты.

Марией стало овладевать сомнение: почему она так долго идет к дому? Почему? Не уж-то разбомбили? Не может быть... Ведь она только что вышла из него. Всего несколько минут ходьбы... А тут она бежит уже целых полчаса. Наконец, до нее дошло: она просто заблудилась, как маленькая девочка в дремучем лесу.

И вдруг — этот пронзительный окрик: «Стой!» Мария поняла, что это конец. Она крепко стиснула маленькую и теплую ладонь Ромки, который страшно испугался окрика полица и стал плакать. Мария нежно поцеловала испуганного сынишку и почти прошептала — «Не плачь, Ром. Не бойся, мама с тобой!»

Полиции приблизились почти вплотную, и один из них, заметно искажая русские слова, прорычал: «Какая красивая курфа!»

Мария крепко стиснула Ромку в своих объятиях, словно боясь, что этот непрощенный гость может в любую минуту вырвать у нее мальчика. Полицай нагло пожирая выпуклыми лягушачьими глазами молодую женщину, жизнь которой теперь полностью была в его руках, снова повторил: «Какая красивая курфа! Куда бежишь? Ты не партизан?»

Полицай был не один. Около него, словно из-под земли, появилось множество мордатых и рыжеволосых фашистов, готовых в любую минуту разорвать на части кого угодно. Старший полицай схватил Марию за локоны и стал больно

дергать то в одну, то в другую сторону. Боль была нестерпимой, и она закричала, пытаясь хоть как-то увернуться от мучителя. Больше всего Мария боялась того, что полицай может по-своему успокоить Ромку, который всем своим детским существом чувствовал боль, причиненную маме и плакал не переставая. Это могло пощекотать нервы брюхатого мордоворота. А тут, вдобавок ко всему, один знакомый по городу тип, вор в законе, который теперь исправно обслуживал новую власть закричал — Я ее знаю! — завопил он в ярости. — Это жидовка! Юде, юде!

Услышав это, старший полицай пришел в неопишваемое бешенство, словно в его ляжку вцепилась бродячая собака.

— Юде?! Еп тфую мат!..

Видимо, мордоворот был хорошо знаком с вульгарным жаргоном великого русского языка.

Ненависть подступил к горлу Марии. Не отдавая себе отчета в том, что делает, и не понимая, откуда взялись силы, она ногой, со всего размаха ударила своего мучителя промеж ног, в самый пах. От страшной боли фашист завыл, как смертельно раненый волк. Но тут Мария почувствовала сильный удар в спину: прикладом автомата ее взгрел кто-то из полицейской свиты. Старший продолжал выть, а Марию под усиленной охраной повели к грузовым машинам, в кузовах которых уже сидели многие ее знакомые из числа местных евреев, также ставшие жертвами облавы или предательства.

Мария держала себя в руках. Она хорошо понимала, что это — самый лучший выход в трагической ситуации, в которой она очутилась. Мария еще не знала, что их везут расстреливать...

Глава 2

Не умирай

*В нем было все: любовь, страданье
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.*

(М.Ю.Лермонтов. «Демон»)

И все-таки, Мария ужасно корила себя за это роковое непослушание. «Тетя была права... Была права... Зачем я не вняла ее предостережению? Зачем потащила ребенка?!...»

Мария не знала, да и не могла знать, что в этот день, с самого утра, немцы устроили в городе тотальную облаву на евреев. По одной только внешности легко могли определить любого. Еще до войны многие евреи жили среди них в самой Германии. И не только жили, но и работали, учились в одних школах. О том, что помимо ашкеназских евреев существуют какие-то другие евреи, у немцев не было и понятия. Они думали, что только такие евреи и существуют. Кавказ был для них загадочной страной. И они знали только одно: здесь живут мусульмане. И если бы не предатели из числа местных жителей, то немцы никогда бы не узнали о кавказских евреях — горцах: смуглых, усатых, с густыми черным шевелюрами. Это было неким просчетом немецкой разведки, активно работавшей до войны и на Кавказе...

Генерал Дитрих был в бешенстве. Никогда прежде, даже в самые критические минуты, подчиненные не видели его таким. Он только что разговаривал с Берлином, со ставкой. С ним говорил ответственный сотрудник канцелярии генерал Гейц.

— Дитрих, — возмущался он. — Вы что, поехали на Кавказ, чтобы наслаждаться красотами природы? Или вы хотите, чтобы вас разжаловали в рядовые? Вы понимаете, о чем я говорю?

— Гейц, мой генерал, мы знаем друг друга давно, давайте говорить напрямую, называя вещи своими именами. Что случилось? В чем я провинился?

— Провинились, Дитрих, провинились! Мы получили информацию о том, что у вас под носом разгуливают евреи, а вы даже понятия не имеете об этом!..

— Какие евреи, Гейц?

— Черные, Дитрих, черные! Вы же не ребенок! Для Германии и нашего фюрера нет разницы, какого цвета собака — черного или белого... Собака есть собака!..

Разговор был очень неприятным. И Дитрих минуту-другую отходил, хотя прежде ему приходилось слышать и видеть вещи в тысячу раз похлеще. Но неприятный осадок на душе оставался, и его настроение было вконец испорчено на целый день. Дитрих нажал на кнопку.

В кабинет влетел двухметровый адъютант.

— Вызывали?

— А что, Гельмут, ты стал плохо слышать?

— Нет, мой генерал!

— Собери всех нужных мне людей ровно на 10 вечера. Все.

События в городе и окрестностях развивались с молниеносной быстротой. Началась настоящая охота на кавказских евреев. Особенно усердствовали предатели из числа местных жителей, хорошо знавших евреев-горцев. За поимку каждого человека немецкая комендатура объявила щедрое вознаграждение.

Несколько грузовиков, подогнанных немцами, быстро наполнялись людьми: здесь были старики, женщины, дети. Когда все машины были забиты до отказа случайными прохожими, захваченными в облаве, один из немецких офицеров с орлом на фуражке взобрался на крышу легковушки с громкоговорителем в руке. Оглядев всех пристальным взглядом, словно хищный орел, офицер начал говорить, ломая и коверкая русские слова:

— Не беспокойтесь. Мы фас не будем делать пах-пах... Мы отпрафим фас в кости на феликий Германия, там есть много работы, дома и кушат. Фсе. Ест фопрос?

— Есть! — вне себя от ярости крикнула Мария.

Офицер с орлом на фуражке удивленно поджал тонкие губы, потом медленно снял пенсне:

— Какой фопрос, фрау?

— Я живу здесь, — сказала Мария. — У меня маленький ребенок. Я хочу домой!

— Карошо, фрау. Фсе путет карошо! — произнес офицер.

— Пожалуйста, отпустите меня домой! — не унималась Мария.

— Ты что, жидовка, властям не подчиняешься?! — крикнул новоиспеченный полицай из местных, стоявший у машины — не то казак, не то балкарец. И Мария поняла, что это конец, что пути назад, к дому, уже нет.

Машины ехали долго. Колонну на легковушке сопровождал все тот-же офицер в фуражке с орлом на кокарде. Когда подъезжали к какому-то пустырю, Мария увидела огромный ров и все ее сомнения в конец рассеялись: их привезли расстреливать. Когда колонна остановилась, началось невообразимое: люди не хотели сходить с машин, их сгоняли силой, заставляли прыгивать. Кто-то сопротивлялся, и тогда их били прикладами до потери сознания. Высадив всех, приказали делать нечто дикое: садиться, вставать, бежать, а потом повторять все это вновь и вновь...

Вскоре подъехала еще одна легковая машина в сопровождении эскорта мотоциклистов. Из нее вышел холеный, розовощекий, как деревенская баба, офицер и еще несколько сопровождающих. Высокопоставленный чин сделал жест рукой в лайковой, не по сезону, перчатке, после чего два ефрейтора вытащили из машины большой ящик. В ящике, как оказалось, были плитки шоколада. Их и стали раздавать детям несколько солдат.

Мария почувствовала недоброе: с чего это фашисты вдруг решили в такое время раздавать шоколад детям своих врагов? Здесь что-то не то... Даже очень подозрительно... Такое внимание и такая щедрость. Это совсем непохоже на незваных гостей, тут какой-то подвох! И Мария решила не высовываться и, теснее прижав к себе Ромку, зате-

салась в толпу. Ее опасения были не напрасными. Ибо спустя некоторое время, немцы уже не скрывали своих намерений. Офицер в лайковых перчатках, ехидно улыбаясь, подошел к молодой кормящей матери и, обнажив ей грудь, обмазал ее шоколадом. А затем, после этой унижительной процедуры, заставил несчастную горянку кормить ребенка. На глазах у всех младенец, едва только прикоснувшись губами к соску, вдруг замолк и перестал подавать признаки жизни. Увидя это, цветущая и красивая женщина в одно мгновение превратилась в седовласую старуху с застывшими в глазах смятением, ужасом и страхом.

На все происходящее фашисты смотрели с удовольствием, как на какой-то праздничный, увеселительный спектакль: некоторые из них даже снимали все это «шоу» на фото- и кинокамеры, чтобы потом, когда-нибудь вспомнить о своих армейских забавах в кругу близких и друзей, а может быть, даже похвастать кавказской экзотикой.

День уже подходил к концу. Вечерело. Немцы явно начали торопиться. Избитых и замученных людей стали разделять на группы. Мария попала в первую. Она решила, что ей повезло: лучше умереть сразу, чем стоять в ожидании последнего часа. Ко рву людей гнали, как скот. Мария намертво держала Ромку, прижав его к груди, и страшно боялась, чтобы мальчик не разрыдался вновь. Страх перед неминуемой смертью сковывал движение людей, однако палачи находили для таких упавших духом особое лекарство: на их головы сыпались удары прикладами автоматов. Мария приблизилась к яме. Это было что-то наподобие пропасти — настоящая бездна. У Марии даже закружилась голова, и она едва устояла на ногах. Но голова кружилась не только от высоты, а, скорее, от увиденного: на дне рва лежали трупы, множество трупов. Мария невольно оглянулась и опешила: немцев сзади не было, их будто ветром сдуло. И Мария поняла: сейчас начнется стрельба. Каратели ушли в специальное укрытие. Надеяться было не на что. Разве что, только на чудо.

«Будь что будет», — подумала Мария и, не дожидаясь выстрелов в спину, бросилась вместе с Ромкой в бездну.

Она еще летела в бездну, когда услышала частые пулеметные очереди.

К своему удивлению, Мария не разбилась — она упала вместе с Ромкой на что-то мягкое. Вокруг лежали сотни трупов. Наверное, даже в аду не было так страшно, как в этой огромной, черной могиле. Запах человеческой крови дурманил голову, а в могилу продолжали падать тела, сраженные пулеметными очередями. Временами стрельба прекращалась, потом начиналась вновь. Слышались душераздирающие крики смертельно раненых людей. Моментами Мария теряла сознание, потом приходила в себя и снова погружалась в небытие. Она крепко прижимала к себе Ромку, прилагая колоссальные усилия, чтобы не потерять себя, не раствориться в этой страшной яме, среди еще теплых трупов... Ее обуревали животный страх и мучительная тошнота от запаха человеческих тел и крови. Ромка уже не плакал, и Мария даже не знала, жив ее мальчик, или мертв — глаза малыша были закрыты... И в этот момент в голове Марии возникли видения из собственной жизни, картины недалекого прошлого, короткие, словно вырванные листки школьной тетради, фрагменты ее драматической молодой жизни, они мелькали как в каком-то сверхскоростном кино. И Мария удивлялась этим реальным видениям: силой непонятого волшебства время, хоть и не столь отдаленное, возвращало ее назад, к памятным дням, к печальным и радостным событиям из жизни, очень рано повзрослевшей, хлебнувшей горе и перенесшей личную трагедию девушки...

Мария не помнила, как долго длился этот сон, напоминавший видения. А когда вдруг все закончилось, смутно, словно откуда-то издалека, она услышала русскую речь. Говорили сверху и до Марии долетела всего одна фраза:

— Как много убитых!..

Когда Мария пришла в себя в очередной раз, она увидела вокруг много людей в белых одеждах и не сразу сообразила, что это врачи. Ей все еще казалось, что продолжается сон, а видения в белом вокруг нее — это ангелы.

Глава 3

Разбитое сердце

*Оставь меня, о, дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы, я не могу
Молиться гибельной отравой!
Мой ум слабеющий объят —
Послушай, ты меня погубишь, —
Твои слова — огонь и яд:
Скажи, зачем меня ты любишь?*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

На самом деле, Мария не могла понять, что это было — сон или видения. Но, что бы это ни было, все картинки были из ее невыдуманной жизни — не абстрактные и не рожденные фантазией разгоряченного мозга. Первыми, что она увидела, были картины ее счастливого сватовства и обручения с любимым человеком, молодым коллегой, педагогом с библейским именем Майсей. Мария познакомилась с ним на педагогических курсах в древнем городе Дербент. У него было умное и не по годам серьезное лицо. На курсах было много интересных ребят, начитанных и обаятельных, и даже красавцев-джигитов, настоящих принцев из восточных легенд. Майсей не был красавцем. У него не было горделивой заносчивости и большого самомнения. Напротив, он был до крайности застенчив, хотя ребята, да и девушки с курсов любили его общество: он много знал, много читал...

Мария, сама воспитанная в строгости и обладавшая тонким умом и даром без труда определять стоящих людей, сразу ощутила в Майсее доброго, настоящего друга, неспособного на предательство. По-видимому, и Майсей обладал редким даром определять настоящее золото от низкопробных подделок.

Наступили горячие дни экзаменов и зачетов. Мария целыми днями пропадала в городской библиотеке. Здесь ничего не отвлекало: светло, уютно, занимаясь, сколько хочешь. И в один из дней, преодолев, видимо, нерешительность и стеснение, к ее столику подошел Майсей и, краснея, попросил разрешение присесть рядом.

Мария, улыбаясь, посмотрела на него и грациозным жестом указала на свободный стул. Она чувствовала, что парень испытывает неловкость, и чтобы снять излишнее напряжение, заговорила сама:

— Ну, как дела, Майсей? Готов к экзамену? Не боишься? А я, знаешь, боюсь. Педагогика — наука сложная...

— А ты не хочешь пойти в кино?

Нежданно-негаданный вопрос Майсея ошеломил Марию.

— Ты что, Майсей, какое кино?! Ведь завтра экзамен...

— Ну, вот и отлично, — не отступал юноша. — Как раз отвлечемся немного. Соглашайся, Мария! Хороший фильм идет — «Свинарка и пастух». Не пожалеешь...

— Ну, смотри, Майсей, если завтра я схвачу «тахан», то это будет на твоей совести, — сказала Мария, грозно сотрясая воздух указательным пальчиком.

— Хорошо, Мария, я все беру на себя. Идем?

Это был счастливый и памятный вечер в жизни Марии. Они сидели в большом, переполненном зале кинотеатра и смотрели этот немного наивный, но полный романтики фильм о любви. Мария как зачарованная смотрела на экран, и вдруг почти машинально их руки сплелись. Она почувствовала тепло его большой, широкой ладони, в которой утонула маленькая, белая ручка Марии.

С этого дня они больше не расставались до самого сватовства, которое было намечено на последнюю неделю августа. В Махачкале стояли чудесные дни, последние дни бархатного лета, когда уже не так жарко, и вечера такие приятные и теплые. Поэтому торжество решили провести прямо во дворе дома. Двор на знаменитой Оскара был узким и длинным, но очень вместительным. Особенно старался отец Марии, Хайват — прямой потомок предводителя

при дворе одного из хазарский царей, молодцеватый горец, рано познавший все «прелести» жизни. У него было шестеро детей: четыре дочери и два сына. Мария была средней. Но повидавший жизнь Хайват уважал людей не за возраст, а за ум. Мария родилась сметливой девочкой, умницей. В большой, многодетной семье было только два человека, с которыми Хайват делился своими радостями и невзгодами — с дочерью Марией и сыном Иосифом. Так получилось, что и Иосиф с Марией были по-особому привязаны друг к другу...

В тот памятный, незабываемый вечер улица Оскара была радостно встревожена: сразу три гармониста, шествовавшие впереди солидной делегации сватов, выводили задумчивые восточные мелодии. На больших подносах лежали самые разные подарки, предназначенные невесте. Майсей, в нарядном черном костюме, сопровождаемый с двух сторон дружками, действительно напоминал всем своим видом библейского пророка. Сваты и жених приближались к дому Марии под веселое улюлюканье любопытных уличных мальчишек. Все было хорошо, и ничто не предвещало беды.

Хайват очень постарался для любимой дочери. Двор стал неузнаваемо-уютным: чистенько, развешаны радующие глаз разноцветные ковры, на покрытых белоснежными скатертями праздничных столах изобилие всевозможных яств...

Мария и Майсей сидели рядышком. Наступает торжественная минута: жених надевает на палец невесты обручальное кольцо. Звучит тост за их здоровье и счастливую жизнь.

Сосед и близкий родственник Хайвата, Мордехай — низкорослый, но крепко сбитый мужчина с румяными щеками и очень похожий на Тараса Бульбу разносит по столам и угощает гостей шампурами ароматного шашлыка. Звучит мелодия искрометной «Лезгинки»...

И вдруг, как гром среди ясного неба: во двор, с пистолетом в руке, как ураган врывается их дальний родственник — Анатолий. Гости перепуганы, среди собравшихся — смятение. Анатолий, вне себя от ярости, мечет гром и молнии; видно, что он сильно пьян.

— Сейчас всех перестреляю, суки! Слышали?!.. Мария будет только моей и ничьей больше!..

Он кричал, размахивая над головой заряженным пистолетом. Потом вдруг резко, одним прыжком, подскочил к столу, за которым сидели Мария и Майсей.

— Ну, что ж, стреляй, если ты такой смелый! — решительно, как приговор, произнесла Мария, шагнув навстречу Анатолию. — Ты хочешь расстрелять всех? Так стреляй, чего ты ждешь? Совести у тебя нет, Анатолий! А еще родственник...

— Я люблю тебя... Я люблю тебя, Мария. Ты это знаешь. Я не переживу этого!.. — Разговор нарушителя спокойствия начал принимать другой оборот. — Верни кольцо этим людям! Ты слышишь? Верни им кольцо. Ты будешь счастлива только со мной... Со мной! Со мной!.. Со мной!..

Неожиданно для всех Анатолий схватил Марию за руку и начал больно ломать пальцы, пытаясь снять только что надетое обручальное кольцо. Тогда Майсей резко вскочил со своего места, подлетел к обидчику невесты и, сам не понимая, откуда взялась у него эта шальная злость, влепил опешившему от неожиданности Анатолию такую пощечину, от которой тот едва устоял на ногах. Не дав ему опомниться, Майсей влепил ему вторую и третью... Тут-же подбежали молодые ребята из числа приглашенных, скрутили Анатолию руки и отняли у него оружие. Теперь он был не страшен.

Вот так, несколько минут, они стояли друг против друга. Лицом к лицу: два горца, двое мужчин, два врага — жених Марии Майсей и дальний родственник Марии Анатолий, он же Онух. Имя Анатолий — было русским вариант еврейского имени Онух. Это была любопытная и, в то же время, драматичная сцена. Анатолий, намертво схваченный за руки молодыми ребятами, тем не менее, не унимался. Он долго и пристально смотрел в лицо своему «врагу», а потом, словно вспомнив что-то очень важное, произнес:

— А я тебя знаю. Ты — раввинский отпрыск. Ну, что ж, это хорошо, что мы встретились. Думаю, что наша встреча будет иметь продолжение. Я редко остаюсь в долгу. Обяза-

тельно докопаюсь в твоей родословней... Сколько золотишка припрятали? Чего молчишь?! Я узнал тебя, сволочь! Ты внук купца Авадие. По твоему отцу и деду давно веревка плачет, в лучшем случае, их ждет Сибирь. А ты еще женихаешься?..

Майсей стоял ни жив, ни мертв, бледен, как стена. Марие стало страшно. Она быстро взяла его под руку и стала успокаивать — не бери в голову, Майсей, все нормально. Завтра протрезвится и придет сам извиняться. Сядь, выпей воды, все образуется.

Анатолий, хотя и был пьян, но хорошо знал, что говорит. И Майсей занервничал и потерял цвет лица не зря. Теперь и он вспомнил его — Анатолий — ответственный чиновник Особого отдела Даг ЦИКа. И работа у него не пыльная: раскулачивание бывших буржуазных элементов. Он вертит опасной мельницей, попасть под жернова которой не очень приятно. Майсей знает, что этот человек умеет вытрясти душу из кого хочешь, даже из каменной статуи.

Я обязательно загляну в ваше фамильное досье, голубчик, продолжал кричать Анатолий, своему недругу и сопернику, уже находясь за пределами двора и усиленное охраняемой конвоем из близких людей.

Майсей не мог ошибиться — да, Анатолий, Онух, как его здесь называли многие, тот самый человек, к которому некоторое время назад по специальной повестке были приглашены в особый отдел его дед и отец. И он, Майсей, тогда сопровождал их, дабы надеясь своим присутствием как-нибудь помочь и облегчить их тревоги. Тогда все закончилось как-будто благополучно. Во всяком случае, прошлые годы никто больше не вызывал и не беспокоил. Онух, как ответственный сотрудник особого отдела тоже не обманывал, когда кричал на Майсея — «.. я тебя знаю». Это было правдой. Было целых 5 часов допроса. И как знать, чем бы все кончилось, не встретив Майсей, совершенно случайно в кабинете Анатолия давнего друга семьи, очень именитого человека, который узнав в чем дело, попросил Анатолия предать это дело «забвению» и отложить в дальний ящик: — «Анатолий, это мои близкие люди. Ты — мой друг детства».

ва. Возьми это на себя. Замни. Закрой. Об остальном поговорим потом, дома. Сейчас я твой должник.

О чем вы, Оно Борисович говорите. Вы меня мало когда просите. Нет проблем. Ведь мы живые люди. Все будет в порядке, сказал ему сотрудник Особого отдела.

А дело было давно и касалось еще времен нашествия на Северный Кавказ деникинцев. Этот случай получил тогда в Дербенте большую огласку. Деникинцы «туземцев» не трогали, ни убивали, но требовали исполнения молодыми людьми призывного возраста исполнения воинской повинности. Но еврейские ребята служить не хотели и прятались на окраинах города, в основном на заброшенных виноградных плантациях. Им не повезло — предали осведомители. И 28 молодых людей были выловлены и доставлены в местную тюрьму. Деникинский полковник Бичерахов был вне себя от ярости и отдал приказ — через 28 часов расстрелять всех.

Асаф бен Раби Итам был знаменитым и богатым человеком не только в Дербенте. О нем знали далеко за пределами древнего города. С ним считался не только дербентский градоначальник, но и сам Бичерахов и его люди: он снабжал армию продуктами. Авадье был рангом значительно ниже. Да и масштабы у него были не те. Но одно не мешало другому: Асаф относился к своему земляку с особым почтением и всегда разговаривал с ним, как равный с равным. Слух о поимке молодых кавказских ребят дошел и до них. При всей их корысти и жажде к наживе, к деньгам, эти люди не утратили самого главного человеческого качества — чувства милосердия.

— Асаф, надо спасать ребят, — сказал пришедший к нему на встречу Авадие.

— А что мы можем сделать?, — тихо спросил тот. У меня есть одна хорошая задумка, — продолжал Авадие.

— Какая.. Выкладывай. Я знаю, ты мастер на изобретения, — пошутил Асаф.

Решено было дать пир в честь победителей. Пир организовали в доме Авадия. Получился большой праздник, на котором от души «гуляли» brave белогвардейцы. Про-

шедшие «Крым» и «Рим» бывалые купцы знали с какой стороны «расколоть» золотопагонников. Присев рядом с комендантом, Асаф и Авадие в один голос сообщили ему приятную новость. А новость была такова: купцы могут помочь дербентскому гарнизону продовольствием, закупая его у местного населения. Но народ озлоблен приказом о расстреле молодых ребят. Вот, если бы пойти на мировую.. Идея понравилась деникинскому начальству: в тот же вечер все 28 юношей были уже на свободе. Но вскоре, власть в городе поменялась. Пришли красные. И те же осведомители донесли теперь на двух имущих и уважаемых людей — Асафа и Авадие, которому чудом, в то время удалось выехать за пределы города и целых 10 лет скитаться по городам Средней Азии.

Асафу повезло меньше: его расстреляли.

Глава 4

Расстрельная статья

«Наш Б-г и Б-г наших отцов!

Прости и извини нас за наши грехи. Грехи преднамеренные и невольные. Грехи, совершенные по принуждению и собственной воле, скрытые от людей и известные им».

(«МАХЗОР». Вечерняя молитва в Йом Кипур)

Торжество было вконец испорчено. Все сидели грустные и понурые, словно это было не сватовство, а какая-то панихида. С подавленным настроением сидели Мария, отец Хайват, братья Иосиф и Яша. Особенно переживал случившиеся четырнадцатилетний Иосиф — плотный, мускулистый парнишка с открытым, добродушным лицом. Видя, как скатываются слезинки по матово-белым щекам самой любимой сестренки, он подошел, обнял ее за плечи и сказал:

— Не плачь, Мария... Не плачь... Я не дам тебя в обиду. Ты же моя самая любимая...

— Спасибо, мой родной, — сказала Мария. Я не волнуюсь, Еся, все в порядке. Это, знаешь, минута слабости. Все пройдет.

Мария старалась привести в порядок все свои мысли. Она чувствовала всеми фибрами души, что именно сейчас в ее жизни произошло что-то страшное и жуткое, от чего можно и свихнуться. Гости, обескураженные роковым событием, взволнованные и обеспокоенные за судьбу Марии, начали потихоньку расходиться. Остались только очень близкие люди. Майсей сидел неподвижно. Взгляд его был жутким. Еще час назад, глаза излучавшие солнце и радостно смотревшие на мир, теперь как-будто остекленели, выражая безразличие и равнодушие.

Мария опять присела с ним рядом, взяла за руку и спросила потухшим голосом: «Майсей, это правда? Анатолий говорил правду, не обманывал?»

— Майсей встрепенулся, как голубь после воды, но ничего не ответил, просто кивнул головой. У Марии было такое неприятное ощущение как-будто находилась между молотом и наковальней. Ей хотелось куда-то уйти, спрятаться от всего происходящего, забыться. Теперь она сама не зная почему, жила ожиданием новых неприятностей и новых волнений. И с таким тяжелым чувством, со свинцом на душе Мария пошла на работу. Школа есть школа. И дети не могут ждать, когда к учителю придет радостное и приподнятое настроение.

Порой у тебя плачет сердце, но ни один ученик не должен заметить этого: при всех невзгодах и душевной тревоге, глаза должны улыбаться и светиться солнцем. Мария, как всегда, вошла в учительскую, поздоровалась со всеми. Майсея в школе не было. — Что могла случиться? — начала тревожиться она и машинально, посмотрела на время: было 12 часов дня. В канцелярии раздался телефонный звонок. Секретарша подняла трубку: «Мария Михайловна, это вас», — сказала она, передавая трубку. «Мария, это я, Майсей. Пришла повестка с нарочным. Вызывают меня с

отцом в «Особый». Видимо, наш «друг» старается. Злопаятная сволочь! Извини, сорвался. Надеюсь вернусь. Потом все расскажу. Все. Пока.

Ровно в 12 дня Майсей с отцом в сопровождении нарочного в полном милицейском мундире, вошли в длинный, просторный кабинет, уставленный большими шкафами, слоноподобным столом из орехового дерева, вокруг которого по обеим сторонам четко выстроились не менее массивные стулья такого же цвета.

В черном шикарном костюме сидел... Анатолий, да, да, тот самый. Присаживайтесь, господа хорошие. А вы — свободны сказал он, обращаясь к сопровождавшим милиционерам. Ну, как настроение, как спалось? Как чувствует себя наша молодая невеста?

Сегодня, этот вчерашний забияка и драчун выглядел, как свежий огурчик, только что сорванный с грядки. И врядли, кто-нибудь мог сказать, что вчерашний возмутитель спокойствия и этот рыжеватый с хитрыми веснушками на лице, так похожий на писателя Шолохова, один и тот же человек.

— Что будем пить — чай, кофе? Не стесняйтесь... По-родственному. По-родственному. Поговорим по-душам. Вы же Майсей, кажется педагог? А педагоги любят говорить, а особенно поучать. Нет?

— Ну, что ж, переменял хозяин роскошного кабинета тему разговора. Перейдем на другую тему. Ближе к делу. Меня интересуют вы, господин Авадие. Извините, но никак язык не поворачивается назвать вас товарищем. Слово для вашего уха не очень приятное, правда? Онух Бэдэль вышел из-за стола, закурил и стал прохаживаться по кабинету.

— Ну, Авадие, расскажите, уважаемый публике, как вы потчевали белую мразь, этих самых бичераховцев и деникинцев? Как вам потом удалось улигнуть из Дербента? Как вам жилось на вольных хлебах и у эмира бухарского, то бишь, на его бывших владениях?

— Я интеллигентный человек, а не какой-нибудь сапожник, старательно растягивая слова говорил хозяин большо-

го кабинета, словно он был не сотрудником Особого отдела, а рядовым учителем русского языка, проводившим очередной диктант. Если вам трудно говорить, вот вам чистый лист бумаги. Вот ручка и чернила. Время есть. Пишите. Ведь вы же грамотный человек, как-никак купец первой гильдии.. Правда, в прошлом. Но я думаю, что вы еще не совсем забыли русское правописание и алфавит.

Он положил перед Авадие большой чистый лист номерованной бумаги и дал ручку. Потом продолжил свой прерванный монолог, — уже обращаясь к Майсею. — Мой дорогой дуэлянт, жизнь, черт побери, ужасно тонкая штука: за все надо платить. Как там говорил доктор Вернер в «Герое нашего времени» у Лермонтова: «Судьба-индейка, а жизнь — копейка».

Вам нравится Лермонтов? Не дождавшись ответа на заданный вопрос, продолжил свою мысль — как прав этот гениальный юноша. Нет, мы не можем убежать от своей судьбы, как бы хорошо ни старались. Это от милиционера, страдающего грыжей, можно ускользнуть. А от судьбы — нет. И еще раз — нет.

— А вы философ, как я посмотрю, зло съехидничал Майсей. Кто вам больше по душе: Гегель, Кант, а, может быть Ницше?

— Каждому свое?

— Да, каждому свое, повторил Бэдэль. А мы с вами заговорились. Время бежит. Вы знаете, мой дорогой Майсей, что говорил Наполеон? Нет, не знаете. А я знаю. Он говорил так: «Я могу, и я имею право проиграть хотя бы одно сражение. Но у меня нет права проиграть время». Так-то. А это великий полководец. Не то, что мы с вами, простые смертные. Говоря это, он еще раз посмотрел на часы, а потом перевел взгляд на Авадье.

Глава 5

Вверх по лестнице ведущей вниз

Смотрите: вот пример для Вас!

Он горд был, не ужился с нами:

Глупец, хотел уверить нас,

Что Бог гласит его устами!

(М. Ю. Лермонтов. «Пророк»)

Анатолий не был каким-то маньяком, оболтусом и хулиганом, первой гильдии. Напротив, был умен, дальновиден и чертовски хитер. Некая вседозволенность пришла к нему с получением в свои руки пусть не огромной, не масштабной, но реальной власти. И он не всегда злоупотреблял ею, хотя это и не составляло особого труда в его положении. А если и делал это, то обязательно с согласия своих «боссов». Онух Бэ-дэль был человеком исключительных возможностей и всего, чего он достиг был обязан только самому себе. Он был целеустремлен и напорист, как молодой горный бык. У него было трудное и безрадостное детство. Очень рано, в возрасте 28 лет, неожиданно у него умер отец, заразившись тифом от друга, которого пришел проводить. На руках матери — вдовы, неграмотной женщины, осталось трое малолеток, которых надо было накормить и одеть. О хорошем образовании и думать было грешно: надо было выжить. Анатолий был старшим из детей. От природы одаренный и сметливый, он отлично осознавал, что его детство закончилось. Когда ему исполнилось 13 лет, его мать — маленькая, худенькая, озлобленная на весь мир женщина, взяла Анатолия за руку и привела в сапожную мастерскую к одному из дальних родственников. Дядя Азарие — великолепный мастер — модельер, человек хорошо знавший себе цену, и, который при первой возможности помогал чужим людям, увидев в дверях своей мастерской вдову Рахмани, которому он был обязан так многим, поначалу как-то оторопел и немного разволновался.

— Что случилось, Гегей? Нет, конечно, я рад твоему приходу. Эта проклятая работа...

— Не оправдывайся, — перебила своего родственника Гегей. Хоть раз в месяц можно было бы проведать, зайти, спросить о житье-бытье. Дай тебе Бог до 120, как написано в священном писании. Когда Рахмани был жив, ты далеко за полночь засиживался у нас. Тогда было хорошее застолье, друзья...

— Знаешь зачем я пришла к тебе? И не догадаешься? — Догадаюсь, если скажешь, не выдержал Азарие.

— Надеюсь, ты не забыл — это Онух, мой первенец. Ему бы учиться. Совсем ребенок, но у меня нет выхода. Очень нуждаюсь. Возьми его к себе, подучи. Ты не пожалеешь, мальчик очень смысленный. Мне помощь, да и тебе подмога. Договорились, Галина Нисановна, — улыбаясь сказал Авадие.

Так началась сапожная карьера 13-ти летнего подростка. Анатолий уже во взрослой жизни частенько при встречах и посиделках с друзьями в шутку вспоминал чеховского Ванюшу, того самого, который писал на «деревню, дедушке». Он тоже значился в подмастерьях. Иногда его тоже отрывали от «учебы» и посылали за водкой. Но это не мешало Онуху терпеливо постигать тайны сапожного ремесла. И уже к 16-ти годам он значился в артели, как самый перво-классный модельер. О нем заговорили.

Так уж сложилось: во все времена и во все столетия революционные перевороты и потрясения в обществе, так или иначе сразу же сказывались, как на судьбе всего человечества, так и на судьбе одного, отдельно взятого человека. В 30-е годы однозначно обозначалась одна значительная тенденция: на очень ответственные и руководящие посты стали выдвигать простых людей от станка. Это было тотальное явление. И десятки, сотни, а может быть и тысячи, еще вчера рядовых людей, неизвестных дотоле никому были рекомендованы на ответственные участки государственного аппарата. В этой знаменитой плеяде выдвиженцев, оказался и Онух Бэдэль. Он не был среди тех счастливицев-родственников, имевших академическое образование. И

он, конечно же, не мог похвастаться дипломом какого-то престижного университета. Его университетами стала сама жизнь. Не имея этого, столь необходимого для любой карьеры багажа, Онух, тем не менее, был великим самоучкой. И его грамоте могли бы позавидовать, да и завидовали многие из тех, кому посчастливилось учиться в университетах и академиях. Он был в каком-то смысле полиглотом: хорошо владел несколькими языками кавказских народностей, знал их фольклер, обычаи и традиции. Это здорово помогало ему: он быстро находил с людьми общий язык и в любой среде моментально становился своим. Онух был коммуникабелен от природы и в нем жил какой-то бешенный азарт к жизни. Он любил даже из серого бытия делать праздник. У него было веснущато-персиковое лицо, с этакой затаенной хитринкой в глазах. Аристократические усы на манер «белых» полковников и пронизывающий, острый взгляд, автоматически делали из него хозяина любой компании. У него, по-существу, никогда не было врагов: ни в молодые годы, ни потом. Он никогда и ни о ком не говорил плохо, даже если очень сильно кого-то ненавидел. А поэтому, у него не было открытых врагов, которые могли бы портить ему кровь и нервы, хотя ненавидел Онух многих. И также многие ненавидели его, не подавая при этом никаких признаков враждебности. Причин на это обстоятельство было много. Одна из главных — зависть. Онух был «ужасно» преуспевающим и в какой-то степени, везучим человеком. Его коммуникабельность, особые манеры кавказца с традициями, открывали ему любые двери. Онух был на короткой ноге с самим Нажмутдином Самурским и прославленным, уже в те годы писателем Эффенды Капиевым, который переводил еще до войны ашуга и Гомера 20-го века Сулеймана Сатальского. Самым любопытным было то, что и для «хозяина» Республики, и для легендарного писателя, каким был и остается Эффенди, Онух был близким человеком, интересным собеседником, который совсем не был профаном ни в политике, ни в культуре. Он был исключительным самородком, как промакательная бумага, впитывающая в себя все и вся.

И не будь этого бедного детства и не будь этой погони за куском хлеба, при других благоприятных обстоятельствах, он обязательно стал бы знаменитой личностью — либо в политике, либо в национальной культуре, либо на другом каком-нибудь поприще.

Но было у нем, в Онухе, и нечто другое, скрытое от чужого глаза. Бедное детство породило в нем некую месть и она жила в нем, как зазноба, временами проявляя свои рецидивы. Он люто ненавидел сытых, холенных и довольных собой отпрысков, которых баловала жизнь, и, которые однажды поймав «золотую» рыбку, пользовались ее услугами налево и направо. Он ненавидел их за пустоту в голове и никчемность, но фортуна, эта несправедливая фортуна, улыбаясь этим прожигателям жизни, и это в то время, когда он, Онух, 13-ти летний мальчик, за гроши пахал день и ночь. И незаметно для себя самого, в нем начали зреть зерна непонятной мести, желание укусить, ударить, наказать и даже вдоволь посмеяться над подобными типами. Он общался и с этими людьми. Они были его ровесниками и соседями — дальними и близкими, живущими в черте одной улицы и одного города и за его пределами.

И вот, теперь пришел и его Онуха, звездный час. И теперь он, человек исключительных возможностей, в его руках десятки, сотни а, может даже и тысячи людских судеб. И даже судьба этого молодого человека, его соперника с библейским именем Майсей. Вот они сидят лицом к лицу, два кавказца, иронией судьбы, оказавшись на одной узкой тропинке. О, нет! На тропиночке, рукотворному, висячему мостику через бурную реку. Онух, хозяин положения. И он, как умный человек, как своего рода экстрассенс, легко прочитывает, что сейчас испытывает его «гость», какое сильное «землетрясение» проходит внутри него. И он чувствует, что по своей мощи, оно значительней всех, отмеченных когда-либо по шкале Рихтера. Онух может придавить и размять его в порошок. Но он просто играет с парнем Марии, как большой и сильный кот с маленьким мышонком.

При всех своих достоинствах и при всех возможностях Онух отдает себе отчет в том, что он, прежде всего, горец.

И хочет честной игры, хотя бы потому, что в эту игру невольно задействована и его любовь, и его мечта — Мария. И он страшно не хочет, чтобы она принадлежала ему силой, вопреки ее желанию. Если это случится, он, Онух и он же Анатолий, перестанет уважать себя, как человека. А это для него очень важно.

Но в этом большом и немного сумрачном кабинете, сидя лицом к лицу со своим недругом, вызванным им сюда на допрос, Анатолий, как всегда, в присущей ему манере, философствует, но это уже действительно игра. Игра ума, и, вообще, игра, дающая ему возможность вытягивать из «собеседника», как бы невзначай, нужную и полезную информацию.

— — — — —

Глава 6

Колесо фортуны

*Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... увы я не могу
Молиться гибельной травой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Интересная штука все же — этот человеческий мозг: настоящий компьютер.

Мария была в каком-то жутком состоянии: как бы между молотом и наковальней. Ее вины абсолютно не было, но при всем этом, она чувствовала себя не совсем уютно: сердце мучила какая-то невидимая острая заноза. Было время, когда Анатолий не раз предлагал Марии руку и сердце. Но

она, от природы наделенная особым даром безошибочно определять человека, его истинное лицо и внутренний мир, всегда встречала это предложение отказом и старалась перевести разговор в шутку — «Да, что ты, Анатолий... Мы же огонь и лед. Совсем не сладкая парочка».

Это происходило давно, а ей казалось, что все происходит именно сиюминутно, сейчас.

То она вдруг выплывала как-будто из кипящей пучины, то этот водоворот вновь засасывал ее. Но эти живые видения-картины из ее жизни, сменяя друг друга продолжали являться к ней. И среди них и этот эпизод встречи с Анатолием... Понимаешь, ты по натуре — командир. Ты любишь давать приказы, а исполнять их тебе не дано. А два командира в одной квартире — это кошмар. Это невыносимо. Зачем нам такая семья?

Анатолий не всегда соглашался с этими выпадами Марии.

— В конце концов, горячился он, ты женщина, а зачем женщине эскадрон и сабля. Сам Бог велел ей рожать детей и быть хранительницей семьи. Или ты не совсем согласна с Творцом?

— Нет уж, извини, в свою очередь нападала Мария на своего соблазнителя, с Творцом я, действительно не согласна, особенно когда он говорит твоими устами. Ты хочешь видеть во мне вечную домохозяйку, добросовестно исполняющую свои обязанности у кухонной плиты. А я хочу реализовать себя в другом деле. У меня есть призвание...

Их последний разговор, накануне выезда Анатолия в Москву на годичные спецкурсы, был особенно откровенным. И, как всегда, открытыми картами играла Мария.

— Понимаешь Анатолий, безо всякого предисловия начала она. Ты умен, в тебе много деловых качеств, а самое главное, ты можешь хорошо и уверенно держаться на людях. С тобой интересно. Но мышление у тебя немного отстало. Я хорошо понимаю тебя, когда ты говоришь об устоях семьи, о предназначении женщины. Но, извини, это чуть-чуть пахнет феодальным домостроем. Ведь это не 16-й век и времена другие. Ведь, кроме постели есть что-то еще, что

объединяет семью, краснея до ушей выстрелила Мария. А я не хочу быть просто самкой, понимаешь!

— Говорят, что время лучший лекарь, она старалась перевести разговор на мирный лад. И еще, помнишь у Есенина:

*Большое видится на расстоянии
Лицом к лицу — лица не увидать...*

— Вот уже через несколько дней я уезжаю в Москву. Я знаю, мне без тебя будет тяжело, хотя между нами никогда и ничего и не было. Только не смейся — я очень тебя люблю. Впереди много времени, целый год. Подумай, взвесь. Я буду писать письма. Как говорится — утро вечера мудренее.

Я тебя не тороплю. Но при этом очень прошу, не закрывай передо мной двери, оставь хотя бы маленькую надежду.

В это же время и другой человек просил руки Марии. Это был Майсей. Он был полной противоположностью Анатолию. В нем было много простоты и скромности. И в то же время, он обладал изысканными манерами, был элегантен, предупредителен, вежлив и образован. В отличие от Анатолия он никогда не покушался на достоинство человека. Он был из семьи богатого купеческого рода, где ценились не только деньги, но и ум, образованность, хорошие манеры. Именно поэтому, Майсей выделил Марию, среди других девушек, с которыми ему приходилось знакомиться. Он сразу же «по уши» влюбился в нее, в свою коллегу по школе. Он боготворил ее и при первой возможности, старался быть чем-то полезным ей.

Чего греха таить, непроизвольно Мария ставила на чашу весов этих двух молодых людей. Перебирала в памяти все до мелочей. Она должна была быть безупречной судьей для самой себя, у которой не было право на ошибку. У Анатолия ум и гусарская лихость, иногда доходящая до бесшабашности. Но при этом он всегда у себя на уме. Есть перспектива, но так много непредсказуемости. И Мария, вроде бы давно сделал свой выбор в пользу Майсея. Анатолий,

как человек, проницательный, конечно же догадывался о внутреннем смятении, раздвоенности чувств Марии. Он догадывался, что чаша ее весов склоняется не в его сторону, и торопился что-нибудь, сделать, как-то изменить ход событий, хотя и понимал, что это фантастически трудно. Но как человек волевой, без боя сдаваться не хотел. Он знал, что Мария не тот человек, который будет разменивать свои чувства, как перчатки. Но любой ценной он же желал упустить своего счастья.

Он просил ее прийти на вокзал, проводить его, но она отказала ему. Анатолий нервно ходил по перрону вокзала, в надежде на чудо, до последних секунд он надеялся и с тяжелым сердцем сел в вагон, и поезд тронулся.

Анатолий писал Марии письма, наполненные любви и верности. В каждом новом письме он умолял ее одуматься и принять его предложение. Так как посылать письма на домашний адрес ему было неудобно, честно говоря, он немного побаивался ее отца Хайвата — человека строгих правил и крутого нрава, настоящего горца, который не очень любил всякие сентиментальности. И не дай Бог, думал Анатолий, чтобы хотя бы одно письмо попало к нему в руки. Амея, так ласково называли его в семье и близкие ему люди. Письма были страстными, горячими, и попади они в руки к Амею, автору несдобровать. Он адресовывал свои письма к себе домой, своей матери с припиской для Марии. Хотя у него и не было уверенности, что Гегей, его мать будет в точности исполнять его пожелания, он хорошо знал свою мать. У нее был свой закон в жизни, своя особая конституция, для нее существовало только ее мнение, которое она навязывала всем, независимо от их желаний. Она чем-то напоминала боярыню Морозову, хотя раскольницей не была, а напротив чтילה и блюла еврейские традиции и обычаи. Анатолий, даже будучи взрослым, старался никогда не вступать с ней в спор, хотя всегда и во всем принимал свое собственное решение. Сомнения Анатолия не были напрасными. Ни одно из писем так и дошло до адресата, Мария даже в глаза их не видела, да и не очень-то она и ждала их.

Теперь, стоя между жизнью и смертью, видения приходили к ней из прошлой жизни. Она то погружалась в них, то окуналась в сплошную тьму и забвения.

Картины, эпизоды из ее короткой, но не очень сладкой жизни оживали, меняя свои краски и оттенки. И вот теперь, вновь Майсей. Откуда он? Разве жив? И почему он плачет? Может это сон. Мария всматривалась ему в глаза, стараясь как-бы удостовериться, что это он, Майсей — весна ее жизни, ее девичья тайна. Но почему же он, все-таки плачет? И ей невдомек, что это у нее на руках плачет маленький Ромка. Но об этом она узнает потом.

Майсей... Майсей. Видение продолжают.

И вот уже родная школа. Ее родной класс. И первый открытый урок. И опять Майсей — такой весенний и такой солнечный. Он улыбается ей и украдкой показывает большой палец — не волнуйся, все идет хорошо. Потом звонок, поздравления коллег, и опять Майсей, который, как озорной мальчишка пожимает и трясет взволнованно ее маленькую ладонь.

— Мария, ты царица. Поздравляю. У тебя талант, божий дар. Я твой двойной поклонник. Ты слышишь меня?

Она все слышала, еще как слышала! И в ней все пело, пела душа, сердце и было великолепное настроение. Ей хотелось кружиться, танцевать в неуловимом вальсе Штрауса.

Мария — ты царица, царица. И опять новые видения — она в белом подвенечном платье. Майсей бережно поднимает и несет ее на руках. Музыка, цветы. Море музыки и цветов и разноцветных радужных огней. А потом опять мгла. И Мария уже кричит в нее, в это космическое царство тьмы. Она зовет его, своего единственного, но его нет и быть не может, так как его нет в живых, и лежит он в чужой земле, под названием Испания.

Тот вечер, когда проходило сватовство, стало для него чем-то роковым, круто поменявшим его судьбу. Выходка Анатолия, вконец испортила праздничное настроение. Некий отпечаток чего тревожного, страшного лег между ними, и все это чувствовали.

Майсей, при всей своей сдержанности и воспитанности, был натурой эмоциональной. Он знал, что военная комиссия города негласно набирает добровольцев. Но попасть в этот список было фантастически трудно: желающих было хоть отбавляй. У всех на устах только и были эти крылатые слова — «Но пассаран!»

Майсей Ханукаев решил сражаться в рядах защитников Республиканской Испании.

— — — — —

Глава 7

Мама Мария, сделай меня зрячей...

*«Ты свят и Твое имя свято,
И святые (ангелы) будут изо дня
в день восхвалять Тебя»...*

(МАХЗОР. Сборник молитв)

Мария потеряла счет времени. Видения приходили и уходили. Они были цветными и черными, как вся ее жизнь. Картины и эпизоды, то проплывали перед ее глазами, как густой туман, медленно ползущий по склонам гор, то просматривались кинокадрами живой киноленты. Память сохранила все, порой она не могла понять сон, это или явь, а память перебирает четки дней и лет, выдавая «на гора» события минувшие и совсем еще свежие. Долгий сериал из ее собственной жизни, которому не было конца и края, разве что зрителем была она одна — Мария.

Родная школа. Она молодая, красивая, больше похожая на актрису, чем на педагога. В ней столько обаяния и теплоты. Она может стать кем угодно — врачом, инженером, актрисой, но выбирает школу и детей.

Переступив впервые порог школы, ее красотой все были удивлены. А склонный к юмору директор школы Зовлу Амиржуев то ли в шутку, то ли в серьез на педсовете дружелюбно сказал:

— Мария Михайловна, у нас проблема, не знаем, что и делать.

— Что за проблема, воспринимая всерьез его озадаченность и чуточку разволновавшись спросила Мария.

— Проблемы в том, что теперь все наши дети только и заняты тем, что приходят в школу, чтобы лишний раз посмотреть на вас.

— Тогда мне надо платить сверхурочные, с юмором ответила она.

И действительно, ее горская красота, могла не поразить, разве что слепого. Жаль, что в те времена не проводились конкурсы красоты, она была бы достойной королевой, вне всяких сомнений. Но ее это меньше всего волновала. Она даже не пользовалась косметикой, ее волновала работа, школа, дети, хотя именно за это, за ее красоту многие сверстницы ее и ненавидели, а ее волнения перед классом и ответственное отношение к работе многие просто не понимали?. Это было очень любопытное время, это были 30-е годы перед самой войной — время взлетов и падений, время челюскинцев и Чкалова. Это было время романтики, когда маленькие народности увидели свет знаний.

Ей было всего восемнадцать. Впервые переступив порог так называемой национальной школы, где предметы велись на горском языке, она растерялась, кроме нескольких малышей, за партами сидели почти ее ровестники. Неграмотных в то время было великое множество, были среди них и дети-сироты. И Мария понимала, что ее предназначение, как педагога и человека, дать всем им немного тепла и выдумки, что вообще-то совсем не вписывалось в рамки школьной программы. На одном из педсоветов, она сказала, кого мы воспитываем — машины, только знающие таблицу умножения и умеющие писать и читать, или интеллигентных людей, разбирающихся в искусстве, живописи и музыке. Ее не совсем поняли.

— У нас обычная рядовая школа для пролетариата, а не школа искусств, сказал директор. И просто сказать — надо приобщать, а где мы возьмем музыкальные инструменты, костюмы кто нам даст? Да и где возьмем просто место для репетиций, все это деньги, уважаемая Мария Михайловна, деньги...

— Можно я закончу свою мысль, она брала своей красотой и напористостью. Для этого не надо открывать филиал Большого театра, просто немного любви и желания. Столько способных ребят, жалко закапывать такое богатство в землю. Можно все сделать своими руками, и костюмы пошить, декорации сделать, было бы только желание, а от вас нам нужно только ваше благославление, и больше ничего...

— Конечно дело было хорошее, но как быть с инструкцией Наркомпроса, которые в любой мелочи видят нарушение.

— Ну, что ж, все свидетели, что я долго сопротивлялся, но боюсь прослыть душителем искусства. Я согласен, но имейте ввиду, что если посадят, сухари будете таскать мне лично вы...

— Я думаю, ваши опасения напрасны, до сухарей дело не дойдет, но уж если понадобится, то скинемся на ароматические московские пряники.

И школа стала ее вторым домом. Она рано приходила и поздно возвращалась, почти не бывала дома. Она добровольно отбирала самых трудных ребят, подростков, с которыми родители уже не могли совладать. Все удивлялись — Мария, зачем тебе эта ответственность, как-то раз сказала ей завуч школы Софья Цановна, говорю тебе как дочери, ты с ними намучаешься, ты же еще девочка, что ты сможешь с ними сделать?

— Я тоже не лыком шита, крепкий орешек. А потом все знает моего брата Иосифа, одно его имя сделают их нежнее шелка, все они не раз испытывали на себе его кулаки. Все равно он частенько приходит в школу, принося из дому чего-нибудь домашенького для меня, он у нас боксер и талантливый футболист, которого все крутые пацаны знают. И потом у меня с ними своя тактика, я с ними разговари-

ваю, как с равными. Им надо вернуть то невнимание, безразличие и несправедливость, которые они поимели сполна, дорогая Софья Цановна.

Это была первая школа для горских детей, и внимание к ней было чрезвычайно велико. Каких только комиссий здесь не было. Она была вроде-бы обычной и в тоже время уникальной, за этим экспериментом следили и в Москве, и на Северном Кавказе.

В то время, среди интеллектуалов шли ожесточенные споры вокруг татского языка — родного языка горских евреев. В нем участвовали простые смертные и всемирно-известные авторитеты и одним из них был академик Б.Миллер. Это были настоящие дискуссии о будущем родного языка — оставаться в плену давно устаревших догм и иллюзий, жить вчерашним днем, или поддаться реставрациям, новшествам. Речь шла прежде всего об алфавите и письменности. Мария получала письма из Азербайджана, Нальчика и Дербента. Авторы их были самые разные люди — ученые, исследователи, общественные деятели. Все они писали и просили высказать ее мнение, и несмотря на молодость в этом вопросе она была академиком. Она выступала на различных форумах, активах, о ней говорили, как о молодом, перспективном педагоге, писали во многих журналах, она в тайне готовила себя к научной работе, но пока об этом не говорила.

И конечно же, она не могла остаться в стороне от большого разговора. Эмоциональным было ее выступление на одном из форумов творческой интеллигенции, который проходил в Баку. Она страшно волновалась. Еще бы! Здесь собралось столько именитых людей, и они получают отовсюду благодарственные письма. Она яростная патриотка, любившая свой горский народ, как некто другой, племя вышедшие из рода Моисеевых и Иудеевых, и уходящее во времена прошлые и настоящие. Она никогда не кричала об этом, а делом и только делом продвигала свои идеи в жизнь. Мария не понимала этих неких борцов за идею, размахивающих руками, якобы борцов за национальные устои, считающих себя чуть ли не идеологами и вождями горского народа.

Одним из таких был Михаил Рабинович. Многие его знают, как Бен Геррарий. Мария не была с ним лично знакома, но много слышала о нем и частенько читала его статьи на родном языке, читала и его стихи. У него была своя линия и своя позиция, которая не совсем была понятна ей. Но даже ни разу не видя этого человека, она мысленно его нарисовала портрет и, как говорят математики, вычислила до одного сантиметра. Когда Мария впервые увидела его на этом форуме, ее удивлению не было конца — портрет почти стопроцентно совпадал. Бен Геррарий сам подошел к ней. Он был спортивного телосложения, матовый цвет лица оттеняли усы в стрелочку и аккуратно подстриженная бородка. Он был в черном костюме, в белоснежной рубашке и с «бабочкой». Подойдя к ней, он наклонился и поцеловал ей руку. Мария отметила знатную шевелюру волнистый волос, доходивших почти до плеч. Это был человек, отчаянно веривший в еврейского Бога, и где-то в глубине души, считавшим и себя таковым.

— Вам положен памятник при жизни, дорогая Мария Михайловна. Это не комплемент, я вообще не люблю делать комплементы. Я поклонник вашего таланта, и к тому же ваш коллега.

Это была их первая и последняя встреча. Она много знала о его большом самобытном таланте, литературе, идеалах сионизма, о его страстной борьбе за сохранения родного языка и обычаев. Он не признавал ни какой трансформации алфавита — только древнееврейский. И в своих стихах, пьесах и статьях он всегда оставался верен себе и никогда не скрывал ни от кого еврейской обособленности и национальной специфики. И именно это, превращало его в «белую ворону», в некоего сопротивленца, романтического бунтаря.

Мария давно мечтала встретить этого человека, но боялась ранить его каким-нибудь неосторожным словом. Он был литератором от бога, но совсем плохим дипломатом и политиком. Шли 30-е годы, время было поистине революционным, она не знала, как подступиться к этой теме и она решилась. Дорогой мой, Бен-Герарий, вы не

понимаете в какое время мы живем, и какие люди нас окружают, не говорящие на языке Мошияха. Но в чем моя вина, мой грех? А в том, что вы хотите, чтобы мы, горские жили обособленно, внутри себя, мы не можем, да и не имеем права назвать Дербент Иерусалимом. Мы не можем не говорить на русском языке, мы не можем образовывать свое государство, потому что мы уже живем в государстве. И мы обязаны, почитая свое искусство и культуру, любить и узнавать культуру и других народов. Проповедуя только свое зарождает ненависть других и мы не можем сделать татский язык государственным языком. Вы меня почти накаутировали, честно сказать я такого не ожидал, сказал Бен Геррарий, пристально вглядываясь в лицо своей собеседницы, словно он старался запомнить ее лицо.

— Я, романтик, Мария Михайловна, а это значит, что в какой-то мере революционер. Я просто страстно люблю свой родной горский народ, и хочу чтобы национальное сохранилось, не вымерло. Горские — это особая планета, это Атлантида, чудом выжившая во Вселенной...

Мария видела перед собой настоящего поэта, со своими убеждениями, и действительно революционными взглядами на мир.

— Я совсем недавно прочитала ваше стихотворение «Раны весны», перебила его Мария. Оно поэтически безупречно, столько образов, сочный язык.

— Но что, но?

Ваша идеология. Да, да. Ваша некудышняя идеология. Вы же умный, понимающий человек. Мы не живем на Святой Земле Первого Храма, обомнитесь, мой дорогой. Это другая страна, другая Россия и другой Кавказ. И не надо отвергать руку дающего. Революция дала нашим землякам, нашим братьям право на жизнь.

— Я, Мария Михайловна, прежде всего поэт, а не политик, — не на шутку разозлился Бен Геррарий, и меня волнуют прежде всего образы, а не статьи новой конституции.

Они еще долго спорили, но так и смогли убедить друга друга каждый в своей правоте.

Она сама не понимала из какого небытия выплыло это из ее памяти, и еще она не понимала почему именно этот эпизод ее жизни переплетается с еще одним — с судьбой одной девочки — Ева.

Она была одной из многих детей-сирот, которые прошли через ее жизнь. Круглая сирота из детдома, она привязалась к учительнице, Мария частенько забирала ее домой, ухаживала, заботилась о ней. И хотя каждая копейка была на счету, Мария не скупилась, делала девочке подарки, отдавала ей все свое душевное тепло и ласку. В гражданскую погиб ее отец, а через несколько лет от сердечного приступа умерла мать. Еву и ее брата Самуила после многих ходатайств и усилий в конце концов определили в один детдом, чтобы не разлучать детей, так как у них не было близких родственников. Ева, мечтала стать учительницей, она была не намного младше Марии, всего лет на пять-шесть. Но она называла ее нежно и ласково Мама Мария.

— Мама, Мария, сделай меня зрячей! — Мама Мария... Мама Мария...

Эти слова, как-будто бы из далека, из тумана доносились к Марии сюда, в эту темную, пропитанную человеческой кровью, противотанковой траншее, где ничком сидела Мария, не выпуская из рук маленького Ромку. И Ева предстала перед ней, как на яву. Как же она пришла сюда, она ведь на фронте. Ева.. Ева, шептала Мария. Глаза ее были плотно закрыты, но мозг безудержно продолжал вспоминать. Маленькая Ева. Вот она уже в городском комиссариате Махачкалы, на второй день после объявления войны, ей исполнилось ровно шестнадцать лет и комиссариате набирали добровольцев. Ее взяли, хотя и нехотя, шестнадцатилетних старались не брать. Один из комсомольских вожаков, был из одного детдома, и характеризовал ее как серьезную и ответственную девушку, на которого можно положиться, и который никогда не подведет.

— Если на радистку не тянет, то вполне подойдет в санитарки, — сказал, обращаясь к членам комиссии «адвокат» Евы. Он говорил убедительно и четко. Это, видимо действовало и офицеры сдались.

Прощание было грустным. Мария, умевшая держать себя в руках, едва сдерживала слезы. Ева плакала.

— Мама, Мария, — я обязательно вернусь, вот, увидите, вернусь...

Но маленькая Ева не вернулась. Она погибла в самом начале войны под Москвой, когда выносила раненного с поля боя. Извещение пришло на имя Марии, которую она считала своей матерью.

— Ева... Ева... Это ты? — шептали беззвучно высохшие губы Марии. Это было не видение и не сон — она бредила.

И воспаленный мозг, не переставая рисовал перед ней давно забытые картины из жизни. Они сменяли друг друга с молниеносной быстротой. Вот она уже в большом и многолюдном зале, в красивом особняке на набережной Махачкалы у «седого» Каспия, и опять встреча. Она приглашена на большой форум активисток из горской интеллигенции, где почетным гостем была сестра Ленина Мария Ильинична. Ей, Марии, всего двадцать с хвостиком, а она уже среди таких людей... Страшно сказать.. Салют, Мария! Далеко пойдешь.

До начала собрания руководство собрало на встречу самых молодых горенок, чьи имена были на слуху. Их и должны были представить сестре Владимира Ильича, она волновалась, как первоклассница и сама удивлялась своему состоянию. Мария Ильинична Ульянова была женщиной высокой, статной, с густыми каштановыми волосами, туго зачесанными назад, чем-то напоминала императрицу Екатерину Вторую. Почетная гостя сама подходила к каждому из собравшихся.

— Мария Ильинична, рекомендую вам нашу необыкновенную Марию, с гордостью сказал нарком просвещения, сопровождавший Ульянову.

— Она и впрямь необыкновенна, отметила она — красавица. У вас есть что-то античное, я бы хотела увидеться с вами завтра, приходите, я позабочусь, чтобы вас пропустили.

Но завтра, случилось «чп» с братом Иосифом. Конечно, Марии очень хотелось пообщаться с сестрой Ленина, но увы! Видно было не суждено состояться этой встрече.

За ней пришли в школу и сообщили, что что-то произошло с братом.

В семье Хайвата, мужественного и добропорядочного человека, который всегда носил в кармане красную партийную книжечку и верил в еврейского бога, росли шестеро детей — четыре девочки и два мальчика, Иосиф был предпоследним.

Глава 8

Не ходи, Хайват, в непманы...

*Да, заслужил я
жеребий мой!
Могучий конь
в степи чужой...*

(М. Ю. Лермонтов. «Мцыри»)

Хайват был сыном Гевриля — человека крутого и жестокого нрава и в округе все его немного побаивались. Он не только мог постоять за себя, но нередко заступался за незаслуженно обиженных. И земляки, ценя его мужество и справедливость, дали ему звучное имя Гебек, что означает «сильный». Его отец был грузинским евреем, еще в молодости высланный за пределы Грузии за неоднократную молодецкую удадь. Его признали зачинщиком какой-то поттасовки, которая закончилась трагически. Буйная кавказская кровь еще играла в Гебеке, хотя он уже был седобородым стариком, и на удивление всех, кто его знал, не смотря на трудности жизни физически был по-прежнему силен. Порой, он устраивал у себя дома, так называемые открытые поединки с молодыми парнями в перетяжке рук, немного

напоминая при этом великого воина Албании Скандербега, хотя никакого понятия о нем не имел и слыхом не слышивал. Гебек, безо всяких сомнений оправдывал свое прозвище и был по-настоящему бравым джигитом, хотя ему уже и перевалило за восемьдесят.

Хайват, его сын, был человеком мужественным, но мягким, добродушным и интеллигентным и красивым.

В далекой молодости он был лихим наездником, с которым никто из его сверстников не мог соперничать. Женился он по обычаю горского народа, без знакомства с невестой, не видя и не зная ее. В его времена национальный горский обычай строго запрещал знакомство с невестой до свадьбы. И Хайват решил, будь, что будет. Он не стал, как Аршин Мал Алан, прикидываться торговцем и ходить по домам, приглядывая себе подходящую пару.

И невеста оказалась очень симпатичной, смуглой девушкой. В его жизни было все, ему увлекало все новое, неизданное, романтическое. И когда началась гражданская, он пошел в красные партизаны, подчеркивая тем самым свою причастность к революции и новой жизни. Было время, когда за ним охотились деникинцы, бандиты белогвардейского полковника Бичехарова. Но у Хайваты было много друзей, которые всегда помогали ему. Вскоре пришла мирная жизнь, а с ней пришло что-то новое, а вернее, вернулось старое. Советская власть разрешила свободную торговлю. Это была новая экономическая политика, время НЭПа, и все связанное с этим временем — время свободной торговли, бандитизма и беспредела. Появилась новая прослойка людей, которая соединяла прошлое и настоящее. Непманы стали купцами нового революционного времени.

Хайват в поисках чего-то нового, меньше всего думая о сытой жизни, решил окунуться в новую сферу жизни. Он решил открыть вместе с другом лавку смешанных товаров. Друзья подшучивали над ним, называя его купцом.

— Эй, Хайват, ты что седло коня на купеческое кресло поменял. Оно, конечно мягче да и навар есть... Очень уж он нервничал, слыша это сравнение.

— Эй, вы, свободно гуляющий народ, хватит бездельничать, лучше займитесь делом: выберите что-нибудь для дома, для семьи. И вам польза, да и мне не скучно будет.

Какой из него купец — навару никакого, так детишкам на молочишко. Но он был доволен и этим. Но, как говорят «бедному жениться — ночь коротка...». Однажды, какие-то мракобесы разграбили и подожгли его магазин, и он потерял даже то, что было и красный партизан — непмановец теперь остался не то, чтобы без коня, но и без телеги. Но он был везучим человеком, несмотря на все невзгоды жизни. Вскоре, пытаясь помочь, появился один из родственников, некий Давид, который долго не решаясь, тоном заговорщика поведал ему, что в Батуми готовится к отплытию специальный пароход в Палестину. Есть возможность уехать на родину предков. Помнишь, как наши отцы и деды тайно производили в каждый еврейский праздник: «А ша на абаа ле Ерушалаим». Подумай Хайват, в любой момент могут закрыть выезд и запретить выезд. Счастье никогда само не идет в руки, за ним надо гнаться, как за быстрым оленем.

— Не понимаю, совсем не понимаю, растягивая слова, впиваясь своими голубыми глазами в собеседника, говорил он. Что я там забыл? Кто меня там ждет? Кому я там нужен? Я родился здесь, на этой земле. Здесь родился мой отец, дед, прадед и его дед. О какой земле предков ты говоришь? Никуда я не поеду...

Давид выслушав Хайвата терпеливо, сказал:

— Да ты родись хоть еще миллиона раз, но ты всегда был и будешь здесь чужим — евреем. Каким бы ты хорошим не был, ты — еврей, а каждой птицы должна быть своя стая. Давид не унимался. — Ну что тебе дала твоя революция? Ты ведь грамотный человек, реальное училище закончил, за новую власть живота не щадил, рисковал головой... И что ты получил за все это?

— Но я не делал этого ради чего-то такого для себя. Я — простой человек из пролетарского рода. Если нужно пойду копать землю, ведь нужно кому выполнять и черную работу. Да, я еврей, кавказец, горец, что в этом плохого?

Не любят дураков, а за светлую голову ненавидеть нельзя. Я не хочу никуда бежать. Лучше быть евреем там, где родился, чем беженцем на чужбине.

Но я не имею права отговаривать тебя Давид, продолжал он, желаю тебе всяческой удачи, везения, мужества и поможет тебе бог на еврейской родине. Может Еврейский Бог поможет и ты станешь там, ну чем-то вроде наркома и Бог даст там возродится еврейская родина. Вот тогда, мой дорогой, я, Хайват, буду первым человеком, который прилетит на крыльях ветра.

И Хайват не уехал на Землю Обетованную. И не потому, что он не был настоящим сыном еврейского народа. Напротив, все в округе знали, что Красный Хайват, как его величали близкие друзья, был настоящим евреем, соблюдавшим и чтившим еврейские традиции. Но у него на руках было шесть малолетних детей, из которых два пацана — Иосиф и Яша. Ехать с ними на чужбину, в туманную неизвестность, обречь их на голод, непредвиденные страдания было страшно.

— Я не могу, не имею права рисковать судьбой детей, — успокаивал он себя. Когда еще на той земле будет все еврейским? И будет ли вообще, — постоянно задавал он себе вопросы, успокаивая себя, чтобы убедиться в своей правоте.

Обладая острым, аналитическим умом, он сумел предвидеть и другое, не менее важное для его личной судьбы. Он правильно вычислил, что все эти нэпы и прочее канут в лета, и, даже не случилось бы этой неприятности с магазином, он все равно обязан был бы подумать и начать свою жизнь заново, с нуля и повернуть ее на 180 градусов.

После случившегося с его магазином, он не опустил руки. И вскоре, пошел учиться в рабфак прорабов, открывшийся на новом машиностроительном, считавшимся флагманом индустрии Республики, который имел всесоюзный статус. Он учился и работал на этом же заводе. За короткое время учебы и работы он сумел заметно отличиться своей технической грамотностью и изобретательностью. И сразу, после окончания учебы, его направили возглавить прарабский участок.

Дети его подростали, особенно радовали его дочь Мария и сын Иосиф, своим умом и серьезностью. Иосиф, не по годам взрослый всегда знал что к чему, всегда интересовался и переживал за всех близких, умел постоять не только за себя, но и за друзей и родных. Но не числился среди крутых, в свои 16 лет, к нему всегда с уважением относилась вся молодежь.

Он был невысокого роста, коренастым. Иосифа интересовало токарное дело, и он так же, как отец учился и работал на заводе. Он любил вытачивать детали, заниматься токарным делом.

Иосиф никогда не лез в драки, хотя разнимать других приходилось не раз.

За день до случившегося «чп» он пошел со своей девушкой на городские танцы и один из блатных решил «пощупать» его.

— Эй, ты, жид, оставь девчонку, я хочу сегодня с ней Понял?

— Не понял, — грубо ответил Иосиф. Если ты мужчина, то повтори, что ты сказал.

— Повторю, сколько тебе будет угодно. Я, Сулейман, повторяя сказанное..., он злобно выругался и собирался нанести удар Иосифу, но тот ловко, по-боксерски вывернувшись от удара, нанес ему два точных удара снизу вверх. «Сексуальный разбойник» рухнул, а Иосиф взял свою девушку и стремительно ушел.

На следующий день, конечно же его встречали. Выйдя после работы он не сразу заметил разношерстную группу уличных оболтусов, которые частенько слонялись по городу от нечего делать в поисках «подвигов». Но пройдя пару переулков, он услышал злостный окрик, его поджидала свора хулиганья, с криками — «Эй жид, пархатый, остановись...». Их было человек 10-15, они обступили его плотным кольцом, среди них он заметил и своего вчерашнего обидчика. Он понимал, что одним боксом тут не обойдешься, все вооружены кто чем, надо что-то предпринимать, или они разорвут его на части и, вспомнив, что у него в кармане имеется перочинный нож, он вытащил его и

полоснул одного из бандюг и держа его за горло сказал: у вас есть несколько секунд, или вы убирайтесь сейчас же, и уносите своего дружка, или я выпотрошу сейчас ему все кишки. Но они стали обступать его плотным кольцом, и он понимал, что выхода у него почти нет и ему придется сейчас находиться в роли гладиатора, которому в одиночку придется биться сразу с десятком озверелых головорезов. И вдруг, с криком, я здесь, Коля, на бешеной скорости на толпу неся старенький мотоцикл его друга Захара. Иосиф слету приземлился на него и они скрылись из виду. Приехав в безопасное место, Захар, остановил мотоцикл, рассказал, что девочки с завода шли мимо и увидели все происходящее. Ты бы видел в каком состоянии они примчались с плачем и криками, с трудом объяснили где тебя найти.

— Ты в порядке? Я-то в порядке, но одному из банды я врезал. Ты же слышал его вопли, думаю, они будут меня искать. Я не боюсь, я готов. Но на этот раз я точно отправлю кого-нибудь в рай. Они меня хорошо знают.

Ребята из округи знали его взрывной, грозный нрав, и звали его почему-то Колей, имя это закрепилось среди его друзей.

Вечером, Иосиф подробно рассказал все отцу. Выслушав Хайват сказал, послушай, сынок, они обязательно придут, тебе надо побыть немного у кого-нибудь из близких. Не моль им глаза, а я с ними разберусь сам. Они не такие уж крутые, если пошли на одного столько человек. Но он не за что не соглашался, боясь, что они могут сделать что-нибудь отцу и хотя Хайват его успокаивал, и говорил, что кишка у них тонка, он все-таки решил подстраховаться.

Прогноз Хайвата оправдался. В тот же вечер, в дом нагрянули незваные гости в их числе был и тот, которого Иосиф полоснул ножом. Было среди них и несколько человек в солидном возрасте, которые выложили окровавленную рубаху пострадавшего.

— Это работа вашего сына, произнес один из седобородых. Мы никуда заявлять не будем, но хотим видеть вашего сына и сами вынесем ему приговор.

Хайват набрался терпения, выслушал их. А затем сказал: «Вы дожили до седых волос, а ума не набрались. Нашу семью знают в Махачкале чуть ли не каждый человек, и не один из них не скажет про нас ничего дурного. И я готов вместе со своим сыном понести любое наказание, так как знаю, что Иосиф никогда без причины не обидел бы и мухи. А вот то, что 15 человек напали на одного человека, и есть этому свидетели — это факт. Сейчас мой сын выйдет к вам и с ним выйдут те, кто был свидетелем, этой потасовки, и если вы докажете его виновность я, лично изрублю его голову топором. Было видно, что его слова подействовали на них и он был рад, что сын остался дома, спрятаться — значит струсить.

Они переглянулись между собой и не сговариваясь, тихо вышли. На этом история с Иосифом закончилась. В семье, конечно понимали, что его не оставят в покое, и в конце-концов кончится все этой трагедией. Но так как не хотелось тратить время впустую, окапываться где-то у родственников, родных, было решено отправить его служить во флот, хотя и срок его еще не подошел. Помогли знакомые, связи, друзья, исправили в метриках год его рождения, объясняя всем, что сыну грозит опасность и Иосиф уехал добровольцем служить на Черноморский флот. Шел 1938 год. А в день его демобилизации началась Великая Отечественная война и Иосиф остался воевать.

Глава 9

Война

*Года летят, — и каждый дорог,
Покоя память не дает.
И, как зазубренный осколок
Она, война, во мне живет.
Война во мне, как кровь и нервы, —
Она одна и нет другой.
И всем погибшим в сорок первом
Я словно памятник живой.*

(Роман Бадалов)

— Мария, что случилось? Почему ты вернулась так рано с работы? И почему ты такая бледная? — один за другим задавал вопросы дочери Хайват.

— Отец, — с трудом переводя дыхание произнесла Мария. Отец, включи радио. Война, папа, война..

Хайват дрожащей рукой включил репродуктор, и.... «От советского информбюро...

Вскоре квартира Хайвата была переполнена людьми — один за другим входили соседи, знакомые — все молча слушали голос Левитана.

— Мария, возвращайся в школу, надо детям все объяснить, нельзя оставлять их одних.

— Папа, я только прибежала сообщить и бегу назад. Мама, присматривай за Ромкой, я скоро вернусь, наверно сегодня отпустим детей домой на день-два, пока не прояснится обстановка. Это было чуть больше года назад. За это время изменилось многое. События менялись стремительно. Пути господни неисповедимы... Разве могла думать тогда Мария о том, что вот так глупо и бессмысленно попадет в лапы к врагу.

Разгар лета 1942 года. Гитлер прорывался на Кавказ, где он мечтал захватить не только нефть, но натравить кавказский народ против русских.

— Если я получу нефть Майкопа и Грозного, я покончу с войной, заявил он своим генералам 1 июля 1942 года на совещании штабов группы армий «Юг», вскоре миф, непобедимой гитлеровской армии был рассеян. Но тогда, цель его наступления был южный фронт, он искал пути выхода к нефти. А также, расколото братское единство народов, населяющих эту благодатную землю. И вот тогда, к нему, фюреру придет успех, придет победа.

Уже весной 1942 года на советско-германском фронте обозначились масштабные и ожесточенные боевые действия. Советская армия теряла один за другим свои рубежи, это были дни поражений и потерь. В июне-июле немцам удалось выйти к Дону, взяв Ростов, создавалась реальная угроза Сталинграду и всему Северному Кавказу. Критическая ситуация создавалась на подступах к Сталинграду, город был переполнен беженцами и эвакуированными, улицы забиты машинами и подводами, уходящими из города. Была паника. Сталин проводит специальное совещание, на котором присутствуют Г.Жуков и А.Василевский. На повестке дня — критическая ситуация под Сталинградом и на Северном Кавказе.

В конце июля войска 6-й немецкой армии ценой невероятных потерь прорвала оборону советских войск и вышла на стратегический важный плацдарм — левый берег Дона. Встречаясь в Берлине с японским послом, Гитлер хвастливо заявлял ему: «Этим летом Советы будут разгромлены. Я решил предпринять сильнейший удар в направлении Кавказа. Нужно выйти к нефти».

В эти дни, за подписью Народного комиссара обороны, выходит приказ за № 227: «Ни шагу назад!»

Это было обращение ко всем командирам, генералам и рядовым солдатам. В нем были такие слова: «Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Выдержать удар врага, устоять перед его натиском — значит победить! Ни шагу назад!»

Это была суровая правда войны и жизни. Все понимали, что от выполнения этого приказа зависит судьба каждого человека, и судьба исхода войны.

В летописи Великой Отечественной войны началась новая страница невиданных подвигов. Враг отчаянно рвался к Сталинграду, город жестоко подвергался варварским налетам, спешившим сравнять город с землей. Погибали не только защитники города, но и мирные люди — женщины, старики и дети. Вот короткая запись из воспоминаний маршала А. И. Еременко:

«Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели в Сталинграде 23 августа, поразило всех нас, как тяжелый кошмар». Об этом он будет писать позже, после Победы.

А пока шли ожесточенные бои, а мир с затаенным дыханием следил за событиями. Вести с этих фронтов сразу же ложились на первые полосы газет и журналов, передавались телеграммами, из уст в уста.

Мария внимательно следила за ходом событий на Сталинградском фронте и родном Северном Кавказе. Она не пропускала ни одной информации, ни одного сообщения. Махачкала превратилась в прифронтовой город, где почти на каждой улице сооружались оборонительные укрепления и противотанковые «ежи». Почти каждую ночь местное радио сообщало о воздушной тревоге. Соседи решили соорудить что-то вроде бомбоубежища, и тут пригодился прарабский опыт Хайвата и по его чертежам коллективно соорудили прямо в центре двора узкое, но длинное бомбоубежище по всем правилам гражданской обороны. Но, если говорить начистоту, это была обыкновенная землянка, и угоди в нее вражеская бомба, или снаряд, она бы в мгновение превратилась в братскую могилу. Но сидя здесь, в ночной темноте под толстым слоем обыкновенной земли, каждый чувствовал себя в какой-то мере в безопасности и успокаивал себя и окружающих. Мария с Ромкой на руках тоже частенько спускалась в этот, так называемый бункер фюрера, как она в шутку называла дворовую землянку.

История во все времена, на протяжении всей человеческой жизни, порой совершает досадные, а иногда и просто роковые ошибки, не вписывая в свою летопись определенные вещи, ошибочно принимая их за «незначительное». В

эти июльские и августовские дни слово «Сталинград» было на устах у всех. Сталинград... Дом Павлова... Пайлюс... Газеты, радио, мировая кинохроника боялась пропустить хотя бы одну деталь из Сталинградской эпопеи. История, как и люди выбирает главное, забыв о том, что на земле нет ничего второстепенного. А в то же время...

Вечером, 5 сентября 1942 года немцы вошли в небольшой кавказский хутор «Менжинское». А чуть позже, где-то 29 октября они вошли и в столицу Кабарды — Нальчик. Вошли они и в другое поселение — Богдановку, в котором жили, в основном горские евреи. Так как значимость и масштабность боев в этих местах были поменьше, то и сводки с этих мест были не такими заметными. Сталинград был нужен Гитлеру, как ворота к грозненской и майкопской нефти, а совсем не потому, что город носил имя Сталина. — Я хотел достичь Волги, любой ценой, и чистая случайность, что этот город носит имя его вождя — Сталина, произнес он в одной из речей. Это важный порт, через который перевозится почти 10 миллионов тонн нефти. А это для нас сейчас, как хлеб.

Фашисты, переступая кавказский порог впервые, были осведомлены, что здесь живут горцы, а с ними надо держать ухо востро. Из Берлина была получена секретная депеша, в которой говорилось о необходимости вести на этой территории особо осторожно, чтобы не вызвать у населения чувства озлобления. Кавказцы, жившие в Манжирском из горских евреев, были родом из Дагестана, когда-то бросившие свои дома и хозяйства, из-за кулачества. Они почти ничем не отличались от настоящих горцев Кавказа, а немцам и в голову не приходило, что эти люди — евреи. Они просились к ним на квартиры, разрешали работать, вели себя, как истинные джентельмены. Пока не появились первые полиция из числа русских, армян, осетин и казаков. Уже через несколько дней был издан немецкий указ который извещал о том, что все евреи хутора будут все как один перевезены на другое место жительства. Рано утром всех погрузили на подводы и под военизированной охраной направили в сторону старого леса.

Предатели нашлись и в Моздоке. И здесь были облавы. Под предлогом оборонительных сооружений на территории старого кирпичного завода их заставляли рыть широкий котлован, а затем привозили сюда и зверски расстреливали. Такое же были и в Богдановке и в Нальчике.

В Богдановке немцы искали синагогу. Но в селе не было синагоги. И в канун Судного дня, перед самым зажжением свечей, они по одному загнали всех горских в здание клуба и заперли. На следующее утро им дали в руки лопаты, сказав, что они должны работать на великую Германию. Ночью, окна всех жителей Богдановки замазали густой известью. А евреев повели, уже к готовой выротовой траншее. Женщины и дети кричали, плакали, старики молились, скошенные непрерывной стрельбой, они падали, стоя на краю траншеи в яму. Когда передовые части Советской армии ворвались в село, перед их взором предстала жуткая картины, тела не были даже засыпаны землей, и над еще не остывшими трупами клубился густой туман.

Картина была нечеловеческой, обезумевшие от увиденного, женщины сидя прямо у кромки траншеи выли, на их плачь собирались, как на тревожный набат люди, жившие в окрестностях хутора. Многие бросались в яму, пытаясь среди трупов опознать своих близких. Приехали представители власти из Ставрополя. Как же так, могло случиться, что евреи оказались брошенными на произвол судьбы, ведь о собаках, домашнем скоте позаботились, а о людях позабыли, кричали они друг на друга. Приезжие чины пытались всячески оправдываться.

— Глупости. Просто попали врасплох. И вдруг, в многолюдной толпе, собравшихся у скорбного котлована одна из женщин узнала одного из предателей — полиция, работавшего до войны в райкоме партии Житько. Нашлись и другие, которые своими глазами видели, как он, в числе других гнал кавказцев на расстрел. Она бросилась на него, со всей силой, тряся его, как глинянный кувшин со свежим молоком, словно отбивая масло.

— Пурим, ты еще жива, сука старая? Как же так? Как же ты улинула? А Пурим, уже почти не осознавая ничего, в

одночасье потерявшая трех сыновей и превратившись из 45 летней женщины в глубокую, дряхлую старуху, впиалась в его лицо, царапая до крови.

— Граждане, раступитесь, пожалуйста. Несколько сотрудников НКВД, с трудом пробивались к месту трагедии. Житько с трудом оторвали от нее и конечно тут же арестовали.

* * *

Даже временами теряя сознание, Мария каким-то непонятным чувством самосохранения, не выпускала Ромку из рук. Сознание то приходило к ней, то она вновь погружалась в черный мрак. Собирая последние силы, упираясь локтями в тела убитых, она старалась удержаться наверху, чтобы не быть задушенной бесчисленными трупами. Она не могла понять сколько времени она находится в этом аду, где мрак смешался с кровью, а прежний страх отошел куда-то далеко-далеко, как души этих убиенных, которым уже все равно где лежать.

Но вдруг, в очередной раз придя в себя, Мария как бы издалека, услышала обрывки фраз, на чистейшем русском языке:

— Сколько убитых, товарищ полковник! Без эмоций, — товарищ военврач, — немного грубовато, по-солдатски прервал его полковник. Давайте начинать работу. Проверьте тщательно каждого расстрелянного, может быть есть шанс спасти хоть кого-то.

Когда молоденькие санитарки спустившись в яму увидели среди неподвижных тел, сидящую на корточках Марию с ребенком на руках, они не то от волнения, не то от радости хором закричали:

— Товарищ полковник, есть живые!

Мария все время, находясь в этом кошмаре, боялась только одного — плача Ромки, но он, как-будто чувствуя опасность, выдержал это испытание.

— Ну, мамаша, ты счастливый человек, можно сказать родилась в рубашке. Ну, малыш, как дела, родной, сказал

полковник нежно принимая Ромку на руки. И стоявшие рядом санитарки увидели, как у бывалого фронтовика покатались слезы. В этот же день, армейские санитары вытащили из ямы смерти еще с десятков живых трупов — тяжело раненных, контуженных и перенесших страх смерти.

Марию с Ромкой поместили в один из военных госпиталей в Дзаудижкау. Военврач госпиталя во время каждого обхода непременно шутил с Ромкой, который уже малюпому начал забывать о том ужасе, в котором он оказался с мамой.

— Ну, сын полка, как настроение?

Скоро представим тебя к награде за мужество, понял?

Ромке было три года и он мало, что понимал в шутливой философии большого рыжебородого дяди в белом халате. И лишь, когда тот протягивал ему шоколадку, он реагировал на это, как на нечто знакомое, пришедшее к нему из прежней знакомой ему жизни.

— — — — —

Глава 10

Откуда в парне испанская кровь?

*Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно памятный привет.*

(М. Ю. Лермонтов. «М. Соломирской»)

Тот печально-памятный вечер, когда было намечено обручение Майсея с Марией, столкновение с Анатолием оставило на душе Майсея чувство досады и горькой обиды. Но, как умный и рассудительный человек, он прекрасно понимал, что в том нет вины Марии. Все это было настолько неожиданным, что ввело его в шоковое состояние и не только его, но всех родных и близких, поскольку очень уж открыто-оскорбитель-

ным был этот совсем уж не джентельменский выпад. Надо было после этого прийти в себя. Хотелось одного, уединиться и как-бы смыть с себя грязь оскорбления, которой незаслуженно был испачкан Майсей. Он хорошо знал свой собственный характер, что врядли в скором времени сможет простить и забыть все, что произошло. И почти неожиданно у него созрело решение. Он имел информацию о том, что идет набор молодых парней, добровольцев в Испанию из рядов республиканских бойцов. Вполне возможно, этим объяснялось и мужество горцев и некая внешняя схожесть. Ему обещали помочь, посодействовать прошению, вопрос мог решиться со дня на день и он решил поговорить с Марией. Майсей подошел к последнему уроку и ждал ее у проходной.

— Почему ты здесь ждешь меня? — удивилась Мария. Она чувствовала, что он хочет сказать ей что-то важное для них обоих, что может повернуть всю их судьбу. Говори, не мучайся, я все пойму правильно.

— Моя родная, — как-то неожиданно сентиментально начал он, — в жизни человека бывают моменты, когда ему хочется убежать, скрыться, уединиться от всего белого света.

— И ты решил бежать? — немного с иронией спросила Мария.

— Мария, я не шучу, это правда. Человек, как аккумулятор, и его временами надо подзаряживать. Он сделал небольшую паузу, желая оценить ее реакцию. Но ему это не удалось. Лицо у нее сделалось каменным, неподступным, глаза поблекли, устремясь куда-то в даль. Майсей даже испугался. Он нежно взял ее руку в свои большие ладони. — Мария, ты слышишь меня?

— Да, слышу. Спасибо за исповедь. Я и не думала, что ты такой трусливый. От себя не убежишь. Если не секрет, куда же ты все-таки собрался? Или, может быть это великая тайна? Говори же, не молчи.

— Извини, но пока я ничего сказать тебе не могу, — тихо сказал он.

— И даже адреса не оставишь? — заволновалась Мария.

Пока, не могу, поверь мне, так как у меня его нет. Я подписался добровольцем в Испанию и еду на войну.

— Ты едешь погибнуть? — резко оборвала его она.

— Ну что ты выдумала, я непременно вернусь. Вот увидишь, я ужасно не люблю слова прощания, лучше уж у прочту тебе стихи:

*Не позабудьте сладкий миг
В душе обидой не терзайтесь
Ах, этой жизни вечный крик, —
Уйдя на миг — на век прощайтесь.*

Мария понимала, что это конец ее счастливой жизни и ее любви, крушение всех ее надежд. По сводкам она знала, что сейчас происходит в той далекой от них земле — баррикады, кровь, смерть...

Тысячи молодых парней принимали такое же решение, как и Майсей и шли на спасение чужих по крови, но близких по духу им людей. И никто не мог знать, что пройдут годы и через шесть лет молодой сын испанского народа — сын Доллорес, из чистых испанских кровей — Рубен Ибаррури совершит свой подвиг на подступах к Сталинграду, на их, Майсея и Марии земле. Но это будет потом. И Майсей никогда не узнает об этом...

Это случилось в центре Мадрида, через пять месяцев после его приезда. Шли последние ожесточенные бои. Франко сжимал кольцом республиканцев. И в немалой степени помогали ему в этом brave солдаты с берегов Рейна, новоявленного фюрера Адольфа Гитлера.

Это был его последний бой, далеко от его родины, в далеке от родных берегов Каспия. Множество танков, сопровождаемые сотней автоматчиков, яростно пошли на штурм небольшого укрепления, которое в последние дни превратилось в цитадель мужества и героизма. Неоднократно пытались перейти этот рубеж враги, но каждый раз наткнулись на невиданный отпор, героизм его защитников. Но на этот раз подключилась авиация, пытавшаяся с помощью бомб новейшей конструкции смешать с землей защитников, и старинный замок, в котором они засели. Все слилось в одно черно-красное облако, превращая его в остров ада и

смерти. Майсей был ранен в ногу. Он уж не мог свободно передвигаться, пришлось ползти. С каждой минутой боль становилась все больше и больше, она становилась невыносима, он даже не стал звать единственную, оставшую в живых санитарку, кстати свою землячку, Зою, которая автоматными очередями давала отпор врагу.

Смотри, как лезут, суки, выругался Майсей, и ценой больших усилий, заставил себя подняться, облокотившись на невысокий каменный выступ. Он успел сделать всего несколько очередей из автомата, как увидел, что патроны закончились, тогда он достал из сапог «лимонки» и стал их бросать одну за другой, хотел бросить в очередной раз, как вдруг его грудь пронзило что-то необыкновенно горячее, что жгло его, как раскаленное железо. Майсей падал медленно, жадно хватая ртом воздух и цепляясь за покрытые мхом камни. Он упал мгновенно, как скошенный стог сена, лежал с широко открытыми голубыми глазами и умирал под чужим небом, на чужой земле, и под чужим именем — Патрис.

Там, где-то далеко, далеко осталась его земля, древний Дербент, и его Мария...

— — — — —

Глава 11

Чужого горя не бывает

*Его душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье...*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

В те невыносимо тяжелые дни и месяцы 1942-43 годов, когда фашисты предпринимали и делали все возможное и невозможное, чтобы пробиться к Сталинграду, бои на Северном Кавказе отмечались особенной жестокостью и широкомасштабностью. Цена каждого боя была невероятно дорога, а цена поражения приближала конец. Это понима-

ли и те, и другие. Но, если Сталинград открывал перед Вермахтом и Гитлером, помимо морального и психологического превосходства, новые стратегические и транспортные узлы, то Северный Кавказ — это была борьба за нефть. Налеты на Грозный не прекращались ни днем, ни ночью. Кажалось, что горит само небо, когда загорались нефтехранилища, отсвечивая небо на сотни километров вплоть до Махачкалы.

Горящие потоки бензина и нефти лавиной хлынули в буйный Терек, и уже начала гореть вода. Горела все, что могло и не могло гореть — асфальт, телефонные и электрические столбы, грузовые машины и трамваи, замершие на своих остановках. И все это на фоне свиста летящих бомб, и взрывов, от которых в ушах лопались перепонки, плача детей, душераздирающих криков о помощи.

Махачкала также входила в планы Гитлера, значившейся на его оперативной секретной карте. Отсюда он планировал прорваться в Баку и захватить через Каспий в двойное кольцо Персию. Но северо-кавказский фронт оказался крепким орешком, как и Сталинградский, на котором фюрер поломал свои зубы. Бои шли в горах Кабарды, где воевала специально обученная группа «Эдельвейс». Бои шли на подступах к Орджоникидзе, Моздока и на других стратегически важных направлениях. Но пока Махачкала была тылом. Школы были превращены в госпитали, машины то и дело подвозили раненных, подобранных санитарями. Не узнать было теперь когда-то знаменитую школу №2 на Комсомольской улице. Военные машины скорой помощи зеленовато-темного цвета, то и дело подвозили прямо во двор очередную партию раненных, подобранных санитарями, всего несколько часов назад с поля боя. Среди них были и очень тяжелые, и почти умирающие, так и прийдя в сознание. Таким же госпиталем стал и школа №14 на Марковой, которая была в двух шагах от родительского дома Марии. В школьный пейзаж вписались полевые закопченные кухни, санитарные машины, солдаты и офицеры, пританцовывавшие на костылях. Вместо игровых и цветочных площадок, торопливо заняли место противотанковые «ежи» и ши-

рокие каменные укрепления, что-то наподобие дзотов. Военские части была расквартированы по местным дворам, на сколько это было возможным. Солдаты жили и в родительском доме Марии. Она жалела их, как родных и близких, и думала о своем брате Иосифе, так рано ушедшем из дома, и познавшим всю горечь военной жизни. Где он теперь? Быть может вот также в чьем-то дома. А ведь впереди у них бои, и один бог знает, когда это закончится и сколько им суждено жить. И постоянно она думала о брате Иосифе, так рано начавшем военную жизнь, хлебнувшим всю горечь солдатской жизни. Где он теперь, быть может вот так же в чьем-то чужом доме мыкается.

Она помогла им чем могла — то гимнастерку заштопает, то сбегает на почту, то чай заваривала. Маленький Ромка стал любимцем всех солдат. Со вьющимися волосами, с румянцем на щеках вызывал у этих прокуренной крепкой махоркой солдат, воспоминания о далеком доме, о своих оставленных детях. И он, в свою очередь привязался к ним, к этим чужим для него людям и не сходил с их рук, меняя одного солдата на другого, балагурия что-то непонятное своим картавым языком.

В доме знали, что Мария не переносит запах крови, и удивлялись тому, как она решилась пойти на ускоренные курсы медсестер, для того, чтобы потом, без всякой оплаты помогать в госпитале. Ей помогала ее решительность, присутствующая с детства. Закончив курсы, она с головой ушла в работу, в новое для не дело.

— Глаза боятся, а руки делают свое дело, — часто говорила пожилая медсестра, видя робость молодых девушек. — И я раньше боялась, привычка — великое дело.

Но время для привыкания не было. Мария в основном делала черную работы — собирала по палатам грязные бинты, делала уборку, кормила с рук тяжело больных.

Госпиталь жил без перерыва и отдыха, раненных подвозили несколько раз в день. Хирурги неделями не уходили домой. Постепенно она стала привыкать, но ко всему привыкнуть невозможно, да и некогда, работы было много. Как-то придя на дежурство, она не поверила своим гла-

зам. В палате для тяжело больных она увидела загибсованного, забинтованного, до боли знакомого человека — это был ее коллега по школе. Он лежал с закрытыми глазами, возле него сидела медсестра. Заметив встревоженный взгляд Марии она спросила:

— Знакомый? Родственник? Кто?

— Вместе работали. Учитель физкультуры. Известный спортсмен, чемпион республики. Что с ним, Павловна? Так звали медсестру. Они вышел из палаты, Павловна закурила популярные в то время папиросы «Казбек» и сказала, что ему ампутировали обе ноги, пока он под наркозом. Через несколько дней с ним можно будет поговорить, утешить.

У него в Махачкале была невеста, грустно вспомнила Мария, должны были сыграть свадьбу грустно сказал Мария. Эх, проклятая война, все искалечила...

Через несколько дней Мария вошла в палату, Давид лежал задумчивый, с широко открытыми глазами. От нахлынувшего волнения она не могла выговорить ни слова. На помощь пришла Павловна.

— Давид, познакомься, это наша Мария.

Давид вдруг очнулся и пристально посмотрел:

— Марья Михайловна, это вы? Родная вы моя.

И по его щекам потекли скупые мужские слезы. Мария подошла к нему и нежно поцеловала. Затем села рядышком и стала причесывать его растрепанные и влажные волосы.

— Дома знают? — спросила она. — Надо сообщить.

— Нет, Мария. Я не хочу быть никому обузой. Очень прошу не говори никому, ни близким, ни знакомым, особенно Берте. Я не хочу, чтобы она видела меня таким, пусть лучше думают, что я погиб.

— Но у тебя жива мать, — не унималась Мария.

— Я умер для всех, понимаешь, умер. Я знаю, что ты сумеешь сдержать слово, я верю тебе, Мария.

Это было тяжелым для нее испытанием, чем когда она с маленьким Ромкой оказалась в руках у полицаяев, а затем полуживая лежала среди мертвых и живых, среди крови, тьмы и ада, но она должна была молчать. Сердце и душа разрывались от жалости, а глаза плакали.

Глава 12

Письмо медлительнее пули

*Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой...*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Письма от Иосифа приходили домой нерегулярно: то каждый месяц, то месяцами не было никаких известий. Каждый день, приходя домой, после перенесенного ее тяжелого рабочего дня она начинала, как могла успокаивать домашних, ведь он не курорте и у него просто напросто нет времени, и воюет он на одной из самой горячей точке.

С первых дней войны Иосиф уже был настоящим морским «волком». Фашисты бросили на крымское направление свои отборные части. Защитники Новороссийска и Керчи оказались в тяжелейшем, если не критическом положении. От Иосифа долго не было никакой весточки.

— Будет счастья, если он выйдет из этого ада живым, отвечал Хайват, на многочисленные вопросы знакомых о судьбе их сына.

Но на этом этапе он выжил всем смертям назло. И в коротком письме, сообщил, что с ним приключилось под Керчью, и о том, как он выжил, что теперь он в танковых частях особого назначения и ждет час от часа отправки на Сталинградский фронт.

— Мои дорогие, — писал Иосиф, — не волнуйтесь. Все будет хорошо, я надеюсь.

И приписка для Марии.

Дорогая Мария, поцелуй за меня племяншку Ромку, скажи ему, что дядя вернется с победой. Береги себя. Я так люблю тебя. Ты самая красивая, умная и самая добрая. С наступающим Вас Новым годом!

Ваш сын и брат Иосиф.

— Из огня, да в пекло, — нервно ворчал Хайват, когда закончила чтение письма Мария.

Все знали, что, начиная с 1942 года Сталинград и Сталинградский фронт превратился в центр ожесточенной борьбы. За героическими буднями защитников Сталинграда в эти дни следил весь мир. Судьба Сталинграда решала не только исход войны, но и судьбу мира. Мария молила Бога, чтобы он был милосерден к ее брату. Она знала, что положение на этом участке фронта очень серьезное, и что враг находится от Сталинграда совсем близко. Танковые немецкие дивизии заняли один из важных плацдармов на левом берегу Дона. Кольцо вокруг Сталинграда сжималось. Командующий 6-й немецкой армии Паулюс ввел в бои сразу 12 отборных дивизий. В этой ситуации создавалась реальная угроза прорыва немецких войск в Сталинград. Ставка решила нанести учреждающий удар по гитлеровцам. В помощь основным ударным группировкам были выделены 24-я и 66-я резервные армии.

За героическими буднями защитников Сталинграда в эти дни следил весь мир. И это было не случайно. Судьба Сталинграда решала не только судьбу войны и мира. Мария постоянно следила за развитиями на этом участке фронта. Она молила Бога, чтобы он был милосерден к ее брату. Однажды ей попала в руки газета «Правда», в которой она прочитала репортаж с места событий, одного из военкоров о доблестных защитниках «Дома Павлова».

Самый обычный жилой дом, расположенный на улице Пензенской, превратился в настоящую крепость, в невиданный бастион героев. Мария жадно вникала в каждое слово и в каждое предложение этого репортажа о горсточке советских солдат, которых не могли одолеть свыше 100 фашистских автоматчиков.

— Папа, папа, — радостно возбужденно сказал Мария, вернувшись с работы.

— Что, письмо от Иосифа? — переспросил Хайват, заметно постаревший за это время.

— Нет, папа, другое. Но это тоже, связано с ним. Ровно два месяца гитлеровцы штурмовали «Дома Павлова» и не могли побороть горсточку солдат, и что удивительно, что у стен этого дома полегло столько немецких солдат, сколько при взятии Парижа.

Она по несколько раз перечитывала письмо от Иосифа, те моменты, где он описывал картину происходящего на подступах к Сталинграду и строки из статьи, где говорилось о провале гитлеровской армии, потерпевшей поражение на этом клочке земли, она читала вслух, когда вся семья собиралась на короткое время, особенно она это делала ради отца.

— Папа, вот послушай, — говорила Мария, с особым пафосом, что говорят немецкие офицеры, которые совсем недавно выглядели перед всем миром непобедимыми рыцарями. Послушай, что пишут в газете «Правда».

— Это ад на земле, это Красный Варден. Нам не удастся продвинуться ни на метр земли. Русские отбрасывают нас, как резиновый мяч. И подпись: обер-ефрейтор Штайнлиц.

А вот еще одно.

— Две недели назад, когда мы вошли в Сталинград, нас было 250 человек. Сейчас осталось в живых только 30. Все остальные убиты, или тяжело раненные. С минуты на минуту жду своего часа.

Ефрейтор Гельмут Бинке.

— Русские дерутся здесь, презирая смерть до самого последнего вздоха. Если есть на земле ад, то имя ему — Сталинград.

Солдат Гельмут Отто.

Мария не знала, как поддержать отца, и чувствовала, его переживания, как свои. Она знала, как много пережил в жизни этот человек, сколько утрат повидал на своем веку, она знала, как ей самой тяжело на душе.

Память нет-нет, временами напоминала ей о том, что ей самой пришлось пережить, тот кошмар, так похожий на сон, ей до сих пор не верилось, что это она, Мария, выдержала все это.

Но вспоминались и минуту гордости за свой народ. Когда Гитлер повернул на Кавказ, он наивно полагал, что горцы, бросятся ему в объятия, как к долгожданному своему спасителю. Но не тут-то было. Горцы, познавшие всю тяжесть прошлой, беспросветной жизни, вопреки его желанию, наоборот, сплотились, стали ближе друг к другу, давая

отпор врагу, и отвергая слухи о ненависти русских к малым народам. В каждом селе, городе, поселке проходили бесчисленные митинги, собрания, на которых горцы выражали свою любовь к Родине, и готовность любой ценой своей жизни защитить ее.

Глава 11

Ирония судьбы

*...Моя ж печаль бессменна тут, —
И ей конца, как мне не будет,
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей.*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Шел апрель 1947 года. Еврейской школы уже не было. Ее закрыли в первый же год войны. Но, как в старые добрые времена, к удивлению всех и вся, по-прежнему процветал пригородный еврейский колхоз имени Сталина. Может быть, в этом и был секрет его живучести и долголетия. Еще война была в разгаре, когда руководство колхоза уговорило Марию стать заведующей колхозного детского сада, учитывая ее богатый педагогический опыт и умение прекрасно работать с детьми. И Мария безо всяких, согласилась, выдвинув единственное условие — дети должны быть сытыми.

— Марья Михайловна, о чем вы говорите. Хозяйство у нас свое. Даю вам гарантию, — сказал зам.пред. по хозяйственной части Бирор.

Работа Марие нравилась. В этот же детский сад она водила и Ромку, который заметно подрос, поправился и Мария уже готовила его к школе. Все постепенно обустроивалось. Немного затихали душевные раны и она тоже постепенно начинала забывать ужасы войны.

Но однажды, придя с работы, она увидела мать заплаканной, у Марии защимило сердце.

— Мама, что случилось? — спросила она мать.

Я точно не знаю, папа тебе все объяснит. Вернувшись с работы Хайват, рассказал Марие, что на ее имя пришла повестка из органов.

— А точнее, переспросила Мария, точнее.

— Из ведомства генерала Маркарена, кстати, нашего соседа по улице, — ответил Хайват.

Но тебе нечего волноваться, Мария, ты ничего плохого не сделала, ничего не украла, честно работаешь и может быть вообще по ошибке вызвали. А может, хотят предложить другую работу, тебя ведь все знают, как великую учительницу.

— Папа, перестань, мне не до шуток.

— А я и не шучу, и тут же добавил — повестка на 10 утра. Надо предупредить начальство и отпроситься с работы.

Утром Хайват всячески уговаривал Марию, чтобы она разрешила ему сопровождать ее. Мне будет спокойней, просил он.

— Папа, я взрослая женщина и меня не надо сопровождать.

Без четверти десять Мария уже сидела в приемной. Молодой капитан вежливо попросил у нее повестку и предложил сесть.

Вчерашнего волнения уже не было, может и в правду работу хотят предложить. Она стала терпеливо ждать и так ушла в свои мысли, что не заметила, как капитан подошел к ней.

— Извините, задумалась.

— Ничего, бывает, генерал задерживается, посидите, почитайте. Встреча состоялась только через пять часов. Она вошла в просторный кабинет, усталый добротной

ковровой дорожкой. Генерал — был человеком высокого роста, с коротко постриженными усами на широком багрово-красном лице, напоминающим белогвардейских казачьих офицеров. Его имя было на слуху, и не потому, что он занимал такой высокий пост, а потому, что он слыл большим интернационалистом. Его могли видеть на праздниках, или похоронах любого простого семейства, за традиционными праздничными столами.

Он жил на улице Оскара, в небольшом двухэтажном доме из красного кирпича, по соседству с ним жили и семьи других сотрудников. Было у него строгое расписание — 8.30 к особняку подъезжал черный ЗИМ, пацаны с восторгом смотрели на живого генерала с лампасами на строгих темно-синих штанинах. Он спокойно садился в машину, это же повторялось в середине дня, когда он с педантичной точностью приезжал домой на обед. И несмотря на всю власть в его руках, грозный вид, устрашающий генеральский мундир, придававший его облику еще нечто более устрашающее, он был очень домашним человеком. В семье было трое взрослых детей — два сына и дочь. Старший сын был небольшого роста, с желтовато-измученным лицом, он хромотал. Его хромота была связана с его давней болезнью, работал он в больнице и слыл знающим хирургом. Младшего сына звали Рэм. Он был точной копией отца.

Дочь — рослая, видная девчина, с широким лицом, на котором во всю играл румянец. Волнистые, черные волосы спадали ей на плечи, как вьющийся шолковый водопад. Она чем-то напоминала княжну Мэри из лермонтовского «Героя нашего времени», ту самую, которая поначалу так страстно добивалась Печорина.

Потом, уже спустя годы, когда умер Сталин и на трон вошел Никита Хрущев, семья генерал Маркарена переживает не самые счастливые дни в своей жизни. Его обвинят в сообщничестве с Берия и как врага народа расстреляют. Но до этого будет закрытый суд и рядом с ним будет сидеть еще и другой кавказец — Багиров, тот самый большевик №1 Азербайджана, друг и соратник Сталина. Всего за несколько недель генерал постарел, у него уже не было того

величия и все чаще он стал обходиться без черной машины, идя пешком, опираясь на толстую трость. Он шел медленно по той же знакомой ему Оскара, по шумному махачкалинскому «Брайтен-Бич», останавливался, чтобы перевести дыхание и вновь продолжал свой путь.

Но это потом, через года. А сейчас, он находился в самом хорошем расположении духа.

Он предложил Марии сесть, указывая на стоящее рядом с его столом кресло.

— Чем обязана, и за что такая честь? — сразу перешла в наступление Мария.

— О, Мария Михайловна, — расхохотался хозяин просторного кабинета. А вы, аналитик, вот бы мне таких работников. Но, ближе к делу. Дело касается событий давно минувших дней. Надеюсь, что у вас с памятью все в порядке, и вы поможете мне разобраться в одном деле. После этого была сделана небольшая пауза, как-бы на обдумывание.

У Марии не дрогнул ни один мускул, она сидела совершенно спокойно, как бы думая о чем-то своем.

Он начал свой рассказ медленно, растягивая слова, как бы вытягивая их из-под земли.

— Вы когда-нибудь встречались с Бен Герарием?

— Ах вот, откуда дует ветер, промелькнуло у нее в голове. Да, встречалась, и не раз, на различных форумах, конференциях, вечерах горской культуры. В этом есть, что-нибудь предосудительное?

— Как бы вам лучше объяснить, Мария Михайловна, это человек фигура однозная, с вражеской идеологией, саботажник и в какой-то мере — враг советской власти.

— Мой генерал, вспыхнула Мария, невозможно заставить всех людей одинаково мыслить, и как мне кажется, идеология это образ мышления.

— Ошибаетесь, Мария Михайловна. Идеология — это не мышление, это позиция человека, это его убеждения. Так вот, у этого самого Бен Герария, идеология была враждебная.

— А почему была? — спросила Мария.

— Потому, что отбывает он теперь свой срок на Колыме, спасибо, что еще не расстреляли.

— Скажите, а что вы хотели узнать от меня, какое отношение имеет эта история ко мне?

— Все это было бы навечно забыто в архивах, но вот в чем штука, Бен Герарий подал на апелляцию и вот все опять и всплыло. А вы, пожалуйста не волнуйтесь, для вас это простая формальность. А ведь знаете, кем оказался это самый Герарий — сионистским агентом, собирал денежные средства для будущего Эрец Исраэль. А поэзия, пьесы и спектакли — все это только преккрытие. Ну, что вы скажите теперь?

— Я знаю о том, что он ратовал за возрождение культуры, традиций и письменности, ведь у горских, как и всех народов Кавказа богатая история — древний Дербент, персидское нашествие... Она пристально посмотрела на генерала, убедившись, что он слушает ее внимательно она продолжила. Я, конечно не прокурор, и не следователь Особого отдела и ни имею права осуждать или оправдывать чьи-либо действия. Но разве можно судить человека за его патриотизм?.

— Мария Михайловна, прервал ее генерал, скажите спасибо вашему еврейскому Богу, что вас не тронули, только за то, что вы являлись слушательницей его крамольных выступлений, а то ведь и вы могли «загреметь» вместе с ним.

Вообщем так, вы явились просто жертвой обмана. Но у меня есть к вам и второй вопрос, можно сказать, личный. И речь пойдет об Анатолии Бэбэле. Я думаю, что вы не забыли его имя?

— Это мой муж, сказала Мария, чего уж тут забывать.

— У вас, кажется есть ребенок? — спросил генерал.

— Да, сын, четко ответила она.

— Вы знали, что он готовится к побегу? Что вы знали о его связях? Куда он мог уехать? И сколько времени вы с ним жили?

— Да, просто, как на вступительных экзаменах, — пошутила Мария, хотя ей было не до шуток, так как все

прошлое нахлынуло на нее чудовищной волной воспоминаний.

— Какое же это бегство, когда он заказал мне на ужин сделать пельмени, позвал друзей, у него был день рождения.

Я пришла с работы пораньше, с подружками стали лепить пельмени, через пару часов стали приходить гости, но Анатолий ни в этот вечер, ни завтра утром, ни послезавтра не явился. Исчез, как иголка в стоге сена. И только, когда пришли с ордером на его арест, я поняла, что произошло нечто ужасное.

— Вы и сейчас не знаете где он, не подавали на всесоюзный розыск?

— А для чего мне подавать на розыск, — несколько раздраженно спросила Мария. Он же не от меня убегал, а от вас. Вы хотите сказать, что я должна разыскивать человека, отца моего ребенка, для того, чтобы он попал к вам в руки. Не по-людски получается.

— Да, ухмыльнулся Маркарен. Любопытная у вас логика.

— Чего уж тут любопытного — вдова при живом муже.

— Мне было с вами приятно побеседовать, вы очень обаятельная женщина, а я, поверьте, знаю толк в женщинах.

Давайте ваш пропуск, я отмечу его, а то, того гляди не выпустят такую красивую женщину. Заходите с мальчиком к нам, супруга будет рада познакомиться, ведь как-никак оscarовские. Вы уж не гневайтесь на меня, Мария Михайловна, закон есть закон — обычная процедура.

Выйдя на улицу она почувствовала необыкновенную легкость на душе. Было ощущение, что с нее сняли тяжелый груз. Она быстрым шагом направилась на междугороднюю станцию, так как обещала приехать к своей подруге, у которой год назад в этот день умерла мать. Сев в автобус, она почувствовала себя дурно — жара, забитый до отказа автобус, да и она с утра ничего еще не ела, но незаметно она ушла в свои мысли, разговор с генералом возбудил в ее памяти то, что она старалась не вспоминать, не будоражить в себе.

Она вспомнила Майсея, который погиб 11 лет назад под чужим именем, и теперь покоится где-то на чужой земле в братской могиле. Она ждала его, терпеливо, долго...

* * *

Тяжелое крушение пригородного поезда Махачкала-Буйнакс произошло поздно вечером, часов в десять, состав сошел с рельсов. Картина была не для слабонервных. Душераздирающие крики, разбросанные тела погибших. Весть быстро разнеслась по всей округе и, конечно донеслась и до Махачкала. Одним из первых узнал о трагедии старший брат Марии — капитан республиканского военного комиссариата, Яков, и, конечно до Хайвата. Он не находил себе места, так как знал, что Мария должна была вернуться домой этим поездом.

— Послушай, Яков, можешь выпросишь у начальства замену, съездим на место происшествия, объясни, что сестра должна была быть в этом поезде.

Вскоре, они уже были на месте трагедии, все было оцеплено. Но у Якова был специальный пропуск, который в любой ситуации давал ему зеленый свет. Хайват с фонариком ходил вокруг разбитого вагона, и искал свою дочь среди живых, или мертвых. А Мария, тем временем, после процедуры соболезнования искала любую возможность уехать домой, так как поезд она уже пропустила.

— Это же Буйнакс, говорили ей ее друзья, где мы найдем тебе машину, да еще в такое время? Даже телеги не найдешь. Переночуй, а завтра уедешь. И она осталась до утра. А утром, с первым автобусом возвратилась домой. Уже подходя к дому, она услышала женский плач.

— Вы, что это меня хороните, спросила Мария и сама, не зная почему расплакалась, обнимая мать и всех собравшихся поочередно.

— Отец и Яшей со вчерашнего вечера на станции в поисках, растирая слезы тихо сказала мать. Я сейчас обойду все места, где они могут быть, сказала Мария, не беспокоясь. Ну теперь скажи, что нет судьбы, обращая свой взор в

сторону матери, которая тоже просидела всю ночь не сомкнув глаз. Ведь она должна была приехать этим поездом. Но так получилось, что приехала в Буйнакс поздно. Надо было немного посидеть среди людей. А к поезду уже не успевала, значит так было нужно...

Ты знаешь, Мария, такие страхи рассказывают те, кто видел это крушение. Там погибла молодая пара. За день до этого в родительского доме они сыграла свадьбу. Невеста была в белоснежной фате, а жених в черном костюме. Наш Яша, бывший фронтовик, повидавший многое, но даже он был потрясен увиденным. Такая нелепая смерть. Они лежали рядышком, держа рука в руке. Я представила состояние своих родителей, когда они узнали о катастрофе, зная, что должна была быть в этом поезде.

Глава 14

53-й год

Не вспоминай его. Что имя?

Звук пустой!

Дай бог, чтоб для тебя оно оставалось тайной.

(М. Ю. Лермонтов. «Ребенку»)

Предстоящий выезд Марии в Москву домашние не одобряли, особенно мать Либо, или Хубей, как звали ее близкие. Ну куда ты едешь, потратишь деньги, намучаешься, и неизвестно добьешься ли чего-нибудь. Ведь это связано с выездом за границу, тем более Западная Германия. Найдешь ли ты там в братской могиле имя Иосифа, неизвестно. Кто тебя выпустит из страны? Знакомых у нас в министерстве обороны нет, тебе даже пропуск вряд ли выпишут на прием в МВД. Подумай, Мария, говорила Хубей.

Но если Мария что-нибудь задумала, то должна была все довести до конца, по-своему. Она решила вместе с отцом

поехать на братскую могилу во Франкфурт на Майне, в которой была захоронен 20-летний Иосиф, за несколько дней до желанной Победы. И она отдавала себе отчет, что сделать этот очень не просто, но отступить от своей идеи не хотела. Что ж это получается, 20-летний парень отдал жизнь за свою страну, а теперь отец и сестра не могут даже поклониться его праху? Посмотришь, папа, я все равно добьюсь, пыталась убедить домашних Мария.

— Ты хоть письмо напиши нашим родным в Москве, а то приедешь, как снег на голову. И вообще, могут ли они принять тебя сейчас?

— Какие ж это родственники, если не смогут приютить меня на пору дней, — возмущалась Мария. И было решено, что она едет, но если в течении недели у нее ничего не получается, то она возвращается. Она выехала вечером, на фирменном поезде «Дагестан». Вагон был переполнен, но несмотря на это было ужасно холодно, на дворе стояло 6 марта, начало весны. Было уже 10 вечера. Свое нижнее место пришлось уступить, по просьбе проводницы больной пожилой женщины, и взобравшись на верхний «этаж» она пыталась уснуть, но не могла — лежала и думала о своем. Стучали колеса, как-бы отсчитывая дни, месяцы, годы ее беспокойной и суетливой жизни, где-то в купе тихо пели какую песню. Всплывали, почти забытые грустные и смешные эпизоды из ее жизни, лица живущих и ушедших из жизни близких. Как быстро летит время, ей уже 35 лет. А что видела она за эти годы?..

В Москве ее встречали. Она хорошо знала этот веселый, шумный и многолюдный город, а особенно Курский вокзал, где в любое время суток можно было встретить своих земляков из Дагестана. Но выйдя на перрон, она увидела незнакомую ей Москву, что-то изменилось, что-то было не так — много милицейских, нескончаемая река людей.

— Что-то произошло, спросила она у встречавшей ее родственнице Берты.

— Да, случилось, а ты разве не слышала???

— Умер Сталин, шопотом сказала она. Было сообщение в «Правде» от ЦК партии. До этого каждый день печатали

бюллетени о состоянии его здоровья. Завтра похороны. Объявлен всесоюзный траур.

Подавленная и убитая этим известием, она решила, что завтра обязательно пойдет на церемонию похорон. И на завтра, в 10 утра, она уже была на знаменитом Бульварном кольце на пересечении со Сретенькой, и увидела толпу тысяч и тысяч людей, которые устремлялись к Колонному залу Дома Союза. Ей казалось, что она осиротела, что осиротел весь мир с его уходом. Тихо продвигаясь, она плакала и не скрывала своих слез, все плакали, все стремились последний раз посмотреть на своего великого вождя, на отца всех народов.

К 12 часам толпа превратилась в лавину, которая несла всех в себя, ей становилось страшно, ее несло, был страх упасть и быть растоптанной, все это сопровождалось траурной музыкой, дикими криками, воплями, плачем, опять ее воспоминания черной бездны смерти и корчящихся в собственной крови людей. Не было ни метра свободной земли. Она боялась упасть и быть втоптанной в землю. Мария чувствовала себя маленьким зернышком в объятьях гигантских жерновов. Каким-то чудом ей удалось вынырнуть из этого ада к узкому проходу — искусственной колее, по которой двигались милицейские машины, пытавшиеся, как ледокол расколоть это чудовищные толпы, идущие ото всюду. Она была на свободе и все остальное уже наблюдала со стороны. Она видела, как сотни рук подхватывают машину, и словно бумажную игрушку поднимают, несут, а затем выбрасывают, как ненужный отход в мусорные ящики прямо на головы и спины других, плывущих вместе с ними. Она уже не хотела видеть ничего и ей уже не хотелось отдать последние почести великому вождю.

Глава 15

Ищите меня на Красной площади

*Смотри ж, ни говори, ни про мою печаль
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее, быть может
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...*

(М. Ю. Лермонтов)

После закрытия школы, Мария уже не особо и стремилась к педагогической работе. Прошло столько времени, столько воды утекло, я уже потеряла квалификацию. Но это она так думала. Просто слишком много выпало на ее долю за это время, не было душенных сил, чтобы спокойно, как в прежние годы спокойно работать в школе, с детьми, которые требовали морального равновесия педагога. Проработав некоторое время в еврейском колхозе, в детском саду, она твердо решила начать все с начала и пойти работать на производство. Она пошла в рыбный комбинат, в отдел кадров. Там, ознакомившись с ее личным делом были удивлены — с ее-то биографией, простым рабочим копильного цеха?

— Марья Михайловна, вам бы на общественную работу, парторгом, профсоюзным лидером. Вы, человек с дипломом, всегда были среди людей.

— Не место красит человека, — отшучивалась она. Походим в рядовых, а там будет видно.

Но временное затянулось надолго и не потому, что ей не предлагали ничего более подходящего, просто привыкнув к коллективу, ей было трудно бросать все. Она была слишком требовательна к себе, и требовала и от других полной отдачи в работе. Она никого никогда не ругала, просто умела поговорить по-душам.

— Ну, брат, рассказывай, что у тебя, что за настроение, почему глаза на «мокром месте»?

Этот домашний настрой, дружеский тон, создавал теплую обстановку среди тех, кто работал с ней, обстановку до-

верия и доброжелательности. И хотя не всегда на ее душе было спокойно, скорее наоборот, ни один мускул на ее лице не выдавал ее настроения — всегда приветлива, улыбкива. Для нее никогда не было чужого горя, она всегда все принимала близко к сердцу и чужое горе, и чужие радости. И люди всегда тянулись к ней, всегда были вокруг нее. Ее неоднократно приглашали на собеседования, предлагали должности руководящих работников.

И однажды старший инспектор сделал ей деловое предложение, рассказав, о том, что открывают для нее специально вакантную должность заместителя генерального директора по работе с кадрами. И что это предложение исходит не от него, а сверху, что хватит ходить ей в резиновых сапогах, уже не девушка, и что надо немного пожить для себя — персональная машина, кабинет, зарплата, без физических нагрузок.

Она попросила время на обдумывание, но сомнения не покидали ее. Она привыкла работать с простыми людьми, она человек другой гвардии и привыкла говорить и делать все открыто, справиться ли она с этой работой. И она решила отказаться от этого заманчивого предложения. Так и осталась она работать на старом месте среди вечной сырости, все в той же клеентчатой робе с бесконечными подъемами на самую верхотуру для сушки рыбы. Но авторитет ее, конечно же поднялся как среди ее сослуживцев, так и среди администрации. Ее бригада работала на экспорт и всегда преуспевала. Все, конечно понимали, что это дело рук Марии, благодаря ее умению уговорить, внушить, благодаря ее ответственности. Она стала первой горянкой, удостоенной орденом Трудового Красного Знамени, были и другие награды. Ее фотографии вновь запестрили на страницах газет и журналов, рисовались на досках почета. Очень торжественно было обставленно ее награждение орденом. Мероприятие проходило в республиканском Русском театре, в президиуме сидели все именитые люди, она должна была произнести всего несколько слов благодарности, порой ей казалось, что ноги не подчиняются ей, только силой воли она сумела взять себя в руки, вышла и сказала простые теплые, понятные слова благодарности.

Не было ни одного праздника, на который бы ее не приглашали, она всегда находилась на трибуне, среди почетных гостей, но всегда оставалась простой, душевной женщиной Марией.

Однажды, какие-то хулиганы, устроили погром на еврейском кладбище. Картина была удручающая — вывернуты могильные камни, разбитые куски мрамора, хулиганские надписи, несколько пристреленных местных собачек. Слух об этом прошел по всему городу, и Мария, как общественница, да и как человек, еврейка не могла равнодушно отнестись ко всему этому равнодушно. Она решила привлечь внимание широкую общественность к этому акту вандализма. Она сделала запрос в Москву, добилась того, что в связи с этим, в Махачкале прошли один за другим два громких митинга, представители всех национальностей позорно оклеймили вандализм 20 века. Правоохранительным органам удалось выйти на след. Но для Марии все это имело свое неприятное продолжение. Среди молодчиков был брат одной из работниц, которая совсем недавно до этого случая попросилась в подсобные рабочие к ней в бригаду. Она частенько рассказывала пошлые анекдоты про Сару и Соломона и не отличалась большой нравственностью. После случившегося девчина решила во что бы то ни стало отомстить Марие.

Как-то Мария предложила ей поработать, научиться всему процессу.

Девушка с удовольствием согласилась, ей объяснили как, что нужно делать, проинструктировали.

— Не отвлекайся, держи подставку крепче, чтобы она не съехала, и больше ничего хитрого здесь нет, — объясняла ей Мария. А сама поднялась на верхотуру и принялась вывешивать тяжелые рыбины. Но для этого ей приходилось оставлять цех и выходить на другую территорию. После каждой операции Мария возвращалась на так называемую площадку, или как их еще называли «козлы». Делала она это многие годы и всегда все проходил без каких-либо происшествий.

Закончив работу по развешиванию рыбы, она возвратилась на свое рабочее место и не глядя шагнула на возвышение, но подставки не оказалось на месте и она шагнула в никуда. Она упала и ударилась головой о что-то острое. Вскоре появилась «Скорая», а через полчаса и следователь, которому ее новая подопечная все начистоту и рассказал, о мести, за своего брата.

Сыну Марии, Рахмани позвонили сразу же, травма была тяжелой, мать находилась в критическом состоянии. Ворвавшись в больницу, наспех надев халат он вошел в палату и обомлел — в углу палаты, лежала его мать, вся забинтованная вдоль и поперек.

— Ты меня слышишь, мама, — тихо произнес он. Это я, Рахмани. Она взяла руки сына в свои и глазами дала знать, что все хорошо. Еще долго сидел он возле ее постели. Через неделю ей стало легче, а через полтора месяца ей разрешили вставать, потихоньку ходить, возвращаться к жизни.

— — — — —

Глава 16

Холодное лето 59-го. Жаркий январь 72-го.

*Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.*

(М. Ю. Лермонтов. «Молитва»)

Хайват заболел. Это было большой неожиданностью для всех, кто его знал. Человек, у которого даже голова никогда не болела? Было это перед самым Пейсахом. Он сам пошел к врачу, ничего не вызывало никаких опасений, вот только лицо изменило цвет на желтовато-коричневый.

В молодости у него барахлила печень, может болезнь Боткина, сам себе говорил он.

Но все врачи однозначно поставили диагноз — рак печени. Сообщили это Марии и Якову. Его выписали из инфекционного отделения домой. Хайват был крепким мужчиной и никто не помнит, чтобы он когда-либо жаловался на боль, невезение, неурядицы. Но сейчас он угасал день за днем, боли становились невыносимыми, когда же она отпускала, в те недолгие минуты он успевал еще и пошутить с близкими. Его навестить съезжались все близкие, родственники, некоторых он не видел долгие годы. Вы делаете то, что придаете мне силы, как бальзам. Ей богу, я скоро поднимусь, говорил он. Но Хайват не поднялся. Его хоронили 5 июня 59 года. Было много народу, слез, вспоминали и его сына Иосифа. Гроб с телом несли на руках молодые ребята, которые по ходу меняли друг друга. Мария была вся в черном. Отец был для нее всем, и она плохо переносила невосполнимую потерю, несколько раз она теряла сознание.

Бабуля Хубей пережила мужа на целых 12 лет и умерла в лютую стужу в январе 72 года.

От мороза лопались деревья, а птицы падали налету. Умерла она не сразу. Несколько недель подряд ее мучила пневмония, а по ошибке был поставлен диагноз сердечная недостаточность. Время было упущено и спасти ее было невозможно. Рахмани бегал от одной семьи к другой, извещая других ее детей о болезни матери. Но у всех были свои проблемы и свои неотложные дела. Никто не приходил. Правда однажды, явилась младшая дочь, Динор, занесенная неизвестно каким ветром, стоя у порога дома, она небрежно спросила, у тяжелобольной матери:

— Хубей что ты хочешь? Тебе что-нибудь принести?

Бабуля Хубей посмотрела обиженным взглядом на дочь и тихо сказала:

— Стакан меда.

— Пожалуйста, только у меня нет денег. Стакан меда стоит рубль.

Конечно, у Хубэй был мед, и молоко, и все, что положено больному человеку. Дочь Мария, у которой она находи-

лась в последнее время, делал для нее все, что возможно и никогда не обижала мать. Бабуля просто хотела еще раз убедиться в том, как она хорошо знает каждого из своих детей.

Она любила и переживала за свою дочь Марию, которая принесла в жертву родительскому дому свою молодую жизнь и старая мать мучилась, терзалась из-за так рано ушедшего из жизни молодого Иосифа. Эти двое, никогда не уходили из ее измученной души.

— Мама, как-то сказала Мария. У тебя нет богатства, нет особняков, нет бриллиантов, но есть несколько золотых украшений. Давай, я позову всех детей, раздай им, и я тоже буду спокойна. Я не хочу войны с родными сестрами и братом, начнутся суды— пересуды.

Но бабуля и слышать не хотела об этом. Они жестокие, не хотят навесить умирающую мать, ждут приглашения.

20 января 1972 года бабуля Хубей умерла в маленькой комнатке с низким потолком, тихо, почти незаметно. Это был второй удар. Рахмони взял все хлопоты по похоронам на себя. Он попросил в знакомом ведомстве пару машин и занялся совсем неприятными хлопотами — оформление документов, поисками продуктов. Целый день он был в бегах на лютom морозе и больное ухо «заговорило»: из него пошла кровь.

— Смотри, друг, у тебя будет осложнение, сказал один из его друзей, хочешь заработать минингит?

— А что мне делать, оставить труп посреди двора?

Мария и Рахмони с достоинством выдержали и это горе, и это испытание.

Глава 17

Его зовут Рахмони

*Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чей образ видела во сне.*

(М. Ю. Лермонтов. «Демон»)

Кажется, все богатые люди мира, не дорожили так всем своим добром, как она дорожила своим единственным сыном Рахмони. Она никогда не корила себя за свою судьбу. Она сама ее сделала. Человек, которого она любила, ушел так рано из жизни, долгие годы она еще надеялась на чудо, но оно не произошло.

Возвратился Анатолий из Москвы, возобновились вновь его ухаживания, близкие давили на нее, а ей было все равно, она понимала, что все равно любви уже никогда у нее не будет. И решилась, сыграли свадьбу. Родился сын. Жизнь брала свое. Дом, работа и много работы в школе. Виталий часто приходил домой нервный, усталый — Особый Отдел — множество людских судеб, срочных дел, авантюры, каверзные дела. Здесь можно было и «погреть» руки и оказаться за решеткой. Мария боялась за него, боялась, дабы не случилось чего. И тревога оказалась не напрасной: в один из вечеров он не пришел домой. Роме шел всего седьмой месяц. До нее доходили слухи, что он жив, но срочно вылетел в Москву, а оттуда, якобы в Среднюю Азию, так как его ждала расстрельная статья.

* * *

Закончилась война. Много воды утекло. Вся ее жизнь была посвящена только одному человеку — сыну Рахмани, который был уже отцом двух дочерей. Еще в университетские годы у него проявился талант литератора. Его охотно печатали в журналах, альманахах. Вышла первая его книга стихов. Его

имя было названо среди десяти молодых поэтов мира в болгарском городе Варна. Пришла к нему и слава известного все-союзного репортера. И надолго Северный Кавказ станет регионом, в котором он будет плодотворно работать, сотни маршрутов, встреч, множество статей, интервью, репортажей. Силу его острого пера все чаще и чаще стали ощущать на себе «большие люди», делавшие «большие, левые» деньги, «боссы» и некоронованные «короли» подпольного бизнеса. И однажды, один из таких появился в дом к Марии, зная о том, что он в отъезде. Пришел он не просто так, а с подарками, цветами. Она знала, что эти люди недолюбливают ее сына.

— Чем обязана, — ничего не понимала она, что вас привело ко мне?

— Угломните своего сына, Мария Михайловна, а то у него будут, мягко говоря, неприятности, а я знаю, что он у вас единственный.

— Заберите свои подношения, и запомните — мой сын, не из трусливых, и его оружие — перо и бояться должны вы его. С тех пор на Рахмани шла охота. Он знал, что тут замешаны большие чины, так называемые теневики. Мария боялась за него, и частенько просила его: — «Ну зачем тебе это надо, их много, а ты — один. У тебя дети, талант. Смотри, Галя уже таваровед, Мариночка учится в Москве в гуманитарном университете, такая умница, такая красавица. Пиши свои книги, уйди от этой грязи».

Вся ее тяжелейшая жизнь, постоянные переживания надломили ее здоровье, она часто болела, перенесла инфаркт. Но выкарабкалась, была счастлива, что увидела семейное торжество — свадьбу своей внучки Гали. Она сидела такая радостно-возбужденная, наверное вспоминая свою безвременно погибшую молодость.

Но на третий день после свадьбы Рахмани решил пойти проконсультироваться с врачами, хотел, чтобы обследовали ее самые лучшие специалисты, может они попытаются поставить ее на ноги. На обратном пути решил сделать кое-какие покупки для дома, но какое чувство тревоги, торопило его домой. На пороге его ждала дочь, с заплаканными глазами.

— Папа, закричала она, бабуля умерла.

Где-то в глубине он был готов к этой минуте, но боялся ее, откладывал куда-то далеко.

А сейчас, ему надо заниматься таким тяжелым, противоречащим всем его ощущения делам. Похороны. Какое страшное слово. Хоронить свою мать.

Он подошел к шкафу, желая достать паспорт Марии. И в нем нашел сложенный в четверо листок бумаги. Он узнал, до боли знакомый почерк и стал читать.

— — — — —

Эпилог

Прощание:

Дорогой мой сынок, Рахмони!

Я всегда была откровенна с тобой, как с сыном, как с единственным родным человеком в моей жизни.

Но есть вещи, о которых не говорят, даже с собственным сыном. В последние дни я чувствовала себя все хуже и хуже, и знала, что дни мои сочтены, но не хотела лишний раз огорчать тебя.

Я прожила нелегкую жизнь и судьба нередко смеялась надо мной, посылая мне все новые и новые испытания. Но я была счастливой женщиной, у меня был ты — мое дорогое существо и моя гордость, надежда. Я пишу тебе, потому, что чувствую, что могу не успеть все сказать.

Дорогой сын! Я знаю лучше, чем кто-либо, что ты, настоящий человек, романтик, каких, может быть уже и нет на свете, Дон Кихот — справедлив, прямолинеен. И я опасюсь за тебя. Я знаю, что ты силен, смел и у тебя сильная воля, но у любого полководца должен быть соратник, чтобы победить на поле боя. Сейчас совсем другое время — время меркантильности и прогматизма. И я боюсь, что твой несколько крутой характер сыграет с тобой злую шутку, и ты останешься в гордом одиночестве. Это жизнь, а она непредсказуема. Даже не соглашаясь с мнением других, видя их непригодность, бездарность, авантюризм, ты не должен вос-

ставать против всего, что вокруг тебе, чтобы не остаться «белой» вороной, и не преумножать армию своих врагов. Люди так устроены, что не хотят, когда им указывают на их ошибки, бездарность, не дразни их и не омрачай свою жизнь.

Можно поменять квартиру, мебель, но судьбу поменять нельзя, она дается Всевышним. Лучше любой компромисс, худой мир, чем добрая ссора. Это не значит, что надо идти против своей совести, просто быть немного покладистей. Я знаю, что твой семейный корабль иногда опускаться ниже красной черты — ниже ватерлинии, но ты должен помнить, что семья — это твой тыл, будь умен и терпим в семье, с женой, детьми — они смысл твоей жизни. Всю свою жизнь я старалась оберегать тебя, ограждать от всяческих невзгод, теперь я ухожу, старайся понять других, не слушай только себя. Иногда, человек делает поступки, о которых жалеет потом всю жизнь, которые нельзя исправить, не отвергай протянутых рук, жить нужно разумом, а не эмоциями. Самое страшное в жизни — это когда ты один. Даже великие полководцы, не знавшие никогда горечи поражения, погибали от неотразимого меча — одиночества.

В свою очередь, я чувствую свою вину перед тобой в этом беспокойном и непутевом мире ты остаешься совсем один — лицом к лицу с невзгодами, недругами, черной завистью и местью. Все эти годы, я как могла была для тебя тихой гаванью, стараясь оберегать от неприятностей. В твоих волосах уже пробивается проседь, но для меня ты все равно останешься мальчиком, сколько бы тебе не было лет. Но так устроен мир, что дети уходят из жизни раньше своих родителей и страшно, несправедливо, когда случается наоборот. Когда бы это не случилось, не впадай в панику, мужайся и будь мужчиной. Есть у меня просьба: если волей судьбы тебе придется уехать на библейскую землю, возьми горсть земли с моей могилы и похорони ее там. Я хочу быть рядом с тобой и после смерти.

Прощай, мой мальчик. Не убивайся, все справедливо в этом мире. Я же буду молиться за тебя, чтобы все мыслимые и немыслимые боги помогали тебе.

Умей прощать, даже если ты останешься не прощенным.

Умей любить и быть милосердным, когда тебя ненавидят и презирают. Будь выше всяких предрассудков.

Да хранит тебя еврейский Бог.

И помни: Никогда и ни у кого ничего не проси и не бойся, ибо именно у тех, кому больше всего угрожает заячьи, трусливые сердца, опасней во сто крат тех, кто с открытым забралом. Они подобны злым собакам, стремящихся укусить, разорвать.

А просить тем более безнадежно. Помнишь поговорку — если тебе нужны деньги и у тебя есть друг, у которого можно одолжить, крепко подумай, что для тебя важнее — друг или деньги. Деньги ты может получишь, может нет, а друга потеряешь наверняка.

Будь очень осторожен в отношениях с людьми, ибо это всегда, сродни с хождением по минному полю, или ходьба босыми ногами по разбитому стеклу. Поранить ноги, это не так страшно, но страшнее безнадежно поранить свое сердце, а оно у тебя и так ранено.

И еще. Не бойся отдавать. Отданное от доброго сердца — это не потеря. Помнишь у Руставелли:

*Что ты спрятал, то пропало.
Что отдал — то твое.*

Рахмани держал в руках этот белый листок бумаги — послание самого дорогого человека, которого больше нет. Он чувствовал себя маленьким существом, вылетевшим из разбитого иллюминатора большого космического корабля в вечную тьму, из которой должен вырваться назад к свету и жизни.

Ему казалось, что он слышит откуда-то с небес далекую, едва уловимую на слух мелодию и до боли знакомые строки, звучавшие, как набат, как прощальный реквием:

*Когда я стану умирать
И верь, тебе не долго ждать.
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Там положить вели меня
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз
Оттуда виден и Кавказ!*

СОДЕРЖАНИЕ

Горские евреи: загадка, на которую нет ответа	6
Горские евреи и хазары	10
Баллада о хазарах: евреи, кругом одни евреи	13
Хроника кавказской трагедии	17
Рав Ицхак Бен-Яков и его сын рав Янкиль — светило кавказской духовности	19
Братья Ханукаевы, которые дружили с императором Николаем Вторым	22
Мататьягу Богатырев и Соломон Мордехаев — соратники Теодора Герцля	25
Асаф бен Раби Итом (Пинхасов): раввин, принявший смерть	27
Мардахай Овшалум: певец, поэт, бунтарь	32
Абрам Дадашев: миллионер, умерший под чужим забором	39
Михаил Бен-Герарий — кавказский «Монте Кристо»	43
Илья Анисимов — кавказский «Колумб», открывший горских евреев	46
Они были первыми	52
Раввин, которого реабилитировали после убийства	58
Исай Иллазаров: подвиг и бессмертие	65
Богдановка: «Бабий Яр» горских евреев	71
Академик Гавриил Елизаров — горский еврей, который спас великого Брумеля	76
Приговоренный... к расстрелу	80
Танхо Израиллов: восхождение к «Лезгинке»	87
Екутиэль Адам — вечно живой генерал	93
Марусэ	95
Отец и сын Ифраимовы	100
Роман Бадалов: поэт, журналист, человек	104
Роман Гаврилов: человек и легенда	109
Сергей Ильясафов — кавказский Робертино	115
Бениамин Ифраимов: министр, ставший репатриантом ...	120
Иосиф Матаев: «Лезгинка» — танцы, которые могут воскресить даже мертвых»	126

Доктор наук, который говорит с Богом	133
Ариэль Агарунов — адмирал, рисующий море	138
Симха Есипов: свой человек в Ор-Акиве	144
Факир, который удивил всех. Даже «Гиннесс»	150
София Якубова: жизнь во имя других	157
Иду на инфаркт	163
Писатель Хизгил Авшалумов: еврей, который отверг Израиль	168
Телман Исмаилов: милосердный человек из кавказского дома	173
«Я — бард»	176
Еврейская судьба Шаина Геокчайлы	182
Симха Давыдов: время идти на пулемёт	185
Алексей Якубов: поэт, который познал вышку, и о терроре, который опаснее арабского	191
Анатолий (Таль) Нахшунов — человек из фронтового города	199
Яков Бар-Шимон: «Мы все в одной лодке»	204
Исраэль Рзаев — «Нострадамус» из Гянджи	207
Роберт Тивъяев и его фонд «Возрождение»	210
Ханука Рафаилов: послесловие к одной жизни	216
Марусэ. Повесть о матери: не умирай раньше солнца ...	220

*Дагестан. Махачкала.
Рав Юно Юсуфов проводит свадебный обряд (купа).
Сейчас раввин проживает с семьей в Израиле.
Снимок 1980-х годов*

Знакомьтесь: Роман Бадалов. Уроженец Кавказа, из горских евреев. Его имя достаточно хорошо было известно любителям поэзии на родине исхода. Хорошо известно оно и здесь, на новой родине, в Израиле. Стихи поэта, опубликованные в разные годы в толстых и тонких журналах и книгах, всегда воспринимались и воспринимаются с особой теплотой и признанием.

В разные годы до репатриации и уже здесь, в Израиле, увидели свет его книги «Иду на огонь», очень тепло принятая читателями и «Живу на войне», которая была представлена на соискание Государственной премии Израиля и востребованная читателем не только в Израиле, но и за его пределами. Не так давно потом был издан сборник стихов «Кавказские тосты».

И вот новая книга Романа Бадалова «Похищение Семендера, или Кавказские хроники», в которой повествуется об истории горских евреев со времен седой старины и до наших дней.

Роман Бадалов — член Союза русскоязычных писателей Израиля. Активно участвует в общественной жизни репатриантов — выходцев с Кавказа. Русскоязычный читатель знает его еще и по многочисленным публикациям в газетах «Вести», «Новости недели» и «Русский израильтянин».